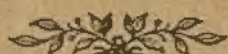

26
188

87

Д 180
84
И. И. НЕПЛЮЕВЪ,

ВѢРНЫЙ СЛУГА СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА,
ОСНОВАТЕЛЬ ОРЕНБУРГА
И
УСТРОИТЕЛЬ ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ.

БЮГРАФИЧЕСКО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА НЕПЛЮЕВА И РОДОСЛОВНОЙ ЕГО
ПОТОМКОВЪ ПО ПРЯМОЙ ЛИНІИ.

НЪ 300 л. юбилею существованія Уральскаго казачьяго войска.

СОСТАВИЛЪ

В. Н. ВИТЕВСКІЙ.

Для ученическихъ библіотекъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ учеб-
ныхъ заведеній, станичныхъ правленій, казачьихъ и народныхъ школъ
Оренбургскаго, Туркестанскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1891.

А 100
87

И. И. НЕПЛЮЕВЪ,

ВѢРНЫЙ СЛУГА СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА,
ОСНОВАТЕЛЬ ОРЕНБУРГА
И
УСТРОИТЕЛЬ ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ.

БИОГРАФИЧЕСКО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА НЕПЛЮЕВА И РОДОСЛОВНОЙ ЕГО
ПОТОМКОВЪ ПО ПРЯМОЙ ЛИНИИ.
Къ 300 л. юбилею существованія Уральскаго казачьяго войска.

СОСТАВИЛЪ
В. Н. ВИТЕВСКІЙ.

Для ученическихъ библіотекъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ учеб-
ныхъ заведеній, станичныхъ правленій, казачьихъ и народныхъ школъ
Оренбургскаго, Туркестанскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1891.

Цензурою дозволено, Казань 15 Июля 1891 года.

2007080003

ОТЪ АВТОРА.

(ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ).

*„Знѣло пріятно есть слышать Намъ
о мирѣ и устроеніи Нашего Орен-
бургскаго края и о твоёмъ, губер-
наторъ, многомъ радѣніи, за что
Мы тебя благодарствуемъ“.*

(ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА — НЕПЛЮЕВУ).

Обычай прославлять подвиги своихъ соотечественниковъ, на какомъ бы поприщѣ они ни были совершены, и особенно подвиги, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, всегда былъ присущъ народамъ, стоящимъ на большей или меньшей степени развитія,—это благороднѣйшая черта народа. Россія также не забываетъ своихъ доблестныхъ мужей, но общенародность у насъ болѣе всего доступна замѣчательнымъ полководцамъ, выдающимся писателямъ и первокласснымъ поэтамъ. Не такъ счастливы въ этомъ отношеніи люди ученые, знаменитые администраторы и дипломаты: имена и дѣла ихъ почти исключительно извѣстны только небольшому кружку людей, большинство же даже образованнаго класса или ничего о нихъ не знаетъ, кромѣ именъ, или же знаетъ очень мало. Между тѣмъ эти люди во время своей жизни достаточно и ревностно трудились для блага Россіи, или какъ служители наукъ,

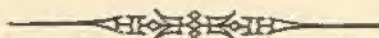
или какъ охранители общественнаго порядка и внѣшней безопасности государства, безъ чего не возможны ни благосостояніе, ни мирное развитіе человѣческихъ обществъ на землѣ. Къ числу такихъ замѣчательныхъ, но мало извѣстныхъ администраторовъ принадлежитъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, основатель настоящаго Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края въ прежнемъ его составѣ, когда онъ простирался съ З. на В. отъ средней Волги до Аральскаго озера-моря, и съ С. на Ю. отъ Екатеринбурга до Каспійскаго моря.

Свѣтлый и въ высшей степени симпатичный образъ И. И. Неплюева привлекъ къ себѣ мое вниманіе еще въ юности, на университетской скамьѣ. Неплюевъ былъ не только опытный морякъ, храбрый воинъ, искусный инженеръ, мудрый дипломатъ, энергичный и умный колонизаторъ, но и прекрасный отецъ семейства, искренно и убѣжденно вѣрующій христіанинъ. Чтеніе его Записокъ возбудило во мнѣ необыкновенное желаніе заняться спеціальнымъ изученіемъ его многосторонней и полезной дѣятельности, особенно въ періодъ организаціи имъ Оренбургскаго края. По окончаніи университетскаго курса, первые четыре года мнѣ пришлось служить въ Оренбургскомъ краѣ, надъ устройствомъ котораго такъ ревностно трудился И. И. Неплюевъ. Непосредственное знакомство съ Оренбургскимъ краемъ въ его настоящемъ видѣ, изученіе мѣстныхъ и другихъ архивныхъ матеріаловъ дали мнѣ возможность написать историческую монографію: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.“. Первые три выпуска этой монографіи уже напечатаны и вышли въ свѣтъ, а IV (последній)

выпускъ только еще готовится къ печати. Периодическая пресса, столичная и провинціальная, въ общемъ весьма сочувственно отнеслась къ моему труду; но моя монографія не всѣмъ можетъ быть доступной по ея специальности, о б ѣ е м у и, пожалуй, по цѣнѣ. Между тѣмъ въ настоящемъ году Уральское казачье войско намѣрено праздновать 300-лѣтній юбилей своего существованія, а И. И. Неплюевъ очень много сдѣлалъ полезнаго для этого войска: онъ, можно сказать, отстоялъ и его поселеніе на берегахъ р. Урала; слѣдовательно, теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, благовременно напомнить Уральскому казачьему войску о Неплюевѣ и познакомить его съ жизнію и трудами этого замѣчательнаго государственнаго человѣка. Съ другой стороны, въ 1893 г. исполнится 150 лѣтъ со времени основанія Неплюевымъ настоящаго Оренбурга и 200 лѣтъ со дня рожденія самого Неплюева. Въ виду этихъ обстоятельствъ, я призналъ за полезное составить настоящій біографическо-историческій очеркъ, приложивъ къ нему портретъ И. И. Неплюева, любезно доставленный мнѣ Ольгой Николаевной Неплюевой, и краткія родословныя свѣдѣнія, полученныя мною отъ Николая Николаевича Неплюева, которымъ и считаю пріятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю благодарность. Въ концѣ біографіи И. И. Неплюева, я счелъ нелишнимъ сообщить нѣкоторыя данныя и о Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ въ Оренбургѣ, какъ достойномъ памятникѣ устроителя Оренбургскаго края.

Настоящій очеркъ предназначается главнымъ образомъ для станичныхъ правленій и казачьихъ школъ Оренбургскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ, а также для ученическихъ бібліотекъ духовныхъ, военныхъ и

гражданскихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ народныхъ школъ Оренбургскаго, Туркестанскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ; но я думаю, что чтеніе настоящаго очерка можетъ имѣть патріотическо-воспитательное и отчасти религіозное значеніе для всякаго грамотнаго и любознательнаго крестьянина. Стараясь придать книжкѣ приличный внѣшній видъ, я для удобства при чтеніи раздѣлилъ все содержаніе очерка на двѣнадцать главъ и, кромѣ общаго оглавленія, сдѣлалъ на каждой страницѣ особья подглавія. Какъ я выполнилъ свое дѣло, представляю судить самимъ читателямъ.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМОМУ

НИКОЛАЮ НИКОЛЕВИЧУ

НЕПЛЮЕВУ,

УЧРЕДИТЕЛЮ И ПОПЕЧИТЕЛЮ

ВОЗДВИЖЕНСКОЙ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ШКОЛЫ,

съ чувствомъ глубочайшаго
уваженія и благодарности,
усерднѣйше посвящаетъ

В. Витевскій.

Милостивый Государь.

Глубокоуважаемый

Николай Николаевич!

Больше ста лѣтъ прошло со времени кончины Вашего знаменитаго предка, *Ив. Ив. Неплюева*, основателя Оренбурга и устроителя обширнаго Оренбургскаго края; но дѣла его и память о немъ доселѣ живы и поучительны для потомства. Широкой полосой раскинулась въ это столѣтіе Россія отъ горъ Карпатскихъ до Великаго океана и Афганистана въ одну сторону, отъ Карскаго моря до горы Арирата и южнаго побережья Чернаго моря—въ другую. Много совершилось въ ней за это столѣтіе и важныхъ событій какъ внутри, такъ и на ея окраинахъ. Какъ мощный и несокрушимый богатырь, Россія вынесла на своихъ плечахъ и ужасную Пугачевщину, и Отечественную войну 1812 года, и геройскую оборону Севастополя, и Польскій мятежъ, и освобожденіе Болгаріи. Исконные враги ея: башкирцы, киргизы, калмыки, хивинцы, бухарцы, сарты, туркмены, текинцы и разныя кавказскія горныя племена признали надъ собою ея мощную власть и отъ

нея ожидаютъ своего духовнаго и гражданскаго развитія. Въ это же столѣтіе совершилось и великое дѣло освобожденія многихъ милліоновъ крестьянъ, къ которымъ 19 февраля 1861 г. обратился съ высоты своего царскаго престола Печальникъ земли Русской, Царь-Мученикъ и Царь-Освободитель съ радостнымъ призывомъ: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Внутреннія реформы минувшаго и настоящаго славнаго царствованія призвали къ совмѣстной дѣятельности на пользу народа все классы общества. Духовенство, Дворянство и Земство, руководимыя мудрымъ Правительствомъ, дружно работаютъ на родной нивѣ, заботясь объ экономическомъ, умственномъ и религіозномъ развитіи простаго народа, силу и значеніе котораго такъ вѣрно и такъ мѣтко опредѣлилъ гений нашего баснописца И. А. Крылова: „съ новою весной листъ новый народится, а если корень пзсунится,— не будетъ дерева, ни вась“ (Листы и Корни).

На ряду съ этой общей работой, стали появляться отдѣльныя лица, которыя всецѣло и сознательно посвящаютъ себя воспитанію народа и улучшенію его быта. Вамъ знаменитый предокъ, Ив. Ив. Неплюевъ какъ-бы предвидѣлъ необходимость помощи крестьянину со стороны интеллигентнаго человека. Отходя на судъ Царя царей, онъ на смертномъ одрѣ завѣщалъ своему сыну: „Подчиненнымъ твоимъ, а паче крестьянамъ будь болѣе отецъ, нежели господинъ, имѣя прино въ памяти Слово Божіе: „милости хочу, а не жертвы“, и что они такіе же люди, какъ и ты, кро-

мѣ чиновъ и власти, данныхъ тебѣ гражданскими законами".—Вы, на сколько я знаю и могу судить, глубоко прониклись этимъ христіанскимъ и высоко-гуманнымъ взглядомъ своего предка, по отношенію къ крестьянамъ. Въ 1880 г. въ своей брошюрѣ: „Историческое призваніе русскаго помѣщика“ и въ 1881 г. въ брошюрѣ: „Совѣсть“ Вы откровенно и безбоязненно заявили, что русскій крестьянинъ нуждается въ искреннемъ другѣ, который бы имѣлъ достаточно матеріальныхъ средствъ, чтобы завести для него школу и библіотеку, открыть воспитательное заведеніе для его безпріютныхъ сиротъ, основать учебную ферму или ремесленную школу для здоровыхъ и взрослыхъ крестьянъ; тогда же Вы старались доказать, что для крестьянина необходимъ и **вліятельный** другъ, который-бы могъ защитить его отъ эксплуатаціи кулака, кабачника или сельскаго писаря, отстаивать его интересы на Земскомъ Собраніи и снабдить извѣстную мѣстность, сообразно съ ея условіями, новыми кустарными промыслами и промышленными товариществами.—То же думали и говорили и многіе другіе, но только думали или болѣе говорили, —Вы же постарались свои убѣжденія и желанія, на сколько это зависѣло отъ Васъ, привести и въ дѣло. Получивъ высшее юридическое образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ и прослуживъ два года въ дипломатическомъ корпусѣ, при Русскомъ Посольствѣ въ Мюнхенѣ, Вы не забыли ни крестьянина, ни деревни, а чтобы сознательно быть полезнымъ народу, Вы поступили на два года въ слушатели Петровской Земледѣльческой Академіи. Отказавшись отъ славы и почестей, которыя ждали Васъ впереди, Вы добровольно удалились въ деревню, чтобы быть въ непосредственномъ

общеніи съ народомъ, заняться его образованіемъ въ духъ Св. Православной Церкви, укрѣпить и облагородить въ немъ высокія и святыя чувства долга и преданности Престолу, Царю и Отечеству. Воздвиженская сельско-хозяйственная школа, открытая Вами въ 1885 году и содержащая на свои средства, Ваше непосредственное, по-истинѣ, отеческое отношеніе къ ней, Ваши настоящія заботы объ устройствѣ домовоі церкви и Братства при ней, — все это краснорѣчиво и фактически свидѣтельствуетъ о Вашемъ глубокомъ проникновеніи принципами основателя Оренбурга, Ивана Ивановича Неплюева, завѣщанными имъ своему сыну и чрезъ него — потомкамъ. Поэтому считаю себя особенно счастливымъ, что могу посвятить Вамъ настоящій біографическо-историческій очеркъ, какъ наглядное доказательство моего душевнаго сочувствія Вашимъ добрымъ стремленіямъ и предпріятіямъ и какъ знакъ моего глубочайшаго уваженія и благодарности къ Вамъ.

Владиміръ Витевскій.

15 Іюля 1891 г.
г. Казань.

I.

Предки и родители Неплюева, его дѣтство, отрочество. юность и женитьба. — Образованіе Неплюева въ Россіи и за границей, возвращеніе въ отечество, экзаменъ предъ Петромъ Великимъ и поступленіе на службу.

Родъ дворянъ Неплюевыхъ весьма древній и происходитъ отъ одной вѣтви съ царствующимъ нынѣ на Руси домомъ Романовыхъ; но ближайшимъ родоначальникомъ Неплюевыхъ считается бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Неплюй, жившій въ княженіе Василя Темнаго, болѣе четырехъ сотъ лѣтъ тому назадъ. Въ 1462 году Ѳеодоръ Ивановичъ постригся въ монахи въ Троице-Сергіевской лаврѣ, близъ Москвы, гдѣ онъ и умеръ; старшій его сынъ, Гавріилъ Ѳеодоровичъ послѣдовалъ примѣру своего отца: онъ также принялъ монашество и скончался въ томъ же монастырѣ, гдѣ — и отецъ. Сынъ Гавріила Ѳеодоровича бояринъ Василій Гавриловичъ и внукъ Семенъ Васильевичъ почти безвыѣздно жили въ своихъ новгородскихъ вотчинахъ. Въ царствованіе Іоанна Грознаго, Семенъ Васильевичъ былъ вынужденъ удалиться въ Литву, а его жена и сынъ Иванъ остались въ Россіи на попеченіи своей родственницы, княгини Анны Семеновны Воротынской. Правнукъ Ивана Семеновича Иванъ Никитичъ и былъ отцемъ Ивана Ивановича Неплюева,

Walt Hendon

основателя настоящаго Оренбурга и устроителя обширнаго Оренбургскаго края. Мать Ив. Ив. Неплюева, Марѳа Петровна происходила изъ знатнаго рода князей Мышецкихъ, отличавшихся богатствомъ, начитанностью, набожностью и приверженностью къ старицѣ. Ив. Никитичъ былъ только на годъ старше своей жены и оба, мужъ и жена, отличались красотой лица и твердостью характера, при взаимной любви и уваженіи другъ къ другу. Молодые супруги поселились въ своей усадьбѣ Наволокъ Новгородской области; здѣсь 5 ноября 1693 года, въ Воскресенье, въ 7 часовъ утра, у нихъ родился сынъ, которому было дано имя Іоаннъ.

Когда мальчику минуло почти семь лѣтъ, отецъ оставилъ его съ матерью въ Наволокъ, а самъ, въ началѣ сентября 1700 г., отправился подъ Нарву въ составъ находившагося тамъ русскаго войска, по случаю войны Россіи съ Швеціей. Получивъ во время одной битвы нѣсколько ранъ, Иванъ Никитичъ глубокой осенью больной возвратился въ свою усадьбу, гдѣ онъ жилъ до самой смерти, послѣдовавшей 10 іюля 1709 г., на 38 году его жизни. Печальна была утренняя пора жизни Ив. Иванов. Неплюева. Дѣтство и отрочество онъ тихо и однообразно провелъ въ деревенской глуши, въ сообществѣ почти одной своей матери: отецъ его, до полученія ранъ подъ Нарвой, почти постоянно бывалъ въ отлучкахъ по дѣламъ службы; родныхъ со стороны отца у него не было: всѣ примерли, не оставивъ потомства; ближайшими его родственниками были родные его матери, князья Мышецкіе. Родной дядя Неплюева, князь Ѳеодоръ Петровичъ Мышецкій былъ уже женатъ, имѣлъ сына Ивана и дочь Марію и жилъ

по сосѣдству съ сестрой, которая нерѣдко бывала у него и одна, и съ сыномъ. Изъ другихъ дворянскихъ фамилій ближайшими знакомыми Неплюевыхъ были Татищевы и Квашнины-Самарины. Мать Неплюева была женщина очень набожная и умная, и потому она обратила особенное вниманіе на развитіе въ своемъ единственномъ сынѣ религіознаго чувства, глубокой вѣры въ Бога и безропотной покорности Его всеблагой волѣ; она же, вѣроятно, научила его читать и писать. Обиліе монастырей, мужскихъ и женскихъ, близъ родины Неплюева, и набожность его матери, овдовѣвшей на 37 г. жизни, отразились и на самомъ Неплюевѣ. Церковное благолѣпіе новгородскихъ монастырей, благоговѣйное богослуженіе монаховъ, ихъ серьезныя и блѣдныя лица, душеспасительныя бесѣды, — все это должно было сильно дѣйствовать на впечатлительную и воспріимчивую душу мальчика, видѣвшаго около себя религіозную и любящую мать и больного отца. Кроткій и любящій взоръ матери, болѣзненный видъ израненнаго, угрюмаго и страдающаго отца сообщили ихъ сыну какую-то тихую грусть и ту безропотную покорность Промыслу Божію, которая впослѣдствіи постоянно охраняла Неплюева въ счастіи отъ упоенія и гордости, а въ трудныя минуты жизни отъ ропота и отчаянія.

Въ время смерти отца Неплюеву было почти 16 лѣтъ. Не прошло и двухъ годовъ послѣ кончины Ивана Никитича, какъ Марѳа Петровна позаботилась найти для своего сына невѣсту. Въ то время новгородскимъ посадникомъ былъ Иванъ Юрьевичъ Татищевъ, внукъ Степана Лазаревича, извѣстнаго сподвижника князя Пожарскаго и Минина, при

освобожденіи Москвы отъ поляковъ. У Ивана Юрьевича былъ единственный сынъ Θεодоръ, котораго въ это время въ живыхъ уже не было; послѣ него остались: сынъ Василій и дочь Θεодосія. Не имѣя своихъ дѣтей, Иванъ Юрьевичъ взялъ къ себѣ внучатъ-сиротъ на воспитаніе. Бывая въ домѣ Татищевыхъ и раньше, Марѳа Петровна неоднократно видала Θεодосію Θεодоровну, и теперь выбрала ее невѣстой своему сыну. Въ Воскресенье, 6 сентября 1711 г., совершено было бракосочетаніе Ив. Ив. Неплюева съ дѣвицей Θ. Θ. Татищевой. Неплюевъ говоритъ въ своихъ Запискахъ, что онъ женился „*по волѣ матери*“, вѣроятно, намекая на то, что выборъ невѣсты принадлежалъ не ему, а его матери, и очень возможно, что молодые люди, по тогдашнему обыкновенію, мало и знали другъ друга до обрученія, а, можетъ быть, самъ Неплюевъ и не думалъ жениться или вовсе или, по крайней мѣрѣ, такъ рано. Какъ-бы то ни было, только Неплюевъ, не имѣя еще и 18 лѣтъ, сдѣлался женатымъ помѣщикомъ, у котораго было 100 душъ крестьянъ: 80 родовыхъ и 20 съ небольшимъ душъ, полученныхъ имъ въ приданое за женой. Молодые супруги поселились въ селѣ П о д д у б ь ѣ Новгородской области; здѣсь 19 августа 1712 г. у нихъ родился сынъ А д р і а н ѣ. Въ ноябрѣ 1713 г. Неплюевъ оставляетъ свою жену въ Поддубьѣ, при своей матери, а самъ удаляется на богомолье въ какой-то монастырь „*по о б ѣ щ а н і ю*“, данному имъ раньше. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1715 г. Неплюевъ возвратился изъ путешествія въ Поддубье. Это путешествіе въ монастырь, при добровольной разлукѣ съ молодой женой, въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ, доказываетъ ревность Неплюева къ благочестію, завѣщан-

ному отъ предковъ и развитому въ немъ умной, набожной и любящей матерью, что Неплюевъ подтвердилъ всею своею жизнію: во дни своей славы и могущества, онъ никогда не выѣзжалъ со двора, не выслушавъ обѣдни въ домово́й церкви, а во время путешествія имѣлъ при себѣ священника и походную церковь. Исполняя теперь свой благочестивый обѣтъ, Иванъ Ивановичъ какъ-бы приготовлялся духовно къ той многополезной и многотрудной дѣятельности, которая ожидала его впереди.

Въ 1714 году состоялся указъ, которымъ запрещалось жениться всѣмъ, не имѣвшимъ свидѣтельства объ обученіи „цыфирѣ“ и геометріи; но не оставлены были въ покоѣ и женатые дворяне, къ числу коихъ принадлежалъ Неплюевъ. Когда онъ возвратился изъ монастыря въ Поддубье, въ Новгородъ пріѣхалъ князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ и потребовалъ къ себѣ всѣхъ неслужащихъ дворянъ. 24 марта имъ произведенъ былъ смотръ; одни изъ дворянъ были опредѣлены на службу, другіе отданы въ ученье,—Неплюевъ оказался въ числѣ послѣднихъ: князь Меншиковъ записалъ его въ Новгородскую математическую школу, хотя Неплюеву въ это время шель уже 21-й годъ и на его рукахъ находилась порядочная семья: мать, жена и двое дѣтей. Какъ человеку женатому и семейному, Неплюеву не легко было сѣсть за школьную скамью, чтобы учиться ариѳметикѣ и геометріи; но особенно это поразило его мать: Марѳа Петровна не перенесла своего горя, заболѣла и 4 мая того же года умерла, имѣя всего 42 года отъ рожденія. Похоронивъ свою мать и простившись съ женой и дѣтьми, Иванъ Ивановичъ, съ покорностью Промыслу Божию и волѣ Государя, отправился въ Новгс-

родскую школу и здѣсь усердно принялся за ученіе. Въ іюнѣ того же года въ Новгородѣ былъ полученъ указъ, которымъ повелѣвалось выбрать изъ новгородскихъ учениковъ 84 человека и отправить ихъ въ Нарвскую школу. Оберъ-коммендантомъ города Нарвы и главнымъ директоромъ Нарвской навигаціонной школы былъ въ это время Кириллъ Алексѣевичъ Нарышкинъ, троюродный братъ царицы Натальи Кирилловны, матери царя Петра Великаго; онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Неплюева, Маріи Ѳеодоровнѣ Мышенцкой. Благодаря ему, Неплюевъ 29 іюня 1715 года, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ учениковъ, и былъ переведенъ изъ Новгородской въ Нарвскую школу. Учителемъ въ этой школѣ былъ извѣстный въ то время морякъ Митрофанъ Кашинцевъ, а ближайшимъ помощникомъ директора—нарвскій коммендантъ, Василій Григорьевичъ Титовъ. Но Неплюевъ и въ Нарвской школѣ пробылъ только три мѣсяца: его родственникъ К. Ал. Нарышкинъ вскорѣ былъ назначенъ коммендантомъ въ С.-Петербургъ, куда онъ постарался перевести и Неплюева. Въ 1715 г., на самый праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы, въ Петербургѣ была открыта Морская Академія, которая помѣщалась въ домѣ Кикина на берегу р. Невы, гдѣ нынѣ находится величественное зданіе Императорскаго Зимняго Дворца. Директоромъ Морской Академіи былъ назначенъ баронъ Сентъ-Илеръ, а непосредственный надзоръ за ней былъ порученъ Андр. Артамоновичу Матвѣеву; учениковъ въ Академію велѣно было набрать изъ Ревеля, Нарвы и Московской навигаціонной школы, открытой въ 1701 г. при Сухаревой

башнѣ. Вскорѣ было набрано до 300 дворянскихъ дѣтей, въ числѣ которыхъ былъ и Неплюевъ, поступившій въ Академію въ самый день ея открытія. Трудно было тогда учиться въ Академіи: учителями были больше иностранцы, почти незнавшіе русскаго языка; учебниковъ и учебныхъ пособій не было; преподаваніе велось на мало понятномъ или и совсѣмъ непонятномъ для учениковъ языкѣ. Грубы были нравы кадетовъ, но за то и жестоко ихъ наказывали. Въ каждомъ классѣ былъ особый дядька, имѣвшій всегда въ одной рукѣ хлыстъ для наказанія ослушниковъ; за важные проступки взрослыхъ били нещадно батогами, а подростковъ—плетями; въ случаѣ же нарушенія законовъ, гражданскихъ или военныхъ, виновныхъ наказывали шпицрутенами. Случалось, что ученики жаловались иногда самому Царю на жестокое обращеніе съ ними. Трудно было ожидать, чтобы воспитанники могли чему-либо научиться въ Академіи, при такихъ учителяхъ и порядкахъ; но терпѣніе, трудъ и стараніе чего не дѣлаютъ?! — Неплюевъ, благодаря своимъ дарованіямъ и трудолюбію, съ пользою проводилъ время и въ Академіи: онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ кадетовъ, о которыхъ А. А. Матвѣевъ доносилъ кабинетъ - секретарю Макарову: „кадеты въ наукахъ прилежно преуспѣваютъ, а солдатской экзерциціи такъ хорошо обучились, какъ бы старые“. Во время своего обученія въ Морской Академіи, Неплюевъ имѣлъ неоднократные случаи видѣть и слышать Государя Петра Великаго, и съ тѣхъ поръ сталъ питать къ нему глубокое уваженіе и сыновнюю любовь, которая потомъ сохранялъ всю жизнь. Непосредственное вліяніе Петра Великаго на учениковъ Академіи имѣло

громадное значеніе; благодаря этому вліянію Государя на кадетовъ, и выходили изъ нея такія замѣчательные дѣятели, какъ Василій Никитичъ Т а т и щ е в ъ, Ив. Ив. Н е п л ю с е в ъ и другіе. Царь любилъ и часто посѣщалъ Морскую Академію; запросто бесѣдовалъ съ учителями и учениками и слѣдилъ за ихъ успѣхами; здѣсь на листкахъ бумаги онъ записывалъ свои замѣтки и наставленія, поражающія глубиною ума и разносторонностью знаній. Впослѣдствіи изъ этихъ царскихъ листковъ составились цѣлыя книжечки, которыя хранятся въ Адмиралтействѣ доселѣ, какъ памятникъ необыкновеннаго трудолюбія и рѣдкой любознательности Петра Великаго.

Заботясь о размноженіи и улучшеніи русскихъ школъ. Петръ Великій хорошо сознавалъ ихъ неудовлетворительное состояніе и превосходство надъ ними западно-европейскихъ училищъ, а потому лучшихъ по успѣхамъ и болѣе даровитыхъ молодыхъ людей, безъ различія сословій, онъ старался отправлять за границу, гдѣ одни должны были учиться архитектурному искусству, другіе — инженерному, третьи — горнозаводскому дѣлу и т. п., — словомъ, Петръ Великій старался ввести, распространить и развить среди русскихъ такія знанія, которыя бы удовлетворяли насущнымъ потребностямъ и нуждамъ Государства. Широкой, чисто русской натурѣ Петра Великаго показалось тѣсно на многоводныхъ русскихъ рѣкахъ; ему было мало Бѣлаго моря и глубокаго Каспія, и потому онъ простиралъ свои могучія царскія руки къ морямъ Балтійскому и Черному; по его волѣ началось въ Россіи строеніе кораблей, галеръ и другихъ судовъ, и „дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи (сказано въ Морскомъ уставѣ),

умыслилъ Государь искусство дѣла того ввести въ народъ свой и, того ради, многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и инья государства учиться архитектурѣ и управленію корабельному“. Для этого на первый разъ Царь приказалъ въ 1697 г. отправить за границу 50 комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ: изъ нихъ 28 чел.—въ Италію, преимущественно въ Венецію, а 22 чел.—въ Англію и Голландію. Вслѣдъ за тѣмъ Государь и самъ отправился за границу, подъ именемъ простаго дворянина Петра Михайлова, чтобы познакомиться съ образованіемъ, нравами и обычаями въ другихъ государствахъ и поучиться кораблестроенію. По тогдашнимъ понятіямъ, путешествіе за границу для образованія было противно обычаямъ старины; но Петръ Великій не обращалъ на то вниманія и смѣло, настойчиво шелъ къ намѣченной имъ цѣли, продолжая отправлять молодыхъ людей въ заморскія страны, а нежелающихъ подчиняться его волѣ обложилъ большимъ денежнымъ штрафомъ. Молодые дворяне, отправленные за границу, находились подъ особымъ присмотромъ и должны были усердно заниматься своимъ дѣломъ; имъ, между прочимъ, было объявлено, чтобы они и не думали возвращаться въ Россію безъ письменнаго удостовѣренія заморскихъ капитановъ объ основательномъ изученіи ими кораблестроенія и мореплаванія, подъ страхомъ потери всего имущества.

Ивану Ивановичу Неплюеву также пришлось отправиться за границу, по волѣ Государя Петра Великаго. Въ 1716 г. онъ былъ опредѣленъ въ Ревельскій флотъ гардемаринномъ. Званіе гардемарина учредилъ Петръ Великій и требовалъ отъ всякаго гардемарина, чтобы онъ былъ „въ бою какъ солдатъ, въ ходу

какъ *матросъ*“. Гардемарины на корабляхъ исполняли всѣ матросскія обязанности; они носили матросскую одежду и получали мѣсячную порцію сухарей, крупъ, гороху, муки и т. п.; но ѣли не изъ общаго, а изъ особаго товарищескаго котла. Гардемаринамъ Ревельскаго флота, куда былъ опредѣленъ и Неплюевъ, было выдано парусинное платье и назначено каждому слѣдующее мѣсячное продовольствіе: 2 пуда и 10 фунтовъ сухарей, 15 ф. гороху, 15 ф. крупъ, 2 $\frac{1}{2}$ ф. соли, четверикъ ржаной муки на квасъ, 25 чарокъ вина, полторы кружки уксусу, 19 ф. ветчины, 6 ф. вялой рыбы и 2 р. 40 коп. деньгами. По прибытіи въ Ревель, Неплюевъ былъ помѣщенъ на корабль подъ названіемъ „*Архангелъ Михаилъ*“, вооруженный 52-ми пушками; на кораблѣ было 300 матросовъ и 200 солдатъ; капитаномъ корабля былъ англичанинъ Рю. На этотъ же корабль были опредѣлены Василій Квашнинъ-Самаринъ, другъ дѣтства Неплюева, и Василій Ивановичъ Татищевъ, родственникъ его жены. Весной 1716 года Ревельскій флотъ, подъ командою Сиверса, отплылъ, по распоряженію Государя, въ Данію; но, достигнувъ острова Борнгольма, былъ вынужденъ возвратиться въ Ревельскую гавань (пристань для кораблей), опасаясь нападенія со стороны шведскихъ кораблей, находившихся близъ острова Рюгена. Въ іюлѣ послѣдовалъ новый указъ Государя о вторичномъ выступленіи Ревельскаго флота въ Данію, гдѣ въ Копенгагенѣ дожидался его Петръ Великій. Вслѣдствіе этого указа, Ревельскій флотъ, въ составѣ 10 кораблей, снялся съ якоря и 17 іюля остановился въ виду Копенгагена, столицы Даніи. Вскорѣ явился сюда самъ Государь и на кораблѣ

„И н г е р м а н л а н д і я“ отправился, во главѣ флота, къ самому городу, гдѣ уже находилось нѣсколько русскихъ кораблей, пришедшихъ незадолго предъ тѣмъ изъ Архангельска; здѣсь же было 6 голландскихъ военныхъ и 15 англійскихъ кораблей, кромѣ множества купеческихъ судовъ. Въ августѣ весь флотъ, состоявшій изъ русскихъ и иностранныхъ кораблей, долженъ былъ отплыть къ шведскому берегу. Петръ Великій самъ проводилъ флотъ до Б о р н г о л ь м а и снова возвратился въ Копенгагенъ, въ сопровожденіи кораблей „Фортуна“ и „Арендель“. Въ началѣ сентября того же года, весь флотъ вернулся въ К о п е н г а г е н ь, а въ концѣ сентября Государь занялся распредѣленіемъ молодыхъ людей, для отправленія ихъ въ Италію, Францію и Англію: 20 чел. должны были, по желанію Государя, отправиться во Францію для обученія мореплаванію, 10—въ Англію и 30 чел. въ Венецію, чтобы, поступивъ тамъ на галеры, они могли изучить на практикѣ морское дѣло и управленіе галерами. Неплюевъ былъ включенъ въ число послѣднихъ, и потому долженъ былъ отправиться въ Венецію.

По прибытіи въ Венецію, Неплюевъ и его товарищи были опредѣлены въ морскую службу и отправлены на корабль въ К о р ф у, гдѣ ихъ размѣстили по два человѣка на галеру. Неплюевъ и его родственникъ В. И. Татищевъ были помѣщены на галеру „Женгелъ“ о 50 веслахъ и 21 пушкѣ; экипажъ галеры состоялъ изъ 312 чел., въ томъ числѣ было 200 колодниковъ, исполнявшихъ обязанности гребцовъ. Отправляя гардемариновъ за границу, Петръ Великій желалъ доставить имъ возможность военной практики на морѣ, и желаніе его скоро исполнилось. Венеція вела въ то

время (1717—1718 г.) войну съ Турціей, въ которой участвовали и наши гардемарины, показавъ себя на морѣ молодцами; Неплюевъ даже получилъ отъ венеціанскаго генерала Пансквалиго особый аттестатъ, свидѣтельствующій объ его способности и искусствѣ управлять галерой на морѣ. По окончаніи войны венеціанцевъ съ турками, наши гардемарины были отправлены въ Испанію, въ городъ Кадиксъ, и опредѣлены тамъ въ Королевскую Академію, для продолженія образованія. Стосковавшись по отечеству и родныхъ, гардемарины стали просить позволенія возвратиться въ Россію; просьба ихъ была уважена и они въ концѣ мая 1720 г. благополучно возвратились въ С.-Петербургъ.

Заграничное путешествіе Неплюева продолжалось пять лѣтъ и стоило ему 1000 рублей, изъ нихъ 400 р. израсходовано его собственныхъ денегъ и 600 „государевыхъ“. Не мало измѣнились русскіе гардемарины съ того времени, какъ они покинули свое отечество; но особенно благотворно повліяло заграничное путешествіе на Неплюева: много разнаго рода полезныхъ свѣдѣній пріобрѣлъ онъ за это время. Самыя нужды и лишенія, которыя Неплюевъ испыталъ за границей, послужили ему въ пользу: онъ сдѣлался предусмотрительнымъ, предприимчивымъ и способнымъ на всякое полезное дѣло, гдѣ только требовались терпѣніе и сила воли.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Неплюевъ прежде другихъ явился къ генералъ-адмиралу, графу Θεодору Матвѣевичу Апраксину, а потомъ и къ прочимъ морскимъ чинамъ. Всѣ приняли его очень радушно и съ любопытствомъ спрашивали его о заграничной жизни, объ успѣхахъ въ наукахъ, о самомъ путешествіи и т. п., а

графъ Григорій Петровичъ Чернышевъ, знавшій Неплюева еще въ Морской Академіи, посовѣтовалъ ему, чтобы онъ, когда будетъ представленъ Государю, говорилъ „безъ робости и правду“. На четвертый день по прибытіи гардемариновъ въ столицу, Государь приказалъ, чтобы всѣ прибывшіе изъ-за границы молодые дворяне явились на слѣдующій день въ 5 ч. утра въ Адмиралтейскую Коллегію на экзаменъ: „не знаю, какъ приняли оное мои товарищи“,—говорить въ Запискахъ Неплюевъ,—„а я всю ночь не спалъ, готовился, какъ на страшный судъ“.—Со страхомъ пришелъ Неплюевъ и на другой день въ Адмиралтейство. Въ семь часовъ явился сюда и Государь. Собравшіеся на экзаменъ гардемарины поклонились Государю въ ноги, а прочіе присутствующіе въ поясъ. Государь спросилъ гардемариновъ, имѣютъ-ли они аттестаты отъ своихъ командировъ и всѣ-ли служили на галерахъ или иные на корабляхъ, и приказалъ записать ихъ во флотъ гардемаринами. Но графъ Г. П. Чернышевъ осмѣлился сказать Государю: „грѣхъ, Государь, тебѣ будетъ! люди, по волѣ твоей, бывши отлучены отъ своихъ родственниковъ и отъ отечества въ чужихъ краяхъ, и по бѣдности ихъ сносили голодъ, холодъ и всякія нужды и учились, по возможности, желая угодить тебѣ, и по достоинству своему въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а нынѣ, объѣхавъ многія государства и возвратясь по твоей же волѣ и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ и будутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли“.—„Я ихъ награжу“, отвѣтилъ Государь: „пусть только одну компанію прослужатъ“!

„Но легколь-ль, Государь, гардемаринами служить такимъ, кои изъ нихъ достойны управлять галерою или кораблемъ“? замѣтилъ графъ Чернышевъ.

„Кто же эти достойные“? спросилъ Государь. Графъ Чернышевъ указалъ на Неплюева и его товарища Кукарина. Государь внимательно окинулъ Неплюева съ ногъ до головы своимъ проницательнымъ орлинымъ взглядомъ. Неплюевъ въ то время замѣчательно былъ красивъ собою: высокій, стройный и бѣлолицый, онъ имѣлъ прекрасныя голубыя глаза, отличавшіяся необыкновенно добрымъ выраженіемъ, что сразу и невольно располагало къ нему всякаго. Государь, чувствуя себя не вполне здоровымъ и желая самъ присутствовать на экзаменѣ гардемариновъ, назначилъ для того особый день, въ который должны были собраться гардемарины и все члены Адмиралтейства. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ ожиданіи этого экзамена въ присутствіи самого Царя. Неплюевъ все время усердно готовился къ экзамену. Наконецъ насталъ и день испытанія гардемариновъ въ наукахъ. Рано утромъ 1 іюля собрались они въ Адмиралтейскую Коллегію, куда въ 8 ч. утра прибылъ и самъ Государь. Когда очередь дошла до Неплюева, Государь, приблизившись къ нему, спросилъ: „всему-ли ты научился, для чего былъ посланъ?“

„Всемиловѣйшій Государь“! отвѣчалъ Неплюевъ: „прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ Вами работъ недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, Вашей ко мнѣ щедроты“.

Говоря эти слова, Неплюевъ всталъ на колѣни. Государь позволилъ ему поцѣловать свою руку и сказалъ при этомъ слѣдующія глубокознаменательныя слова:

„Видишь, братецъ, я и Царь, да у меня на рукахъ—мозоли, а все оттого, чтобы показать вамъ примѣръ, и хотя-бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству“!

Н е п л ю е в ъ схватилъ мозолистыя руки Государя и началъ цѣловать ихъ.

„Встань, братецъ“! сказалъ Государь: „и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ, но не робѣй; буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи!“

Ободренный самимъ Государемъ, Н е п л ю е в ъ отвѣчалъ бойко и дѣльно. Государь остался очень доволенъ его отвѣтами, и тутъ же наградилъ Н е п л ю е в а чиномъ лейтенанта морскаго галернаго флота. Тогда же Петръ Великій приказалъ Н е п л ю е в у состоять при своей особѣ и назначилъ его главнымъ командиромъ надъ всѣми морскими судами, строившимися въ Петербургѣ. Кромѣ того, Н е п л ю е в ъ нѣкоторое время былъ также переводчикомъ при иностранныхъ министрахъ. Петръ Великій отечески полюбилъ Н е п л ю е в а и съ замѣчательной прозорливостью сказалъ о немъ своимъ приближеннымъ: „въ этомъ маломъ пути будетъ“; это предсказаніе Государя, какъ увидимъ, вполне оправдалось на Н е п л ю е в ѣ. Близкія къ Государю лица также любили умнаго и трудолюбиваго Н е п л ю е в а и постоянно внушали ему, что, для упроченія любви Государя, нужно быть всегда прилежнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей, а главное—никогда не лгать, такъ-какъ Петръ Великій особенно не любилъ лжи и лгуновъ. Совѣты покровителей Н е п л ю е в а не пропали для него даромъ. Вотъ что, между прочимъ, рассказываетъ Н е п л ю е в ъ въ своихъ Запискахъ: „Однажды я пришелъ на работу, а Государь уже прежде

пріѣхалъ. Я испугался и хотѣлъ бѣжать домой, больнымъ сказать; но потомъ вспомнилъ, что Государь не любитъ неправды, и пошелъ къ мѣсту, гдѣ онъ находился. Государь сказалъ мнѣ: „Я уже, мой другъ, здѣсь“!

„Виноватъ, Государь, — вчера былъ въ гостяхъ, долго засидѣлся и оттого запоздалъ“! отвѣтилъ оробѣвшій Неплюевъ.

Государь взялъ его за плечо и пожалъ такъ сильно, что Неплюевъ вздрогнулъ, думая, что Государь прогнѣвался и хочетъ наказать его; но Петръ весело и ласково сказалъ: *„Спасибо, малый, что говоришь правду, — Богъ проститъ: кто Богу не грѣшенъ, кто бабъ не впускъ?! — Вчера ты былъ въ гостяхъ, а теперь поѣдемъ со мной на родину“*.

Неплюевъ, ободренный такой добродушной лаской и веселымъ видомъ Петра, почтительно поклонился Государю и, ставъ на задки его одноколки, чрезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ съ нимъ въ домъ одного плотника изъ своей команды. Войдя въ пѣзу, Государь поцѣловалъ роженицу и далъ ей пять гривенъ; Неплюевъ, по приглашенію Государя, также поцѣловалъ роженицу и далъ ей гривну.

„Что далъ поручикъ?“ спросилъ Государь роженицу. Она показала полученную ею гривну.

„Э, братъ, я вижу, ты даришь не позаморски“! — сказалъ съ улыбкой Государь.

„Нечѣмъ мнѣ, Царь—Государь, дарить много“ — отвѣтилъ Неплюевъ: „дворянинъ я бѣдный, имѣю жену и дѣтей, и когда-бы не Ваше царское жалованіе, то бы, здѣсь живучи, и ѣсть было нечего“!

Государь началъ спрашивать Неплюева,

сколько у него крестьянъ и гдѣ они находятся. Между тѣмъ хозяинъ, осчастливленный посѣщеніемъ такого высокаго гостя, подошелъ къ Государю съ деревянной тарелкой въ рукахъ, на которой была рюмка водки. Государь взялъ рюмку, выпилъ за здоровье новорожденнаго и закусилъ пирогомъ съ морковью, положеннымъ на столѣ. Радужный хозяинъ велѣлъ за тѣмъ поднести рюмку водки и своему командиру. Неплюевъ, отъ роду не употребляя „горячаго вина“, отказался; но Государь добродушно сказалъ ему: „Откушай, сколько можешь, не обижай хозяина!“ Неплюевъ постѣ этого выпилъ подавную ему рюмку, а Государь, отломивъ и подавая ему кусокъ пирога съ морковью, примолвить: „Занись! это родимая, а не итальянская нища“. Петръ Великій не только словами, но и примѣромъ давалъ своему любимцу уроки честнаго и неутомимаго труда, на пользу дорогаго отечества, и эти уроки, какъ увидимъ, принесли большую пользу и Неплюеву и чрезъ него—Россіи, особенно же Оренбургскому краю.

II.

Служба Неплюева въ Турціи при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ. — Болѣзнь и возвращеніе Неплюева въ Россію. — Смерть его первой жены и вторичный бракъ Неплюева. — Определеніе Неплюева на должность главнаго командира Молороссіи, его арестъ, лишеніе имѣній, признаніе его невинности и назначеніе начальникомъ Оренбургскаго края. — Внутреннее состояніе Оренбургскаго края предъ пріѣздомъ въ него Неплюева.

По сдачѣ экзамена и определеніи на службу, Неплюевъ пожелалъ перевести въ Петербургъ и свое семейство. Съ этою цѣлію былъ отправленъ въ Под-

дубье Т а т и щ е в ъ, братъ его жены, который съ удовольствіемъ выполнить возложенное на него порученіе: Федосья Федоровна и дѣти Неплюева скоро прибыли въ столицу и, ко взаимной радости, свидѣлись съ дорогимъ человѣкомъ, послѣ столь долгой разлуки. Но не прошло и года, какъ Федосья Федоровна снова должна была разстаться съ своимъ мужемъ. Государю понадобился человѣкъ, который могъ-бы занять мѣсто резидента (¹) въ Турціи, и выборъ его, къ удивленію всѣхъ знатныхъ, палъ на бѣдняка Неплюева, не смотря на то, что ему было всего 27 лѣтъ. Назначеніе Неплюева на службу въ Царьградъ состоялось въ началѣ января 1721 года, во время большаго, параднаго обѣда, который былъ устроенъ въ Царскомъ Дворцѣ для первыхъ чиновъ и офицеровъ гвардіи и флота. Государь съ сановниками сидѣлъ за особымъ столомъ; офицеры обѣдали отдѣльно въ другой комнатѣ. Спустя нѣкоторое время, нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и Неплюевъ, вошли въ столовую, гдѣ находился Государь, который въ это самое время разговаривалъ съ сановниками о томъ, что ему нуженъ человѣкъ, знающій итальянскій языкъ, для занятія мѣста русскаго резидента въ Царьградѣ. Государь спросилъ Александра Гавриловича Головкина, не знаетъ-ли онъ такого человѣка; Головкинъ отвѣтилъ, что не знаетъ такого.

„А я такъ знаю и очень достойнаго!“ сказалъ графъ Апраксинъ: „но та бѣда, что онъ бѣденъ“.

„Бѣдность не бѣда!“ сказалъ Государь: „этому скоро можно помочь, но кто онъ такой?“

(¹) Уполномоченный отъ Государя человѣкъ, который долженъ былъ постоянно жить въ Константинополѣ и оберегать интересы Россіи на востокѣ.

„Онъ за тобою стоитъ!“ отвѣтилъ Апраксинъ. Государь оглянулся и сказалъ: „ихъ много стоитъ!“

„Твой хваленый-то, что—у галернаго строенія!“ продолжалъ графъ.

„Это правда, Ѳеодоръ Матвѣичъ“, — отвѣчалъ Государь, — „но мнѣ хотѣлось-бы его при себѣ оставить, однакожь—быть такъ!“

По окончаніи обѣда, когда всѣ встали съ своихъ мѣстъ, графъ А п р а к с и н ъ поздравилъ Неплюева съ новымъ назначеніемъ и за руку подвелъ его къ Государю. Неплюевъ, упавъ въ ноги Государю, началъ цѣловать и орошать ихъ благодарными слезами, называя его отцемъ своимъ. Государь, поднимая его за руку, сказалъ:

*„Не кланяйся, братецъ, я вѣнъ отъ Бога при-
ставникъ и должность моя — смотрѣть того, чтобы
недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде
хорошъ будешь, не мнѣ, а больше себя и отечеству добро
сдѣлаешь, а буде худо, такъ я—истецъ: ибо Богъ отъ
меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобы злomu и глупо-
му не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрой и
правдой! Вначалѣ Богъ, а при Немъ и я долженъ буду
не оставить“.*

Государь назначилъ Неплюеву три тысячи въ годъ жалованья и приказалъ выдать тысячу рублей на подъемъ. Когда Неплюевъ, предъ своимъ отъѣздомъ въ Царьградъ, явился къ Государю, чтобы проститься съ нимъ, то Государь принялъ его весьма ласково, сдѣлалъ ему необходимыя наставленія и, благословляя въ путь, поцѣловалъ Неплюева въ лобъ и сказалъ: „прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться!“

Это было послѣднее личное свиданіе Неплюева съ Петромъ Великимъ; Иванъ Ивановичъ былъ въ сильномъ горѣ: точно душа его предчувствовала, что онъ болѣе уже не увидитъ горячо любимаго имъ Отца Отечества.

Простившись съ своими товарищами по службѣ и знакомыми, Неплюевъ въ началѣ весны, именно въ день сорока мучениковъ (9 марта), выѣхалъ изъ Петербурга съ своимъ семействомъ въ родное Поддубье, гдѣ прожилъ только два дня. Помолившись на могилѣ своихъ родителей объ упокоеніи ихъ души, Иванъ Ивановичъ простился съ молодой женой и малыми дѣтушками, которыя должны были остаться до времени въ Поддубьѣ, а самъ чрезъ Москву златоглавную отправился въ Царьградъ съ старшимъ своимъ сыномъ. А д р і а н о м ъ, коему было еще не болѣе девяти лѣтъ отъ роду. — Далекій путь предстоялъ Ивану Ивановичу! почти полгода пришлось ѣхать ему отъ Москвы бѣлокаменной до Царьграда турецкаго: желѣзныхъ дорогъ тогда не было, а на Черномъ морѣ наши суда еще не плавали, волей—неволей привелось ѣхать сухимъ путемъ, переплывать Дунай—рѣку широкую и переѣзжать высокія горы Балканскія. Вотъ еслибы Иванъ Ивановичъ жилъ въ наше время, онъ бы всего дней въ десять доѣхалъ до Царьграда: сѣлъ-бы онъ въ Москвѣ на чугунку, примчала-бы она его въ Одессу, а тамъ—садись на морской пароходъ да и—маршь по морю Черному до самаго Царьграда. Какъ бы то нибыло, а, при помощи Божіей, Неплюевъ благополучно добрался и до Царьграда; пріѣхалъ онъ туда въ началѣ осени, на самый праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы, а на девятый день представился турецкому султану

А х м е т у. Неплюевъ скоро расположилъ къ себѣ и турокъ, которые сильно полюбили его. Самъ султанъ Ахметъ не могъ нахвалиться имъ, а визирь (главный министръ) И б р а г и м ъ - п а ш а сдѣлался другомъ Неплюева и подарилъ ему соболью шубу и лихаго коня съ дорогимъ уборомъ. Англійскій и французскій послы, старавшіеся поссорить Россію съ Турціей, устроили разныя козни противъ Неплюева и даже прибѣгали къ подкупамъ, угрожая изъ-подъ руки нашему резиденту смертію; но Господь хранилъ вѣрнаго слугу Царя Православнаго и Матушки—Святой Руси. Иванъ Ивановичъ перемудрилъ своихъ недруговъ и заключилъ съ Турціей мирный договоръ, по которому Россія пріобрѣла во владѣніе всѣ земли, лежащія на западномъ берегу моря Каспійскаго, или по народнымъ пѣснямъ Хвалынскаго. Съ тѣхъ поръ Россія и стала утверждаться на Кавказѣ. Государь наградилъ за это Неплюева чиномъ морскаго капитана перваго ранга и 400-ми душъ крестьянъ въ Устюжно-Желѣзопольскомъ уѣздѣ, а его женѣ и дѣтямъ приказалъ выдавать полное жалованье по его чину изъ Адмиралтейской Коллегіи, старшему же сыну Неплюева Адріану положено было по 300 р. въ годъ на образованіе. Такъ исполнялъ свое царское слово Петръ Великій, обѣщавшійся не оставлять Неплюева за его вѣрную и полезную службу отечеству. За то какъ тяжела и горька была для Неплюева неожиданная вѣсть о кончинѣ любимаго имъ Государя! Вотъ что онъ записалъ на память своимъ потомкамъ:

„1725 году въ февраль мѣсяцъ получилъ я плачевное извѣстіе, что Отецъ Отчества, Петръ, Императоръ Первый, отиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ Государѣ, такъ и

по многимъ сего ко мнѣ милостямъ и, ей-ей, не лгу, былъ больше сутокъ въ безпамятствѣ, да иначе бы мнѣ и грѣшно было: сей Монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди,—однимъ словомъ, на что съ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ;) а мнѣ собственно, сверхъ вышесказаннаго, былъ Государь и Отецъ милосердый. Да вчинишь Господь душу его, многотрудившагося о пользу общей, съ праведными!“ — Неплюевъ и послѣ не могъ говорить о Петрѣ безъ слезъ; когда его просилъ кто-нибудь рассказать что-либо о Петрѣ Великомъ, то онъ обыкновенно говаривалъ: „Эвоя, братецъ, ты опять хочешь, чтобы я плакалъ!“ — Кончина Петра Перваго вызвала слезы не у одного Неплюева, по немъ плакала вся Россія; когда въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ былъ прочитанъ манифестъ о смерти Императора, то по всему храму раздались громкіе вопли молящихся: „вонистну“, — замѣчаетъ одинъ очевидецъ, — „такого ужаса народнаго отъ рожденія моего я никогда не видалъ и не слыхалъ, что и по всѣмъ приходамъ и улицамъ, по той же публикаціи, чинилось“. — Осѣнимъ и мы себя крестнымъ знаменіемъ и скажемъ: „Господи Боже Царь, упокой душу многотрудившагося раба Твоего, Императора Петра Перваго, и учини сего въ рай, иди же лица Святыхъ Твоихъ, Господи!“

Преемники Петра Великаго также не переставали цѣнить заслуги и труды Неплюева. Ѳедосья Ѳедоровна, въ отсутствіи своего мужа, жила въ Поддубьѣ почти одинокою: родившаяся, вскорѣ послѣ отъѣзда отца, дочка Мароа умерла еще въ младенчествѣ, а чрезъ два

года скончался и оставшійся съ нею семилѣтній сыночекъ **И в а н ъ**; старшій сынъ **А д р і а н ъ**, по желанію отца, переѣхалъ для образованія въ Амстердамъ (въ Голландіи) и находился за тысячи верстъ отъ отца и матери, такъ—что **Θедосья Θедоровна** жила только вдвоемъ съ своей дочерью **Марьей Ивановной**, которой пошелъ 14 годъ, когда мать задумала ѣхать къ мужу въ Царьградъ, гдѣ уже болѣе 6 лѣтъ проживалъ ея одинокій и грустившій по женѣ и дѣтяхъ супругъ: **Неплюевъ** самъ просилъ Государыню **Екатерину Первую** отпустить его жену въ Константинополь. Государыня охотно согласилась на это, подарила женѣ **Неплюева** 500 р. на дорогу, приказала проводить ее на казенный счетъ, вмѣстѣ съ дочерью, и назначила ей въ провожатые двухъ офицеровъ: **Т а т и щ е в а** и **Н а к о в а л ь н и н а**.

Прошло уже шестнадцать лѣтъ, какъ **Θедосья Θедоровна** вышла замужъ за **Ивана Ивановича**, а она не жила и трехъ лѣтъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, который, какъ мы упоминали, на второй же годъ послѣ женитьбы удалился на 16 мѣсяцевъ въ монастырь, чтобы исполнить свой обѣтъ и помолиться въ уединеніи Богу; потомъ, по волѣ Государя, **Неплюевъ** взять былъ въ школу и пять лѣтъ учился за границей, въ Италіи и Испаніи, и теперь уже болѣе шести лѣтъ, радѣя о пользѣ отечества, служилъ и жилъ въ Константинополѣ, или Царьградѣ. Несомнѣнно, что жизнь въ деревнѣ, сопровождавшаяся горестною утратою дѣтей, вдали отъ мужа и первенца сына, притомъ раздѣленныхъ тысячами верстъ, не могла быть отрадной для молодой женщины—матери, въ самой лучшей порѣ ея жизни; поэтому совершенно понятны тѣ радостныя

чувства, которыя переполняли сердце Ѳедосьи Ѳедоровны на пути къ мужу, въ Константинополь. Очень длиненъ показался ей путь до далекаго Царьграда; наконецъ въ половинѣ августа 1727 года Неплюевъ, послѣ семилѣтней разлуки, увидѣлъ свою жену и дочь, — и то-то, надо полагать, было у нихъ радости! — Ѳедосья Ѳедоровна прожила въ Царьградѣ съ мужемъ шесть лѣтъ безвыѣздно; здѣсь у нихъ родились дочь Анна и сынъ Николай, которые были послѣдними дѣтьми Неплюева.

Императоръ Петръ II, преемникъ Екатерины I, пожаловалъ Неплюеву новое имѣнье въ Устюжскомъ уѣздѣ, село Перть, а съ восшествіемъ на престолъ Императрицы Анны Іоанновны Неплюевъ получилъ чинъ шаубенахта или контръ-адмирала флота. Дружескія отношенія Россіи съ Турціей, пока Неплюевъ жилъ въ Царьградѣ, не прерывались. Въ 1732 г. Неплюевъ сильно заболѣлъ, заразившись повѣтріемъ отъ одного архимандрита, пріѣхавшаго въ Царьградъ съ Афонскихъ горъ. Опасаясь, что той же болѣзною могли заразиться его жена, дѣти и слуги, Неплюевъ переѣхалъ въ Буюкдере (предмѣстіе Царьграда), заперся въ особую комнату и получалъ пищу въ окно, не пуская къ себѣ никого, даже своей жены, которая ежечасно со слезами просила его о томъ, стоя у дверей комнаты. Хотя пріемами хины съ водой Неплюевъ избавился отъ этого недуга; но и послѣ время-отъ-времени случались съ нимъ тяжкіе припадки. Изъ опасенія и предосторожности, онъ проводилъ свое семейство въ Россію съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Щербатовымъ, а самъ остался въ Константинополь, такъ-какъ болѣзненные припадки его не прекращались; наконецъ въ 1734 г. болѣзнь Не-

плюева до того усилилась, что врачи отказались лѣчить его. Не имѣя болѣе силъ продолжать службу въ Царьградѣ, Неплюевъ просилъ у Государыни Анны Іоанновны позволенія возвратиться въ Россію, на что и получилъ разрѣшеніе. Въ исходѣ 1735 года Неплюевъ прибылъ въ Петербургъ; 30 января слѣдующаго года онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника, а мѣсяца чрезъ два былъ включенъ въ число членовъ Коллегіи Иностран-ныхъ Дѣлъ, съ производствомъ ему жалованья по 2264 руб. 84¹/₂ коп. въ годъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Неплюева изъ Царьграда, гдѣ онъ прослужилъ, радѣя о пользѣ отечества, почти 14 лѣтъ, открылась война между Турціей и Россіей, стоившая намъ очень дорого: много погибло въ этой войнѣ русскихъ солдатъ, особенно отъ недостатка воды и продовольствія, но еще болѣе истрачено было денегъ безъ пользы для Россіи. Начались переговоры съ Турціей, кончившіеся Бѣлградскимъ миромъ, заключеннымъ 18 сентябрю 1739 г.; по этому миру Россія должна была возвратить Турціи всѣ завоеванныя ею крѣпости, кромѣ Азова и то подъ условіемъ — срыть всѣ его укрѣпленія. Кромѣ того, Россія по этому договору обязалась не строить на Черномъ морѣ крѣпостей и держать свои корабли: торговля на этомъ морѣ могла производиться только посредствомъ турецкихъ кораблей. Такой печальный исходъ войны Россіи съ Турціей зависѣлъ отъ измѣны нашей союзницы Австріи и отъ разногласія главныхъ лицъ, управлявшихъ тогда дѣлами нашего отечества; эти лица были нѣмцы: Остерманъ, Минихъ и Биронъ, которые больше заботились о своихъ выгодахъ, чѣмъ о пользѣ и спокойствіи чуждой имъ Россіи, къ тому же они и перессо-

рились между собой, дѣйствуя какъ лебедь, щука и ракъ въ извѣстной баснѣ Крылова съ тѣмъ же названіемъ: Минихъ, какъ лебедь, „рвался въ облака“ пороховаго дыма, Остерманъ, подобно щукѣ, „тянулъ въ воду“, Биронъ же, какъ ракъ, „пятился назадъ“, а извѣстно, „когда въ товарищахъ согласія нѣтъ, — на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ“.

Ив. Ив. Неплюевъ былъ въ это время назначенъ губернаторомъ въ Кіевъ и ему же было поручено, совместно съ княземъ Рѣпиннымъ, произвести размежеваніе земель по рѣкамъ Днѣпру и Бугу между Россіей и Турціей. Не смотря на болѣзнь, которой Неплюевъ подвергся въ сентябрѣ 1740 г., онъ съ успѣхомъ выполнилъ порученное ему дѣло и возвратился въ Кіевъ, гдѣ оставалась его семья. Здѣсь 4 декабря, въ день Св. Великомученицы Варвары, скончалась жена Неплюева, Оедосья Оеодоровна, на 46 году отъ рожденія и была погребена надъ Оеодосіевыми пещерами въ Кіевѣ. Если Богъ приведетъ кому-нибудь изъ васъ, читатели, быть въ Кіевѣ, этой колыбели Св. Руси, зайдите въ придѣлъ церкви Рождества Богородицы, находящейся на дальнихъ пещерахъ Кіево-Печерской Лавры; тамъ внутри храма вы увидите каменную плиту и прочтете на ней слѣдующую надпись: *„1740 года, декабря 6 дня положена здѣ раба Божія Оеодосія, жена Кіевского губернатора Ивана Неплюева, представлявшая въ томъ же градѣ того-же декабря 4 дня“.*

Иванъ Ивановичъ имѣлъ отъ нея шесть человѣкъ дѣтей: три сына (Адріана, Ивана и Николая) и три дочери (Марію, Мароу и Анну), изъ коихъ сынъ Иванъ умеръ 7 лѣтъ въ Поддубѣ и дочь Мароа, вскорѣ послѣ рожденія, — тамъ же, такъ-что, послѣ смерти Оедосьи Оеодоровны, у Неплюева осталось въ живыхъ только

четверо дѣтей: два сына и двѣ дочери. Старшій сынъ Адріанъ Ивановичъ уже служилъ въ это время секретаремъ Русскаго посольства въ Царыградѣ, а старшая дочь Марія Ивановна, еще при жизни матери, вышла за-мужъ за Воина Яковлевича Римскаго-Корсакова, замѣчательнаго красавца и щеголя своего времени, пользовавшагося особенной любовью и милостями Императрицы Елизаветы Петровны, которая пожаловала ему 700 душъ крестьянъ въ Мурашкинской волости Нижегородской губерніи. Воинъ Яковлевичъ умеръ, въ чинѣ вице-адмирала флота, на 55 г. жизни и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ Петербургѣ, гдѣ поконтея и прахъ его жены Маріи Ив., пережившей на 12 л. своего мужа и умершей однихъ съ нимъ лѣтъ. Другая дочь Неплюева, Анна Ивановна, осталась послѣ матери 10 лѣтъ, а сынъ Николай Ивановичъ 9 лѣтъ.

Вскорѣ послѣ смерти своей жены, Неплюевъ былъ вызванъ въ Петербургъ и награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго и помѣстьями въ Малороссіи: Ропскою волостью и селами Быковымъ и Бакланомъ, въ коихъ было болѣе 2000 дворовъ. Вслѣдъ затѣмъ его назначили главнымъ командиромъ всей Малороссіи, почему онъ и долженъ былъ снова уѣхать изъ Петербурга. Отправляясь въ Малороссію, Неплюевъ остановился на нѣкоторое время въ Москвѣ и здѣсь 7 октября 1741 г. повѣнчался на красавицѣ — фрейлинѣ Аннѣ Ивановнѣ Паниной, родной сестрѣ графовъ Петра и Никиты Ивановичей Паниныхъ, имѣвшей отъ роду 23 года; но Ивану Ивановичу, какъ увидимъ, пришлось пережить и вторую свою жену. Неплюевъ прибылъ въ Глуховъ съ своей молодой женой 30 октября и поселился въ Гетманскомъ дворцѣ. Дѣти

Неплюева только здѣсь познакомились съ своей образованной мачихой, которая на три года была моложе старшей дочери Неплюева, Марьи Ивановны, по мужѣ Римской-Корсаковой. Почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ удовольствіяхъ: поздравленія, приемы знакомыхъ и служащихъ, семейные обѣды и вечера весело смѣнялись другъ друга; счастливые супруги и не подозрѣвали, что ихъ сторожило горе. Въ Петербургѣ произошелъ переворотъ, возведшій на престолъ дочь Петра Великаго, Елизавету Петровну, — и Неплюевъ, по извѣсту враговъ и завистниковъ, былъ арестованъ, привезенъ въ Петербургъ, лишенъ малороссійскихъ деревень, чиновъ, мѣста и ордена Св. Александра Невскаго. Но по слѣдствію, произведенному надъ Неплюевымъ, онъ оказался невиннымъ въ тѣхъ замыслахъ, которые ему приписывали враги его, — и Государыня, возвративъ ему чинъ и орденъ Св. Александра Невскаго, назначила его главнымъ начальникомъ Оренбургскаго края, хотя его малороссійскія деревни такъ и остались въ казнѣ и послѣ перешли къ другимъ. Неплюевъ хорошо сознавалъ трудность и сложность ввѣряемаго ему дѣла по устройству малонаселеннаго, обширнаго, безпокойнаго и дикаго края; но онъ не сталъ отговариваться отъ своего назначенія и безропотно повиновался царской волѣ. Не такъ подѣйствовало это назначеніе Неплюева въ Башкирію на его молодую жену Анну Ивановну: она была въ отчаяніи и заливалась слезами, но все-таки рѣшилась ѣхать съ мужемъ.

Опредѣливъ сына Николая въ кадетскій корпусъ, Неплюевъ, въ сопровожденіи жены и одиннадцатилѣтней дочери Анны Ив., отправился къ новому мѣсту служенія, положившись во всемъ на волю Божию. Много труда,

разныхъ заботъ и хлопотъ ожидало здѣсь Неплюева. Въ составъ Оренбургскаго края тогда входили, кромѣ пыщиней Оренбургской губерніи, еще губерніи Уфимская, Самарская, часть губерній Астраханской, Казанской, Пермской, земля Уральскаго казачьяго войска и киргизскія степи, такъ-что *окружность всего края равнялась пяти съ половиною тысячамъ верстъ*. На обширномъ пространствѣ этого края издавна сходились, враждовали, мирились и перемѣшивались разные ипородческія племена, уступая постепенно господство надъ краемъ русскому племени. Но дорогой цѣной купила себѣ Оренбургскій край коренная Россія,—цѣною крови многихъ тысячъ людей, забутившихъ своими костями землю этого края; много, очень много было пролито здѣсь русской и башкирской крови прежде, чѣмъ русскіе окончательно завладѣли этимъ краемъ. *Вотъ двухъ сотъ лѣтъ, съ незначительными промежутками, продолжалась здѣсь борьба русскихъ съ башкирцами*, которыхъ считаютъ коренными и древнѣйшими обитателями Оренбургскаго края. Преданные своему народу башкирскія вожди: Сентъ, Кусюмъ, Сентбай, Рысанбай, Кусанбай, Асунгуль, Кильмякъ-Абызь, Сабанъ Безрукій, Юсупъ, Арысланъ, Янусъ Изманловъ, Джіянгуль Усѣкѣевъ, Карабашъ Углеяловъ, Якупъ Касишевъ и многіе другіе храбрые башкирцы погибли въ борьбѣ съ русскими: одни изъ нихъ были убиты во время войны, другіе казнены послѣ усмиренія башкирскаго бунта. Начиная съ 1735 г. по 1740 годъ, когда Оренбургскимъ краемъ управляли послѣдовательно одинъ за другимъ Ив. Кирилловичъ Кирилловъ, Василій Никитичъ Татищевъ

и князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ, — въ эти шесть лѣтъ казнено и убито въ сраженіяхъ 9438 чел., сослано въ каторгу 3101 чел.; роздано помѣщикамъ 6309 чел. башкирскихъ женъ и дѣтей; взято въ штрафъ лошадей и рогатаго скота 17.154 головы и сожжено 396 башкирскихъ деревень. Озлобленные башкиры и помогавшіе имъ въ борьбѣ съ русскими киргизы, каракалпаки, калмыки и др. инородцы, въ свою очередь, безпощадно мстили русскимъ: они перерѣзали въ Верхнеяицкой крѣпости (нынѣ Верхнеуральскъ) всю команду; выжгли все деревни около Билярска, Заньска, Старошешминска и Мензелинска; селенія по рѣкамъ Камѣ, Бѣлой и Самарѣ были разграблены; церкви, дома помѣщиковъ и хлѣбъ были сожжены; крестьянъ убивали, уводили въ плѣнъ и продавали въ Хиву, Бухару и Крымъ; стариковъ и подростковъ—дѣтей сажали живыми на колья, а иныхъ давили въ заборахъ; случалось, что остервенившіеся башкиры даже разрывали могилы русскихъ и разбрасывали тѣла и кости умершихъ по кладбищу и дорогамъ. — Вотъ въ какой край былъ назначенъ Ив. Ив. Неплюевъ, — было ему надъ чѣмъ подумать, не безъ причины заливалась слезами и его молодая жена. Но, къ счастью Неплюева, сильная буря пропеслась надъ Оренбургскимъ краемъ ко времени его пріѣзда въ Самару, гдѣ тогда жили главные начальники края, а известно, что послѣ бури бываетъ затишье: смолкли ружейные выстрѣлы; разсѣялся пороховой дымъ и снова проглянуло красное солнышко, любовно лаская широкія степи и ихъ обитателей. Воспользовавшись трудами своихъ предшественниковъ, изъ коихъ двое (Кирилловъ и Урусовъ) уже покоились

вѣчнымъ сномъ въ Самарѣ⁽¹⁾, Иванъ Ив. Неплюевъ занялся благоустройствомъ Оренбургскаго края на его развалинахъ, пещелищѣ и свѣжихъ могилахъ павшихъ въ ожесточенномъ неравномъ бою людей, русскихъ и чужеродцевъ.

III.

Прибытіе Неплюева въ Самару.—Поѣздка въ Уфу и Орскъ.— Основаніе, построеніе и укрѣпленіе настоящаго Оренбурга.— Военныя линіи укрѣпленій въ Оренбургскомъ краѣ при Неплюевѣ и заселеніе ихъ ландмилицкими полками.— Начало, происхожденіе и устройство Оренбургскаго казачьяго войска.— Соединеніе оренбургскихъ крѣпостей съ Западной Сибирью.

Въ концѣ апрѣля 1742 г. Неплюевъ прибылъ въ Самару, гдѣ тогда жили главные командиры Оренбургскаго края. Принявъ отъ генерала Леонтія Яковлевича Соймонова войска и всѣ дѣла по управленію краемъ, Неплюевъ въ іюнѣ того же года выѣхалъ въ Уфу. По прибытіи въ Переволоцкую крѣпость, онъ составилъ изъ штабъ-офицеровъ Военный Совѣтъ и предложилъ на его обсужденіе вопросъ объ укрѣпленіи линіи по р. Сакмарѣ. Военный Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ самого Неплюева, постановилъ построить на Сакмарѣ двѣ крѣпости и два редута и поселить въ нихъ Шешминскій ландмилицкій драгунскій полкъ; тогда же было положено устроить на р. Большой Каргалѣ казенную лѣсопилку, а подполковнику Б уд к е в и ч у поручено

(1) Ив. Кирил. Кирилловъ умеръ отъ чахотки 14 апрѣля 1737 г., а В. А. Урусовъ—отъ цынги 20 іюля 1741 г. Оба погребены въ Старомъ Казанскомъ соборѣ, въ Самарѣ.

заготовить въ наиболѣе удобныхъ къ поселенію мѣстахъ достаточное количество лѣса. Вскорѣ послѣ этого, на р. Сакмарѣ были построены крѣпости: Воздвиженская и Пречистенская и редуты: Желтый и Никитскій. Неплюевъ приказалъ обнести ихъ заплотомъ, сдѣлать въ пристойныхъ мѣстахъ баттарей и поставить на нихъ пушки. Въ Пречистенской крѣпости были поселены пять ротъ Шешминскаго драгунскаго полка и одна рота пѣхотнаго Алексѣевского полка; остальные же роты Шешминскаго и одна рота Алексѣевского полка поселены въ Воздвиженской крѣпости, которая была основана лично самимъ Неплюевымъ 14 сентября 1742 г., въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня. Укрѣпленіе Сакмарской линіи было только началомъ цѣлаго ряда военныхъ поселеній, крѣпостей и редутовъ, которыми Неплюевъ, какъ кольцомъ, оцѣпилъ всю Башкирію.

По прибытіи въ Уфу, Неплюевъ пригласилъ къ себѣ вице-губернатора Петра Дмитріевича Аксакова и подробно спросилъ его о состояніи Уфимской провинціи, населеніе которой состояло преимущественно изъ башкиръ и другихъ пришлыхъ инородцевъ: черемисъ, чувашъ, мещеряковъ, тептярей и вотяковъ. Изъ Уфы Неплюевъ отправился въ самую глубь Башкиріи и указалъ мѣста, для устройства крѣпостей по верхнему теченію р. Яика, или нынѣшняго Урала. Не мало удивился онъ, по пріѣздѣ въ первоначальный Оренбургъ, что этотъ городъ, переименованный имъ въ Орскъ, имѣлъ простой плетневый заплоть. Неплюевъ приказалъ укрѣпить городъ валомъ съ бастіонами. Въ 1743 г. Неплюевъ осмотрѣлъ мѣста наиболѣе удобныя для заведенія крѣпостей по р. Ую и Увелкѣ, совершивъ по-

ѣздку на протяженіи болѣе 700 верстъ въ глубь Башкиріи, начиная отъ Орска, гдѣ не было ни одного укрѣпленнаго пункта, кромѣ Верхнеяицкой крѣпости (нынѣ городъ Верхнеуральскъ), основанной еще Кирилловымъ въ концѣ 1734 г. Во время этой поѣздки Неплюевъ положилъ основаніе 8 крѣпостямъ и 18 редутамъ, поселивъ въ нихъ гарнизоны и доставивъ имъ все необходимое, для ихъ защиты отъ степныхъ народовъ.

Въ то время, какъ Неплюевъ возвращался изъ поѣздки съ верхней линіи, сопровождавшая его жена, Анна Ивановна, заболѣла и умерла въ Орскѣ, гдѣ и была погребена при церкви Преображенія Господня, которая со времени своего основанія, 6 августа 1735 г., два раза переносилась на новое мѣсто и четыре раза горѣла. Анна Ивановна была погребена при второй церкви; теперь это мѣсто застроено домами, а настоящій храмъ, уже четвертый по времени, построенъ на новомъ мѣстѣ и освященъ 6 декабря 1850 г., по благословенію преосвященнаго Іосифа, епископа оренбургскаго и уфимскаго. Не даромъ Анна Ивановна заливалась горькими слезами, когда узнала, что ей приходится ѣхать съ мужемъ въ далекій, дикій и варварскій край, въ Башкирію, гдѣ столько было предъ тѣмъ пролито виновной и невинной крови башкирцевъ и русскихъ; она какъ будто предчувствовала, что здѣсь, вдали отъ родины и родныхъ, ждала ее холодная одинокая могила; она умерла еще очень молодой: ей было всего 26 лѣтъ отъ роду. Схоронивъ свою и вторую жену, Неплюевъ покорился Промыслу Божию и поспѣшилъ удалиться изъ Орска, чтобы продолжать начатое имъ дѣло, на пользу вѣрннанаго ему Оренбургскаго

края. Стараясь оцѣпить всю Башкирію кольцомъ крѣпостей и редутовъ, Неплюевъ не менѣе былъ озабоченъ и тѣмъ, какой пунктъ избрать главнымъ между крѣпостями. Мѣстоположеніе первоначальнаго Оренбурга (Орска), основаннаго Кирилловымъ, не нравилось Неплюеву потому, что вблизи его не было лѣса; кромѣ того, оно слишкомъ было удалено отъ внутренней Россіи и потому представляло большія опасности для купеческихъ каравановъ, которые могли подвергаться грабежу отъ киргизовъ. Помимо этихъ невыгодъ и поѣмнаго пространства мѣстности, Орская крѣпость, по мнѣнію Неплюева, представляла большія неудобства и для надзора за башкирами, вслѣдствіе ея отдаленности отъ ихъ земель, расположенныхъ внутри военной линіи. Сначала вниманіе Неплюева остановилось на Чернорѣченской крѣпости: близость Сакмарскаго устья и обиліе лѣса по Сакмарѣ говорили въ пользу этого мѣста; но поѣмность лѣваго берега Урала, во время весенняго половодья, могла затруднить подъѣздъ къ городу киргизовъ и другихъ степныхъ народовъ, а это отозвалось-бы неблагопріятно на внѣшней торговлѣ города, который долженъ былъ сдѣлаться главнымъ торговымъ рынкомъ для всей мѣновой торговли края и пограничныхъ съ нимъ среднеазіатскихъ ханствъ. Поэтому Неплюевъ предпочелъ Чернорѣченской крѣпости то самое мѣсто, гдѣ находится настоящій Оренбургъ. По преданію, на этомъ мѣстѣ въ прежнее время жилъ ногайскій ханъ Басманъ, станъ котораго назывался Актюба. Избравъ новое мѣсто для построенія Оренбурга, Неплюевъ приказалъ инженерамъ составить планъ предположеннаго къ постройкѣ новаго города и, когда планъ былъ готовъ, отправилъ его на Высочай-

тнее разсмотрѣніе. На планѣ городъ представляетъ овальную фигуру многоугольника объ одиннадцати полигонахъ, десяти бастіонахъ и двухъ полубастіонахъ у самаго берега Урала. Въ крѣпость вели четверо воротъ: на восточной сторонѣ находились Орскія ворота (въ 3-мъ полигонѣ), на западной — Чернорѣченскія (въ 9 полигонѣ) и Уральскія (тогда Яицкія — въ 10 полигонѣ), а на сѣверной сторонѣ были Сакмарскія ворота (въ 6 полигонѣ); послѣднія ворота также назывались Самарскими, потому-что чрезъ нихъ пролежала зимняя дорога въ Самару; при взвозѣ съ р. Урала на гору положено было устроить еще Водяныя ворота, сохранившіеся доселѣ и находящіеся теперь при спускѣ къ пѣшеходному мосту чрезъ Ураль на Бухарскую (лѣвую) сторону.

Планъ, представленный Неплюевымъ, былъ утвержденъ и городъ застроенъ; но построеніе настоящаго Оренбурга не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ. Въ повостроющемся городѣ и другихъ сосѣднихъ мѣстахъ по р. Сакмарѣ быстро распространилась цыпготная болѣзнь: изъ 1350 чел., заболѣвшихъ цыпгою, умерло 631 чел.; особенно безпощадно косила людей эта болѣзнь осенью. Стараясь ободрить упавшихъ духомъ новопоселенцевъ и рабочихъ, Неплюевъ, всегда начинавшій дѣло молитвой и во всемъ полагавшійся на помощь Божию, употреблялъ все усилія и мѣры къ тому, чтобы довести до конца строеніе города. Онъ даже не хотѣлъ, хотя и могъ-бы, воспользоваться тѣми удобствами помѣщенія и обстановки, которыхъ еще не имѣли окружавшіе его рабочіе и новопоселенцы: до самой глубокой осени онъ жилъ въ обыкновенной землянкѣ, какая была у послѣдняго рабочаго. Имѣя только для

своей двѣнадцатилѣтней дочери, Анны Ивановны, кибитку и лично надзирая и распоряжаясь работами по устройству городскихъ зданій, Иванъ Ивановичъ не прежде перешелъ въ отстроенный для него домъ, какъ всѣ обитатели землянокъ получили возможность жить также въ домахъ, а гарнизонъ — въ казармахъ. Нельзя не удивляться такой самоотверженности для общаго блага и такой силѣ воли Неплюева, особенно въ наше время, когда многіе какъ-бы разучились покорно сносить свои невзгоды и лишенія.

Для безопасности жителей Оренбурга, Неплюевъ обнесъ городъ рвомъ и валомъ съ каменною стѣною. Валъ имѣлъ въ окружности пять верстъ и 192 сажени; высота его на ровныхъ мѣстахъ достигала 12 футовъ, на высокихъ — была менѣе, а на низкихъ болѣе 12 ф.; ширина рамнара равнялась 6 саженямъ, глубина рва 12 футамъ, а его ширина 35 фут., или 5 саженямъ. Жалкіе остатки этого вала и прилегающаго къ нему рва можно еще и теперь замѣтить на восточной сторонѣ Оренбурга, между Преображенскимъ соборомъ и зданіемъ Духовной семинаріи. Ширина города имѣла 570 сажень, а длина 677 сажень. За валомъ была застроена Казачья слобода, или нынѣшній Форштадтъ; здѣсь положено было устроить на протяженіи 388 сажень ретраншаментъ⁽¹⁾ съ тремя бастіонами и съ однимъ редантомъ⁽²⁾ къ рѣкѣ Уралу. Берегъ р. Урала, противъ самого города, имѣлъ на протяженіи 275 саж. брустверное укрѣпленіе съ однимъ редантомъ, для обороны города съ рѣчной стороны. Снаружи вся крѣпость была облицована плитнымъ камнемъ. Какъ быстро застраивался Оренбургъ, можно судить по

(1) Укрѣпленіе.

(2) Сторожевой пикетъ.

тому, что чрезъ четыре года послѣ его основанія въ немъ было уже 4 церкви, 837 дворовъ, кромѣ казенныхъ зданій, и около 175 лавокъ для торговцевъ, а еще спустя лѣтъ 12, т. е., къ 1760 году въ Оренбургѣ считалось уже 2866 домовъ, кромѣ находившихся за городомъ землянокъ, церквей же было десять, изъ коихъ Петропавловская и два собора: Преображенскій и Введенскій были каменные и со сводами; оба эти собора были построены и освящены при Неплюевѣ казанскимъ преосвященнымъ Лукою Конашевичемъ, извѣстнымъ ревнителемъ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ и обращенія ихъ въ Православную вѣру. Въ Преображенскомъ соборѣ, надѣво отъ входныхъ дверей храма, на задней стѣнѣ, доселѣ сохранилась надпись о времени его освященія (12 ноября 1750 г.).

Изъ городскихъ улицъ въ Оренбургѣ лучшими тогда были слѣдующія: Губернская, Орская, Яицкая, Уфимская, Пензенская, Самарская, Петропавловская, Тропцкая, Воскресенская, Преображенская, Успенская, Никольская, Садовая, Артиллерійская, Нижняя, Коммисская, Посадская, Гостиная. На площади, среди города, находилась гауптвахта съ нѣсколькими покоями и съ куполомъ надъ ними, гдѣ помѣщались городскіе часы съ небольшими колокольчиками, а на самомъ верху купола—красовался государственный гербъ (двуглавый орелъ). Изъ казенныхъ городскихъ зданій особенно были замѣчательны по своей величинѣ и устройству: двухъэтажный домъ Губернской Канцеляріи, въ нижнемъ этажѣ котораго хранились важныя бумаги и казенныя суммы; губернаторскій домъ, состоявшій изъ двухъ флигелей,

Полковая канцелярія, цейгаузъ, артиллерійскій дворъ, аманатный и почтовый дворы, провіантскіе и соляныя магазины и госпиталь, при которомъ состояли докторъ, аптекарь, лѣкарь и нѣсколько подлѣкарей и учениковъ.

Въ 1744 г., вслѣдствіе особаго ходатайства Неплюева, была открыта Оренбургская губернія⁽¹⁾ и Неплюевъ, какъ первый Оренбургскій губернаторъ, долженъ былъ вѣдать башкиръ, киргизъ, пограничныя дѣла, провинціи Исетскую и Уфимскую, Ставропольскихъ крещеныхъ калмыковъ, всѣ линіи внѣшнихъ и внутреннихъ крѣпостей въ Оренбургской губерніи, ему же было подчинено и Яицкое (Уральское) войско.

Познакомившись съ краемъ и съ дѣлами по его управленію, Неплюевъ убѣдился, что большая часть правительственныхъ распоряженій, касавшихся башкиръ и другихъ инородцевъ края, оставалась пока только на бумагѣ; должнаго порядка въ управленіи не было; между башкирцами находилось много недовольныхъ русскою властью и особенно притѣсненіями со стороны чиновниковъ; въ расходованіи суммъ пайденъ большой безпорядокъ и громадный недочетъ; инородцы и русскіе поселенцы края, вслѣдствіе постоянныхъ бунтовъ среди башкиръ и злоупотребленія нѣкоторыхъ воеводъ, страшно бѣдствовали; многія деревни были опустошены или выжжены; большія пространства плодородной земли лежали нетронутыми, ожидая плуга земледѣльца и умѣлыхъ рабочихъ рукъ; о торговлѣ и промышленности, въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ, нечего и говорить: каждый торговый караванъ приш-

(1) При Кирилловѣ главное управленіе Оренбургскимъ краемъ называлось «Извѣстною», а потомъ «Оренбургской Экспедиціей», при Татищевѣ же и Урусовѣ — «Оренбургской Коммиссіей».

лось-бы охранять цѣлымъ войскомъ не только отъ киргизовъ и калмыковъ, но и отъ разбойническихъ шаекъ каракалпаковъ, кашгарцевъ, хивинцевъ и другихъ средне-азіатскихъ народовъ; на громадномъ пространстве отъ Каспійскаго моря до Аральскаго и отъ первоначальнаго Оренбурга (нынѣшняго Орска) до Самары не было почти ни одного хорошо укрѣпленнаго пункта; самый Оренбургъ (Орскъ), кромѣ командирскаго дома, представлялъ рядъ бѣдныхъ землянокъ; укрѣпленіе его состояло изъ простаго плетня, находившагося на верху землянаго вала, и охранялось небольшимъ гарнизономъ. Понятно послѣ этого, какъ много трудовъ и дѣла предстояло впереди Неплюеву, при такомъ неустроенномъ и безотрадномъ состояніи Оренбургскаго края. Чтобы безпрепятственно заняться его устройствомъ, Неплюевъ прежде всего постарался обезопасить ввѣренный ему край отъ башкиръ и киргизъ рядомъ крѣпостей и увеличеніемъ военныхъ силъ края; съ этого, какъ мы уже знаемъ, Неплюевъ и началъ свою дѣятельность въ Оренбургскомъ краѣ, положивъ основаніе Сакмарской линіи въ первый же годъ, по прибытіи его въ Самару. Прошло еще лѣтъ пять-шесть,—и Оренбургскій край, благодаря заботамъ и трудамъ умнаго Неплюева, сдѣлался достаточно оборонительнымъ и безопаснымъ отъ набѣговъ и грабежей киргизовъ, каракалпаковъ, зюнгоръ и др. кочующихъ ордъ. Главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ при Неплюевѣ сдѣлался настоящій Оренбургъ; отъ него на западъ шла Самарская линія крѣпостей и редутовъ, на востокъ — Красногорская дистанція Верхнеяицкой линіи и Уйская линія, на югъ — Нижнеяицкая, а на сѣверъ — Сакмарская линія и Орская дистанція Верхнеяиц-

к о й линіи. Разсмотримъ подробнѣе составъ этихъ линій и отмѣтимъ направленіе и протяженіе ихъ въ длину.

1) С а м а р с к а я линія соединяла Нижнеяицкую съ Волгой и отдѣляла башкирцевъ отъ калмыковъ, кочевавшихъ въ степяхъ между рѣками Яикомъ (Ураломъ), Самарой и Волгой. Самарская линія, кромѣ Самары и пригорода Алексѣевского, состояла изъ 8 крѣпостей и 3 редутовъ, которые шли въ такомъ порядкѣ по направленію отъ Самары къ Оренбургу: крѣпости: Красносамарская, Борская, Олышанская, Бузулукская, редутъ Погромный, кр. Тощая и Сорочинская, ред. Крестовый, кр. Новосергіевская, ред. Плотавскій и крѣпость Переволоцкая. Всѣ эти крѣпости были заведены еще И. К. Кирилловымъ, кромѣ Новосергіевской, основанной В. Н. Татищевымъ въ 1738 г., и Олышанской, застроенной въ 1741 г. княземъ В. А. Урусовымъ.

2) Н и ж н е я и ц к а я линія, начинаясь съ Чернорѣченской крѣпости въ 18 верстахъ отъ Оренбурга, простиралась до самого Каспійскаго моря на протяженіи болѣе 700 верстъ. Кромѣ городковъ Гурьева, Кулагина, Калмыкова, Илека и Яицкаго городка (нынѣ Уральска), эта линія имѣла еще 19 казачьихъ форпостовъ и 4 крѣпости: Разсыпную, Нижнеозерную, Татищеву и Чернорѣченскую. *Большая часть укрѣпленій этой линіи получила свое начало при Неплюевѣ.*

3) С а к м а р с к а я линія, основаніе и устройство которой также принадлежит Неплюеву, состояла, кромѣ Сакмарскаго городка, изъ двухъ крѣпостей: Пречистенской и Воздвиженской, и двухъ редутовъ: Желтаго и Никитскаго. Входя въ связь съ городами

Уфой, Мензелинскомъ, Бирскомъ и Осой, Сакмарская линія служила какъ-бы соединительнымъ звеномъ между внутренними крѣпостями Башкиріи, основанными еще при Кирилловѣ (Табынской, Ельдяцкой, Нагайбацкой и Красноуфимской), и военными поселеніями по рѣкамъ Уралу и Самарѣ.

4) Верхнеяицкая линія заключала въ себѣ 16 редутовъ и 9 крѣпостей, расположенныхъ на протяженіи 561 $\frac{1}{2}$ версты. Направляясь отъ Оренбурга на востокъ и частію склоняясь къ юго-востоку, соотвѣтственно теченію р. Урала, она отъ Орской крѣпости, какъ и самая рѣка, круто поворачивала на сѣверъ и шла въ такомъ направленіи до Верхнеяицкой крѣпости, или нынѣшняго Верхнеуральска. Верхнеяицкая линія раздѣлялась на двѣ дистанціи: Красногорскую и Орскую. Въ составъ первой входили слѣдующія укрѣпленія: редуты Нѣжинскій и Вязовый, кр. Красногорская, р. Гирьяльскій, кр. Озерная, р. Никольскій, кр. Ильинская, р. Подгорный, кр. Губерлинская и ред. Разбойный. — Орскую дистанцію составляли: крѣпость Орская, ред. Калпацкій и Тераклинскій, кр. Таналыцкая и Урдасымская, ред. Орловскій, Березовскій, Урдасымскій и Грязнушенскій, кр. Кызилская, ред. Сыртенскій и Ангельскій, кр. Магнитная и ред. Верхне-кызилскій и Спасскій, отъ котораго до Верхнеяицкой крѣпости считалось 15 верстъ. *Всѣ эти крѣпости и редуты были устроены Пепловымъ, за исключеніемъ 4 крѣпостей: Красногорской, Озерной, Губерлинской и Верхнеяицкой, основанныхъ его предшественниками.*

5) Уйская линія простиралась на 753 версты и состояла изъ 9 крѣпостей и 9 же редутовъ. Она на-

чиналась отъ Верхнеяицкой крѣпости и оканчивалась крѣпостью Звѣриноголовской, за которой въ 59 верстахъ начиналась уже Сибирская линія. Уйская линія такъ же, какъ и Верхнеяицкая, раздѣлялась на двѣ дистанціи: В е р х н е у й с к у ю и Н и ж н е у й с к у ю; первую составляли 8 укрѣплений: кр. Верхнеяицкая, ред. Свіяжскій, кр. Уклы-Карагайская, р. Ерзединскій, кр. Петропавловская и Степная, р. Подгорный и Санаарскій; въ вѣдомствѣ же Н и ж н е у й с к о й дистанціи находилось 10 укрѣпленныхъ мѣстъ: кр. Троицкая, ред. Ключевской, кр. Каракульская, ред. Березовскій, кр. Крутоярская, р. Луговой, кр. Усть-Уйская, р. Кагардыцкій и Озерной и кр. Звѣриноголовская, отошедшая отъ Сибири къ Оренбургской губерніи въ 1753 году. *За исключеніемъ крѣпостей Уклы-Карагайской и Звѣриноголовской, все остальные укрѣпленія по этой линіи были змеведены Неплюевымъ.*

Отъ Верхнеяицкой крѣпости, кромѣ Уйской линіи, шла еще другая вѣтвь военныхъ поселений, которыя, захватывая съ одной стороны рѣку Увелку (лѣвый притокъ Уя, впадающаго въ Тоболь) и близь лежащія озера (Эткуль и Чебаркуль), а съ другой р. Міясъ, соединялась чрезъ нее съ укрѣпленными мѣстами какъ по р. Міясу, такъ и по р. Исети, а чрезъ послѣднюю, принимающую въ себя съ правой стороны Міясъ и впадающую съ лѣвой—въ Тоболь, входила въ связь съ укрѣпленіями по р. Тоболу и съ Екатеринбургскимъ вѣдомствомъ. Важнѣйшими укрѣпленными мѣстами по р. Міясу считались: Ч е л я б и н с к ѣ, какъ главный пунктъ всей Исетской провинціи, кр. Міясская, Окуневскій острогъ съ приписными къ нему слободами: Карачевской, Чумляцкой, Теченской, Песчанской и

Буткинской, и крѣпость Усть-Міяская, а по р. Исети: Исетскій острогъ, Мехонскій, Красногорскій, Масленскій, Шадринскъ, монастыри: Рафаиловъ и Далматовъ, и слободы: Бешкильская, Ингагинская, Терсюцкая и Борневская. *Вообще при Неплюевѣ было во всемъ Оренбургскомъ краѣ около 114 укрѣпленныхъ мѣстъ, изъ коихъ болѣе половины были основаны, устроены и заселены, благодаря заботамъ и трудолюбію умнаго и осторожнаго Неплюева. Съ устройствомъ крѣпостей, конечно, понадобились и воинныя силы для ихъ заселенія и обороны.*

Для заселенія укрѣпленныхъ мѣстъ въ Оренбургскомъ краѣ, были употреблены ландмилицкіе и драгунскіе полки: Шешминскій, Билярскій, Сергіевскій и Алексѣевскій, оберегавшіе раньше старую Закамскую линію; они были скомплектованы по силѣ указа 19 февраля 1731 года. Первые два полка, Шешминскій и Билярскій, были набраны изъ служилыхъ людей закамскихъ пригородовъ: Старошешминска, Новошешминска, Билярска, Ерыклинска, Тинска и Алексѣевска; число ихъ простиралось до 5000 чел.; всѣ способные изъ нихъ къ службѣ были поверстаны въ эти полки поголовно, а на будущее время положено пополнять ихъ дѣтьми служащихъ въ нихъ солдатъ. Другіе два полка: Сергіевскій и Алексѣевскій были сформированы изъ служилыхъ людей, которые раньше были городовыми дворянами, солдатами, драгунами, рейтарами и копѣйщиками, а въ 1724 г. названы государственными крестьянами и положены въ подушный окладъ. Въ 1731 г. Высочайшимъ указомъ было предписано: „государственными крестьянами ихъ не писать и не называть, а быть имъ.

попрежнему въ службѣ“. Всѣхъ ихъ было 29000 душъ; въ службу брали одного изъ 30. Сначала всѣ четыре ландмилицкіе полка предназначались для охраны Черемшанской, или Ново-Закамской линіи, основанной въ 1730 году; но съ учрежденіемъ Оренбургской линіи, Ново-Закамская линія была признана ненужною. Тогда эти полки положили перевести на Самарскую и Яицкую линіи; Татищевъ, какъ увидимъ дальше, предполагалъ даже заселить ими и нижнее течение Яика; Неплюевъ же, ввѣривъ охраненіе Нижнеяицкой линіи Яицкому войску, воспользовался ландмилицкими полками для заселенія и обороны крѣпостей по рѣкамъ Самарѣ, Сакмарѣ, по верхнему Яику, Ую и другимъ мѣстамъ. Кромѣ ландмилицкихъ полковъ, Неплюевъ также воспользовался для заселенія крѣпостей Оренбургскимъ и Уфимскимъ драгунскими полками, сформированными, по представленію Кириллова, еще въ 1735—1736 гг. изъ городскихъ служилыхъ людей Уфы, Бирска и Мензелинска, а также изъ сибирскихъ недорослей. Съ увеличеніемъ числа укрѣпленныхъ мѣстъ въ Оренбургскомъ краѣ, оказалось недостаточнымъ для ихъ заселенія и обороны означенныхъ шести полковъ. Поэтому приходилось наряжать, въ помощь къ нимъ, регулярные полки изъ внутреннихъ губерній Россіи; но ихъ пребываніе въ Оренбургскомъ краѣ не могло быть постояннымъ: они нужны были и внутри государства, и на другихъ окраинахъ Россіи, особенно на западной границѣ. Въ виду этого, Неплюевъ пришелъ къ тому убѣжденію, что необходимо было создать такую военную силу, которая бы могла быть водворена на постоянное жительство въ полинейныхъ крѣпостяхъ Оренбургскаго края,—такой силой, по его

мѣнѣю, могло быть Оренбургское казачье войско, на сформированіе и устройство котораго онъ и обратилъ свое вниманіе.

Оренбургское казачье войско составилось изъ тѣхъ же смѣлыхъ и предприимчивыхъ людей, какъ и прочія казачьи общины, имѣя въ своей сѣдой старинѣ кровное родство съ Донскими казаками и съ сподвижниками Ермака, завоевателя Сибири; но ближайшими родоначальниками Оренбургскихъ казаковъ считаются Самарскіе и Алексѣевскіе казаки, которые въ концѣ XVII вѣка за свою службу были награждены землями, а въ 1735 г. получили и особое знамя. Съ построеніемъ первоначальнаго Оренбурга, или нынѣшняго Орска, Самарскіе и Алексѣевскіе казаки были переведены на службу въ Оренбургъ, и сдѣлались, такъ сказать, ядромъ Оренбургскаго казачьяго войска, на что указываютъ и вещественные памятники старины: въ числѣ знаменъ, хранящихся въ штабѣ Оренбургскаго казачьяго войска, имѣется 5 знаменъ и 11 значковъ, пожалованныхъ Самарскимъ и Алексѣевскимъ казакамъ въ 1734 и 1735 годахъ. Въ послѣдствіи въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска вошли также Уфимскіе, Исетскіе и частію Яицкіе (Уральскіе) казаки, съ примѣсю татаръ, башкиръ, мещеряковъ и калмыковъ. 27 іюля 1744 года состоялся Высочайшій указъ о зачисленіи въ Оренбургское казачье войско всѣхъ пришельцевъ, поселившихся въ крѣпостяхъ Оренбургской губерніи; сюда же были переселены казаки съ Закамской линіи изъ редутовъ. Липовскаго, Торхановскаго, Хорошевскаго и фельдъ-шанцевъ: Кичуйскаго, Черноярскаго, Шешминскаго и др. Казаки, жившіе по крѣ-

постямъ, назывались крѣпостными и управлялись коммендантами, а тѣ, которые жили въ городахъ и слободахъ, имѣли выборное начало и управлялись атаманами и старшинами. Названіе „Оренбургскіе казаки“ является впервые при Кирилловѣ, съ построеніемъ Оренбурга, а Неплюевъ даетъ Оренбургскимъ казакамъ правильное военное устройство. Въ 1755 г. Высочайше былъ утвержденъ штатъ Оренбургскаго казачьяго войска, составленный Неплюевымъ; тогда же были причислены къ Оренбургскому казачьему войску Исетскіе казаки, въ количествѣ 1000 человекъ. По штату 1755 г. Оренбургскихъ казаковъ считалось 5597 чел., изъ коихъ 1797 ч. были на жалованьи. Во главѣ управленія былъ поставленъ войсковой атаманъ, подчиненный непосредственно Оренбургскому губернатору. Въ 1756 г. Оренбургскимъ казакамъ были даны знамена и особые значки. Въ штабѣ Оренбургскаго войска доселѣ сохранились девять военныхъ значковъ и два знамени: одно войсковое знамя, другое полковое, пожалованное Оренбургскому непрямому полку 21 мая 1756 года.

Сознавая необходимость соединенія Оренбургской линіи крѣпостей съ Сибирью, Неплюевъ вскорѣ, по прибытіи въ Оренбургъ, вошелъ въ соглашеніе съ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ, а въ 1743 году представилъ въ Сенатъ особое мнѣніе, въ которомъ были изложены имъ причины о необходимости устройства крѣпостной линіи отъ р. Тобола, начиная съ стараго Утяцкаго форпоста, на Коркину Слободу, а отсюда—къ Иртышу на Чернолуцкую Слободу. Сибирская линія должна была служить защитой и охраной

русскихъ поселеній отъ набѣговъ съ киргизкайсацкой стороны. Проектъ Неплюева о проведеніи Сибирской линіи былъ заслушанъ и утвержденъ въ Сенатѣ. Устраивая линію военныхъ поселеній, крѣпостей и редутовъ, Неплюевъ не оставлялъ ихъ безъ надзора и послѣ: онъ или самъ навѣщалъ ихъ, или же поручалъ надзоръ за ними опытнымъ и надежнымъ сослуживцамъ. Такъ въ 1754 г., командировавъ для осмотра Нижне-яицкой линіи капитана *Назимова*, Неплюевъ самъ отправился вверхъ по Уралу и далѣе въ Троицкую крѣпость, чтобы лично ознакомиться съ состояніемъ крѣпостей по Верхнеяицкой и Уйской линіямъ. Въ эту поѣздку онъ заложилъ въ Троицкой крѣпости домъ для городской канцеляріи и каменный храмъ, во имя Св. Троицы.

Заботясь о безопасности Оренбургскаго края, Неплюевъ обратилъ особенное вниманіе на Яицкое войско, какъ на самый надежный оплотъ къ оборонѣ нижняго теченія р. Урала отъ набѣговъ киргизъ и другихъ кочевниковъ; но его беспокоило отсутствіе должнаго порядка и единодушія между Яицкими казаками. Не налагая рукъ на исконныя права и установившіеся обычаи въ Яицкомъ войскѣ, Неплюевъ постарался, на сколько это зависѣло отъ него, улучшить внутреннее состояніе войска, которое онъ цѣнилъ, какъ „*легкій, полезный и весьма надежный къ оборонѣ корпусъ*“.

Чтобы лучше оцѣнить заслуги Неплюева для Яицкаго войска, познакомимся сначала, хотя вкратцѣ, съ первоначальной исторіей Яицкой общины, до прибытія въ Оренбургскій край Неплюева.

IV.

Начало, происхождение и составъ Яицкаго войска. — Первоначальное мѣсто поселенія, время основанія настоящаго Уральска и главные источники продовольствія Яицкихъ казаковъ. — Присоединеніе къ Московскому государству и переходъ Яицкаго войска изъ одного вѣдомства въ другое. — Внутреннее управленіе и выборное начало въ Яицкомъ войскѣ. — Войсковой Кругъ и его значеніе для казаковъ. — Отношеніе къ Яицкому войску Петра Великаго и перепись казаковъ полковникомъ Захаровымъ. — Недовольство казаковъ дѣйствіями атамана Григорія Меркурьева, жалоба на него, слѣдствіе и его исходъ.

Яицкіе, а нынѣ Уральскіе казаки происходятъ отъ Донскихъ, которые сами выдѣлились изъ Азовскихъ около половины XVI в. Начало основанія Яицкой общины относится къ послѣднимъ годамъ царствованія Іоанна Васильевича Грознаго (1584 г.), о службѣ же Яицкихъ казаковъ въ историческихъ актахъ упоминается въ первый разъ подъ 1591 годомъ, когда приказано было взять 500 Яицкихъ казаковъ въ походъ противъ царскаго ослушника Ш а х м а л а, въ команду астраханскихъ воеводъ С и т с к а г о и П у ш к и н а. Вначалѣ община Яицкихъ казаковъ была немногочисленна; потомъ она постепенно увеличивалась бѣглыми изъ инородцевъ и русскихъ, которымъ трудно жило на Руси по разнымъ причинамъ. Въ то время, какъ въ другихъ казацкихъ общинахъ требовалось, чтобы вступающій въ нихъ былъ непременно христіанинъ, Яицкіе казаки не пренебрегали никѣмъ, плѣнныхъ же и они старались обращать въ христіанство. Закаливъ себя въ борьбѣ съ степною природою и врагами, Яицкіе казаки требовали, чтобы и всякій другой, желающій поступить членомъ въ ихъ общину, былъ смѣлымъ,

дѣятельнымъ и предприимчивымъ; увальней и лѣнтяевъ они учили труду да уму-разуму, а если „наука въ толкъ не шла“, то такихъ выгоняли вонъ изъ своей общины. На берега привольнаго „Яика—Горынича“ шелъ народъ ловкій, смѣлый и храбрый, искавшій себѣ вольностей, простора, независимости.

Главное мѣсто первоначальнаго поселенія Яицкихъ казаковъ было не тамъ, гдѣ теперь—Уральскъ, а верстахъ въ трехъ отъ верхняго Кошевскаго устья по теченію р. Яика, на мѣстѣ остатковъ такъ называемаго Голубаго городища, посѣщеннаго въ 1858 г. и вкратцѣ описаннаго покойнымъ І. И. Желѣзновымъ. Впослѣдствіи казакамъ не понравилась и эта мѣстность, и они переселились къ Краснымъ Кирсановскимъ ярамъ, нѣсколько ниже Орѣшной луки, гдѣ теперь находится Кирсановскій форпостъ, отстоящій на 85 в. отъ Уральска по дорогѣ въ Оренбургъ. Частыя столкновенія съ кочевниками и нѣкоторыя другія невыгоды этой мѣстности заставили казаковъ покинуть и Кирсановскіе яры: въ половинѣ XVII в. городъ былъ перенесенъ на то мѣсто, гдѣ находится и теперь, т. е. къ устью р. Чагана, впадающаго съ правой стороны въ Уралъ и принимающаго въ себя съ правой же стороны р. Деркулъ; слѣдовательно, *настоящій Уральскъ существуетъ около 250 лѣтъ*.

Занимая огромныя степныя и луговыя пространства по Яику, казаки безъ особеннаго труда, но съ большими выгодами, могли заниматься скотоводствомъ, которое и доселѣ составляетъ у нихъ весьма важную статью доходовъ. Но, безъ сомнѣнія, главнѣйшимъ источникомъ продовольствія Яицкихъ казаковъ издавна

служилъ „Яикъ—Горыничъ“, который въ старину особенно былъ богатъ рыбой; недаромъ же Яицкіе казаки такъ удачно называютъ его въ своихъ пѣсняхъ „золотымъ домышкомъ съ серебряной покрывочкой“. Находясь вдали отъ заселенныхъ мѣстъ, казаки не всегда имѣли возможность вымѣнивать на рыбу, икру и клей—одежду, хлѣбъ и другіе необходимые въ жизни предметы. Недостатокъ хлѣба, денегъ и другихъ вещей они, помимо торговли и мѣны, пополняли грабежемъ и разбоемъ въ аулахъ сосѣднихъ кочевыхъ народовъ, особенно киргизовъ и калмыковъ, попадая нерѣдко и сами къ нимъ въ руки, а также на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, что у нихъ называлось „промысломъ“. Главными ихъ притонами на Каспійскомъ морѣ были острова: Камынинъ, Каменный, Святой и Песчаный; особенно казаки любили островъ Камынинъ, который упоминается и въ ихъ пѣсняхъ:

„За Гурьевымъ впадалъ ты,
Нашъ Яикушка,
Въ батюшку сине—море,
Какъ до славнаго острова,
До острова Камынина.
На островъ Камынинъ,
Братцы, старики живутъ;
Старики, братцы, старожилы,—
Они по девяносту лѣтъ;
Съ покоренной Золотой Ордой
Старики, братцы, во ладу живутъ“.

На островъ Камынинъ, имѣющемъ въ настоящее время около 2 верстъ въ длину и отъ 30 до 40 саж. въ ширину, казаки иногда зимовали и заготавливали себѣ струги, въ которыхъ разгуливали по Каспійскому морю

и нападали на персидскія прибрежныя селенія. Случалось, что „удалые казаченки“, не боявшіеся „синя—моря Хвалынскаго“, попадали въ руки персіанъ и, для спасенія своей жизни, принимали даже ихъ вѣру (конечно, наружно только) или, по выраженію старинныхъ актовъ, „обасурманивались“. Отбивъ нападеніе на свой городокъ татаръ Золотой Орды, казаки долго жили независимо отъ Московскаго государства; наконецъ, собравшись, они составили совѣтъ и послали отъ себя двоихъ казаковъ, русскаго и татарина, къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу съ челобитьемъ, что они желаютъ быть подъ его Царской властью и служить вѣрой и правдой ему Великому Государю и его наслѣдникамъ. Тогда же казаки получили и Царскую грамоту на р. Яикъ; по эта грамота или „владѣльная“, какъ называютъ её казаки, сгорѣла въ пожаръ, бывшій еще въ концѣ XVII вѣка. Впослѣдствіи казаки просили Государя Петра Великаго о подтвержденіи ихъ старинныхъ правъ на р. Яикъ выдачею войску новой грамоты.

Признавъ надъ собою добровольно власть Московскаго правительства, казаки долго не могли измѣнить своего образа жизни: они, попрежнему, ходили на „промыслы“ въ сосѣдніе аулы киргизъ и смежныя русскія селенія, принимая нерѣдко участіе и въ бунтахъ, бывшихъ на Руси; но особенно разнуздалъ неудержимую склонность къ наживѣ въ Яицкихъ казакахъ бунтъ Стенки Р а з и н а. Усмиривъ Разинскій бунтъ, Московское правительство не желало больше мириться съ прежними склонностями и обычаями Яицкихъ казаковъ. Въ мѣстахъ, сосѣднихъ съ казачьими землями, стали утверждаться царскіе воеводы и служилые люди, которые

требовали отъ казаковъ безусловнаго повиновенія Царской власти. Начиная съ 1623 г. Яицкое войско, какъ и Донское, находилось въ вѣдѣніи Посольскаго приказа; затѣмъ съ 1680 по 1711 г. оно состояло въ вѣдомствѣ Приказа Казанскаго Дворца; съ учрежденіемъ въ 1711 г. Сената, Яицкое войско перешло въ его вѣдѣніе, въ которомъ и оставалось до 24 декабря 1719 г., когда завѣдываніе имъ было поручено Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а 10 марта 1721 г. оно уже было подчинено Военной Коллегіи.

Кромѣ того, Яицкіе казаки по сыскнымъ дѣламъ, по доносамъ другъ на друга и по дѣламъ уголовнымъ, были подчинены сначала (въ 1720 г.) астраханскому а потомъ (въ 1744 г.) — оренбургскому губернатору. Въ 1782 г. Уральское войско по земскимъ дѣламъ было отчислено отъ оренбургскаго губурнатора къ астраханскому, а въ началѣ настоящаго столѣтія оно снова было подчинено оренбургскому генераль-губернатору, въ вѣдѣніи котораго и находилось до самаго уничтоженія оренбургскаго генераль-губернаторства.

Внутреннее, такъ сказать, домашнее управленіе Яицкаго войска долгое время представляло характеръ древне-вѣчеваго устройства Новгородской общины: всѣ члены общины были равны между собою; всѣ подчинялись одинаковымъ правиламъ и слѣдовали одинаковымъ обычаямъ, вытекавшимъ изъ условій самой жизни. Внутреннее правленіе у казаковъ было выборное, какъ и въ Донскомъ войскѣ, безъ вѣдома котораго Яицкіе казаки даже на „вершили большихъ дѣлъ“. Глава общины, войсковой атаманъ, равно какъ и всѣ должностныя лица избирались вольными и согласными голосами

всѣхъ казаковъ изъ ихъ же среды. Дѣла обыкновенныя, напр. ссоры, различныя тяжбы и т. п. разбирались и рѣшались атаманомъ и его помощниками; дѣла же важныя, касавшіяся интересовъ всего войска, и дѣла уголовныя обсуждались и рѣшались большинствомъ голосовъ въ Войсковомъ Кругу, гдѣ каждый казакъ могъ подать свой голосъ. Наканунѣ собранія Круга, одинъ изъ приближенныхъ къ атаману лицъ, одѣтый въ роскошное платье, съ жезломъ въ рукѣ, на богато убранной лошади разѣзжалъ по городу и, останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, громко зывалъ къ народу: *„Послушайте атаманы и все Донско-Мицкое воинство! Не пейте зелена вина, ни дароваго, ни купленаго: завтра—Кругу быть“*. Извѣщенные о времени собранія Круга и предупрежденные насчетъ чарки зелена вина, казаки съ трезвыми и непохмѣльными головами въ назначенный день сходились на площадь къ Войсковой Избѣ. Когда всѣ казаки были въ сборѣ, изъ Войсковой Избы, въ сопровожденіи старшинъ, походныхъ атамановъ и есауловъ, выходилъ войсковой атаманъ. Войдя въ средину Круга, онъ клалъ къ своимъ ногамъ на сѣкуну, или булаву,—знакъ атаманской власти,—снималъ шапку и низко кланялся на всѣ четыре стороны; его помощники также кланялись собравшимся казакамъ; затѣмъ атаманъ начиналъ говорить о дѣлѣ, для выслушанія и обсужденія котораго были приглашены казаки. Изложивъ дѣло, атаманъ спрашивалъ: *„любо-ли вамъ это, атаманы—молодцы, или нелюбо“*?—Казаки кричали: *„любо!“* или—*„не любо!“* — Въ случаѣ разномыслія и разногласія, атаманъ подавалъ знакъ разойтись—и казаки немедленно расходились на двѣ стороны; затѣмъ, смотря по большинству казаковъ въ той

или другой партіи, рѣшеніе Круга приводилось въ исполненіе.—Сроковъ службы у Яицкихъ казаковъ не было: если выбранный ими начальникъ хорошо и честно исполнялъ свои обязанности, съ общевойсковой точки зрѣнія; то онъ сохранялъ возложенную на него должность. Иногда всю жизнь,—и казаки цѣнили и слушались его. Но если кто изъ выборныхъ, хотя бы то былъ и самъ войсковой атаманъ, не оправдывалъ довѣрія къ нему народа; то казаки сами лишали его власти, и тогда онъ обращался въ простаго казака. Такой порядокъ, по мнѣнію самихъ же казаковъ, былъ хорошъ и выгоденъ для нихъ,—былъ по душѣ имъ. Съ другой стороны, чѣмъ многочисленнѣе становилось войско, тѣмъ труднѣе было вершить дѣла въ Войсковомъ Кругу. При большихъ собраніяхъ и разногласіи казаковъ, невозможно было поддержать въ Кругу должнаго порядка и вести обсужденіе дѣлъ, а иногда случалось, что недовольные казаки въ злобѣ бросались на своихъ же выборныхъ начальниковъ и стаскивали ихъ съ рундула Войсковой Избы, замѣняя тутъ же другими.—Такъ было до 1723 года, когда Петръ Великій, не любившій самоуправства, обратилъ свое вниманіе и на Яицкое войско. Не жалуя казацкаго самоуправленія, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ казаковъ, при содѣйствіи Военной Коллегіи, постоянную военную силу, на которую бы всегда можно было положиться. Съ этою цѣлію былъ командированъ въ Яицкій городокъ полковникъ Казанскаго горнизона Иванъ Захаровъ, которому велѣно было произвести перепись Яицкихъ казаковъ. Нужно замѣтить, что еще за шесть лѣтъ до пріѣзда на Яикъ Захарова, къ казакамъ являются фискалы и разные сыщики, которые своею недобросовѣстностью

и взятками кладутъ первыя сѣмена раздора среди казаковъ, появленіе же ихъ на берегахъ Яика было вызвано внутренними беспорядками, возникшими среди Яицкаго войска, независимо отъ посторонняго вліянія. Особенно много надѣлалъ непріятностей и бѣдъ Яицкому войску доносъ казака Ивана К а р т а ш о в а на войсковаго атамана Григорія М е р к у р ь е в а, назначеннаго въ атаманы по царскому указу, а не по выбору войска. Въ мартѣ 1723 г. полковникъ З а х а р о в ъ отправился изъ Казани въ Яицкій городокъ, во главѣ одной роты драгунъ въ 127 чел. и другой—пѣхоты, состоявшей изъ 132 чел., кромѣ деньщиковъ. Въ сентябрѣ того же года З а х а р о в ъ, намѣреваясь приступить къ переписи казаковъ, согласно данной ему инструкціи, приказалъ наклеить на стѣнахъ домовъ и заборахъ, въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ города, особые листы, приглашая казаковъ *„писать въ сказкахъ сущую правду безъ утайки“*; въ то же время атаманъ Меркурьевъ доставилъ Захарову именныя списки казаковъ. Но Захаровъ не успѣлъ еще приступить къ самой переписи, какъ уже болѣе 200 казаковъ бѣжали да 88 чел. умерли во время производства переписи. Всего по переписи Захарова въ Яицкомъ войскѣ оказалось 5771 казакъ и 353 пришлыхъ людей изъ другихъ мѣстъ, которые успѣли завестись на Яикѣ своими домами, всего же (казаковъ и пришлыхъ) было 6124 чел. муж. пола. Раздѣливъ все войско на сотни и десятки, З а х а р о в ъ назначилъ на всѣхъ наличныхъ и годныхъ къ службѣ казаковъ 1500 р. въ годъ жалованья и, сверхъ того, по осминѣ хлѣба на каждаго казака; годныхъ къ службѣ оказалось 3196 чел., включая въ это число и войсковаго атамана. Казаки сильно

были недовольны произведенной переписью и даже покушались убить Захарова; но, благодаря предусмотрительности атамана Меркурьева, Захаровъ остался цѣль и невредимъ, за что собственно Меркурьевъ, вопреки желанію войска, и назначенъ пожизненнымъ атаманомъ, по указу Императрицы Екатерины I, и, кромѣ того, получилъ въ награду портретъ Государыни, золотой ковшъ, саблю и сто рублей денегъ. Однакожъ казаки и послѣ этого не переставали вредить Меркурьеву, чтобы такъ или иначе лишить его атаманскаго достоинства и власти. Въ 1730 г. обличителемъ атамана Меркурьева явился казакъ Денисъ Гузиковъ, который показалъ, что Меркурьевъ изъ-за взятокъ принимаетъ бѣглыхъ людей и опредѣляетъ ихъ на службу въ крѣпость Св. Креста (на Кавказѣ) ('). Но Меркурьевъ и на этотъ разъ, благодаря своей изворотливости и расположенію къ нему Военной Коллегіи, остался на своемъ мѣстѣ и еще болѣе и смѣлѣе сталъ злоупотреблять своею властію, что возстановило противъ него почти все войско. Въ ноябрѣ 1737 г. Военная Коллегія получила новую жалобу на Меркурьева и его сыновей (Ивана и Андрея), подавшую отъ имени старшинъ, сотниковъ, десятниковъ и 2700 рядовыхъ казаковъ, но и на сторонѣ Меркурьева оказалось 88 старшинъ, которые 10 декабря того же года послали прошеніе на Высочайшее имя. Сторонники Меркурьева указывали въ своемъ прошеніи на тѣ безпорядки, которые происходили, при обсужденіи дѣлъ, въ Войсковомъ Кругу, при чемъ главнымъ виновникомъ всѣхъ

(') Служба Яицкихъ казаковъ на Кавказѣ, которая называлась службою въ Низовомъ корпусѣ, началась съ 1724 г. и кончилась въ 1774 г.

неурядицъ въ войскѣ, вожакомъ народной партіи выставили старшину Ивана Л о г и н о в а. Приверженцы Логинова: Михайло К у к л я е в ъ, Аонасій Ч е р н о г о в ъ, Иванъ Т о р ш и л о в ъ и другіе распространили въ городѣ слухъ, что атаманъ Меркурьевъ, въ бытность его въ Петербургѣ, лишенъ пожалованныхъ ему портрета Государыни и сабли и отданъ подъ арестъ. Народная партія, не любившая Меркурьева, охотно вѣрила этимъ слухамъ и еще сильнѣе выражала свое недовольство дѣйствіями Меркурьева и его приверженцевъ: собираясь въ Кругъ, казаки шумѣли, кричали, бранились и даже дрались; о повиновеніи атаману не могло быть и рѣчи; вмѣсто отцевъ, стали являться въ Кругъ дѣти, чего раньше не бывало; наконецъ дѣло дошло и до того, что у противниковъ *„между собою стало чиниться смертное убійство“*.

Военная Коллегія предписала маіору А л е к с и н у произвести слѣдствіе, а Меркурьева до окончанія дѣла отъ должности отстранить, предоставивъ Яицкому войску право избрать на время въ атаманы, кого оно пожелаетъ. Казаки, собравшись въ Кругъ, избрали въ войсковые атаманы Андрея К а р п о в а; но онъ скоро, вѣдѣвіе происковъ Меркурьева, былъ признанъ неблагонадежнымъ, арестованъ и отправленъ подъ конвоемъ въ Самару къ В. Н. Т а т и щ е в у, а на его мѣсто былъ назначенъ станичный атаманъ П р ы т к о в ъ, человекъ вполне преданный Меркурьеву. Однакожъ не смотря на то, слѣдствіе раскрыло, что М е р к у р ь е в ъ въ разное время удержалъ у казаковъ жалованья 12355 руб. и не хотѣлъ давать никакого отчета въ расходованіи войсковыхъ сборныхъ денегъ; старшина же Л о г и н о в ъ обвинялся въ томъ, что не

могъ основательно доказать своего заявленія, что Меркурьевъ удержалъ у казаковъ жалованье за 1724 г., и отрекся отъ своего показанія, что будто Меркурьевъ не заплатилъ 200 казакамъ, командированнымъ въ Оренбургъ, 700 р., а 250 казакамъ, находившимся въ Низовомъ корпусѣ, 450 р. Между тѣмъ было доказано, что самъ Логиновъ удержалъ у казака Погребнишина жалованье и, сверхъ того, 4 р., вьятые имъ на сбереженіе. Военная Коллегія опредѣлила: атамана Меркурьева лишить чина и взыскать съ него удержанныя у казаковъ деньги 12355 р.; со старшины Логинова: удержанныя у Погребнишина деньги также взыскать. Въ отвѣтъ на это опредѣленіе, 24 августа 1740 г., послѣдовалъ именный Высочайшій указъ, коимъ повелѣвалось: „*атамана Меркурьева за учиненныя имъ казакамъ обиды атаманства лишить, а за службы отца его и его показанныя извѣстныя вѣрности отъ взысканія вышеупомянутой положенной на него суммы освободить; а Логинова хотя по слѣдствію въ иномъ и самъ виноватъ и подлежить штрафу, однакожъ чиненныя отъ Меркурьева Яицкому войку обиды чрезъ него открылись, и для того и его Логинова отъ штрафа освободить же и все то дѣло оставить и уничтожить. И чтобы между ними памятозлобія, а отъ того впредь вражды быть не могло, того ради обоихъ ихъ съ Яика вывестъ и поселить жить въ тамошнихъ же городкахъ порознь, и именоваться имъ обоимъ тѣхъ городковъ, гдѣ они будутъ жить, старшинами*“. — Въ томъ же указѣ было объявлено Яицкому войску, что отселѣ оно обязано представлять на должность войсковаго атамана трехъ кандидатовъ „*изъ заслуженныхъ, богобоязливыхъ, вѣрныхъ и въ воинскомъ дѣлѣ искусныхъ лю-*

дей“; самый же выборъ и назначеніе атамана принадлежали Высочайшей волѣ; недовольные дѣйствіями атамана могли обращаться съ жалобою въ Военную Коллегію. Кромѣ того, велѣно завести въ войскѣ приходо-расходныя книги за шнуромъ и войсковой печатью, а Военной Коллегіи было поручено собрать свѣдѣнія объ Яицкомъ войскѣ и составить новый проектъ управленія войскомъ. Но свободолюбивые казаки, попрежнему, не хотѣли подчиняться указаніямъ Военной Коллегіи, и продолжали слѣдовать старымъ порядкамъ и обычаямъ своихъ предковъ, такъ-что прежнее устройство Яицкаго войска, ко времени вступленія въ управленіе имъ Неплюева, оставалось въ полной своей силѣ. Перейдемъ теперь къ разсказу о томъ, что сдѣлалъ хорошаго и полезнаго для Яицкаго войска и его составныхъ частей умный и дѣятельный губернаторъ Неплюевъ.

V.

Начало укрѣпленія Нижнеяицкой линіи.—Проектъ Татищева о поселеніи по нижнему Яику драгунъ и дворянъ.—Просьба Яицкихъ казаковъ и ходатайство за нихъ Неплюева.—Укрѣпленіе Нижнеяицкой линіи при Неплюевѣ и устройство на ней крѣпостей и форпостовъ.—Мѣры предосторожности со стороны Неплюева противъ нападенія Киргизовъ.—Время основанія Илецкаго городка и личный осмотръ его Неплюевымъ.—Заботы Неплюева о безопасности Илецкихъ казаковъ и отношеніе ихъ къ Яицкому войску.—Сакмарскій городокъ и населявшіе его казаки.—Стремленія Неплюева къ внутреннему устройству Оренбургской губерніи.

Со времени подчиненія Яицкаго войска Неплюеву, начинается и укрѣпленіе Нижнеяицкой линіи. До Неплюева по нижнему теченію р. Яика, отъ Раз-

сыпной крѣпости и до Гурьева городка, на протяженіи болѣе 600 верстъ, были только два укрѣпленные пункта: Яицкій городокъ, или нынѣшній Уральскъ, и Гурьевъ-городокъ, находившійся на самомъ устьѣ р. Яика. Такая беззащитность Нижнеяицкой линіи давала киргизамъ полную возможность свободно переходить на правую сторону рѣки, выше и ниже Яицкаго городка, и производить грабежи и угонъ скота у самихъ казаковъ и у калмыковъ, кочевавшихъ между р. Волгой и Яикомъ. Имѣя въ виду малочисленность казаковъ и сознавая всю трудность обороны Нижнеяицкой линіи отъ кочующихъ ордъ, В. Н. Татищевъ представилъ въ Военную Коллегію проектъ о поселеніи по р. Яику съ цѣлію обороны этой линіи, Казанскаго драгунскаго полка и подъ его прикрытіемъ, въ видѣ прегулярнаго войска, самарскихъ и алексѣевскихъ дворянъ. Проектъ Татищева былъ уже утвержденъ 21 января 1739 г., но за разными препятствіями онъ не былъ еще приведенъ въ исполненіе, когда главнымъ командиромъ Оренбургскаго края былъ назначенъ Неплюевъ. Между тѣмъ, Яицкое войско, опасаясь, что новые поселенцы нанесутъ ему ущербъ въ рыболовствѣ, заявило, что оно обязывается построить близъ урочищъ Калмыкова и Кулатина яра двѣ крѣпости и охранять какъ ихъ, какъ и всю Нижнеяицкую линію до Гурьева-городка своими силами, если только его уволить отъ командировокъ на вѣшнюю службу, отворять Гурьевскіе учуги по 8 сажень съ обоихъ береговъ и не допускать до поселенія на нижнемъ Яикѣ драгунъ и дворянъ. Нужно замѣтить, что версты на четыре ниже Гурьева былъ устроенъ казенный учугъ, или

перебой изъ бревенъ поперекъ всей рѣки; этотъ учугъ сдѣлали рыбопромышленники, которымъ были отданы въ аренду Гурьевскіе рыбныя промыслы. Первоначально въ Гурьевскомъ учугѣ съ обѣихъ сторонъ его были открыты ворота, шириною отъ 6 до 8 саж., но впоследствии, вѣроятно, сами отпутники заперли ихъ, такъ-что рыба изъ моря могла проходить въ Яикъ только его боковыми устьями, которыхъ въ то время было достаточно и нѣкоторые изъ нихъ отличались значительной глубиною. Яицкіе казаки весьма недовольны были уже и тѣмъ что Гурьевскіе учуги были заперты; теперь же, когда правительство было намѣрено перевести на берега Яика самарскихъ и алексѣевскихъ дворянъ, казаки особено пріуныли: „отъ такого заселенія“,—писали они въ своемъ прошеніи,—„мы придемъ въ крайнюю нищету и разореніе и рыбныя наши промыслы, отъ которыхъ все свое содержаніе и пищу имѣемъ, и службу отправляемъ, во все уничтожатся: ибо за такимъ поселеніемъ рыба до нашего городка затѣмъ, что всегда будетъ пужена, проходить уже не можетъ, и отъ одного ружейнаго выстрѣла или огища, или же кто не въ-время одну рыбу поймаетъ, вся на низъ уходитъ будетъ“. Но, къ счастью казаковъ, смѣлымъ защитникомъ ихъ интересовъ явился Ив. Ив. Неплюевъ. Въ 1743 году онъ представилъ въ Сенатъ особое имѣніе, въ которомъ постарался доказать, что предположенное заселеніе нижнему Яику дворянъ и драгунъ совершенно разорило-бы казаковъ, тогда какъ, по его выраженію, такой „сильный, легкій и исправный корпусъ разорять весьма неполезно“. Неплюевъ находилъ выгоднымъ удовлетворить просьбу:

Яицкаго войска по слѣдующимъ соображеніямъ: тогда не потребуется отъ казны особыхъ расходовъ на устройство промежуточныхъ оборонительныхъ пунктовъ; при поселеніи же драгунъ и дворянъ по нижнему Яику, необходимо будетъ расходовать большія суммы казенныхъ денегъ, тогда-какъ при способѣ, предлагаемомъ отъ Яицкаго войска, расходъ будетъ равняться только доходу отъ учуговъ и при томъ вознаградится еще тѣмъ, что тогда Яицкіе казаки придутъ въ лучшее положеніе, а слѣдовательно могутъ принести своею службою и больше пользы государству; тѣхъ трудностей, которыхъ можно было-бы опасаться при поселеніи драгунъ и дворянъ, въ доставленіи фуража, провіанта и аммуниционныхъ вещей—тогда не будетъ. Кромѣ того, улучшеніе рыболовства въ Яицкомъ войскѣ усилитъ промышленность и торговлю, а слѣдовательно принесетъ казнѣ немалый барышъ, посредствомъ умноженія десятой части рыбныхъ сборовъ въ Самарѣ и Сызранѣ, чрезъ которые возили рыбу во внутренніе города Россіи; драгунской же полкъ, самарскіе и алексѣевскіе дворяне могли быть съ выгодною употреблены на службу по крѣпостямъ Оренбургской линіи. Сообщая свое мнѣніе въ Сенатъ, Неплюевъ написалъ и къ В. Н. Т а т и щ е в у, бывшему въ это время астраханскимъ губернаторомъ, что его проэктъ о поселеніи драгунъ и дворянъ по нижнему Яику не практиченъ и не выгоденъ и для казаковъ, и для государства. Т а т и щ е в ъ не только согласился съ мнѣніемъ и доводами Неплюева; но даже предлагалъ вовсе отдать Гурьевскіе учуги Яицкому войску вмѣсто жалованья. Вслѣдствіе ходатайства Неплюева, Императрица Елизавета Петровна отмѣнила рѣшеніе Верховнаго Кабинета, состоявшееся 21 января 1739 года, и особою

Царскою грамотою 23 апрѣля 1743 г., данною на имя Яицкаго войска, пожаловала казаковъ отвореніемъ Гурьевскаго учуга по 8 сажень съ каждой стороны, для прохода рыбы изъ моря вверхъ по Яику дабы „черезъ то Яицкіе казаки въ службы Ея Величества являлись исправны“. Въ то же время казакамъ было позволено селиться ниже Яицкаго городка сначала только въ двухъ избранныхъ ими пунктахъ, именно около урочищъ *Калмыкова* и *Кулагина* яра, съ обязательствомъ устроить здѣсь крѣпости и содержать въ нихъ по пятисотенной командѣ, въ первое время ежегодно перемѣняемой, а потомъ какъ въ упомянутыхъ крѣпостяхъ, такъ и въ промежуточныхъ пунктахъ „основать сѣ фундаментальными жилищами“, и своими разѣздами между обѣими крѣпостями и, начиная отъ нихъ, въ одну сторону до Яицкаго городка, а въ другую—до Гурьева охранять границу, не допуская до перелазовъ кочующихъ по берегамъ рѣки калмыковъ и киргизовъ. Такимъ образомъ, *благодаря заступничеству и ходатайству Неплюева, Яицкое войско осталось и сдѣлалось полнымъ хозяиномъ на своей родной кровной землѣ.* Вскорѣ послѣ этого Яицкіе казаки основали и устроили двѣ крѣпости: *Калмыковскую* и *Кулагину*, которыя въ свою очередь положили начало форпостамъ *Нижнеяицкой* линіи, составившимъ цѣлую цѣпь укрѣпленныхъ казачьихъ поселеній, передовые пикеты коихъ находились на лѣвой сторонѣ Яика.

Укрѣпляя Нижнеяицкую линію и стараясь обезопасить её отъ киргизовъ, Неплюевъ всегда старался узнать напередъ мнѣніе самихъ казаковъ, которымъ лучше была извѣстна и мѣстность по р. Яику, и правы

сосѣднихъ кочующихъ ордъ. Предоставивъ право самому Яицкому войску избрать опредѣленные мѣста для основанія и устройства форпостовъ, Неплюевъ командировалъ кондуктора Куликова, которой долженъ былъ измѣрить разстояніе между форпостами, описать мѣстоположеніе cadaго въ отношеніи удобства и составить ихъ ландкарту. Вслѣдствіе этихъ распоряженій Неплюева, возникли слѣдующіе форпосты, существующіе и теперь: Сарайчиковъ, Яманхалинскій, Баксаевъ, Тополевой, Зеленый Колокъ, Гребеньщиковъ, Кошъ-Яикъ⁽¹⁾, Харькинъ, Красный Яръ, Котельный, Антоновъ, Каменные Орѣшки (Каленовскій), Сахарный, Мергеневъ, Супдаевъ, Кожухаровъ, Вударинъ, Кошъ-Яикъ⁽²⁾, Чаганскій и крѣпости: Кулагинская и Калмыковская, называвшіяся городками⁽³⁾. Во всѣхъ форпостахъ казаки обязаны были содержать постоянно два полка въ полномъ комплектѣ, при чемъ число всѣхъ казаковъ, вмѣстѣ съ старшинами, равнялось 1016 чел. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ распорядился, чтобы и на лѣвой сторонѣ Яика были караулы и „подѣзды въ степь“, желая чрезъ то предотвратить возможность неожиданной атаки со стороны киргизовъ. При всѣхъ форпостахъ, на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, онъ приказалъ устроить высокіе маяки и обвязать ихъ камышемъ или другой какой сухою травой. При появ-

(1) Кошъ-Яикъ противъ Индерскихъ горъ, въ 555 в. отъ Оренбурга.

(2) Кошъ-Яикъ противъ озера Грязнаго, въ 326 в. отъ Оренбурга.

(3) Кулагинскій городокъ находится между Зеленымъ Колкомъ и Гребеньщиковымъ форпостомъ, а Калмыковъ — между Котельнымъ и Антоновымъ форпостами.

леніи въ степи большихъ партій киргизовъ, маяки зажигались одинъ за другимъ и въ нѣсколько часовъ давали знать всей полинейной стражѣ о приближеніи киргизовъ. Сѣвернѣе Яицкаго городка, гдѣ также нерѣдко появлялись киргизы, Неплюевъ приказалъ въ удобныхъ мѣстахъ, до самаго Илецкаго городка, завести зимовки и содержать при нихъ постоянный караулъ, зимой и лѣтомъ. Мѣста для устройства зимовокъ должны были избрать сами казаки, а кондуктору Куликову велѣно описать тѣ мѣста, измѣрить ихъ взаимное разстояніе и составить имъ карту. Изъ этихъ-то зимовокъ и возникли впослѣдствіи такъ называемыя р е д а н к и и т р е т и, расположенныя по обоимъ берегамъ Яика: отъ Бударинскаго форпоста до Гурьева онѣ шли по правому берегу Урала, а отъ Илецкихъ дачъ до Бударинскаго форпоста—по лѣвому берегу рѣки. Р е д а н к и устраивались на половинѣ разстоянія между двумя форпостами, а т р е т и—между реданкой и форпостомъ, такъ-что съ обѣихъ сторонъ реданки находилось по трети, или по одному третнему пикету. Форпосты, заключавшіе въ себѣ не менѣе ста человекъ, должны были имѣть какое-либо укрѣпленіе и одну пушку, а въ крѣпости Кулагину и Калмыкову Неплюевъ приказалъ дать по двѣ пушки со всеѣми снарядами, чтобы, въ случаѣ нападенія на нихъ непріятелей, можно было съ большимъ успѣхомъ вести оборону. Казаки обязаны были „всякое стараніе имѣть быть доброконными, а во время нужды о дву-конь“, такъ какъ киргизы на воровство всегда отправлялись не меньше, какъ о двухъ или даже о трехъ лошадяхъ. Если казаки находили у киргизъ или калмыковъ отогнанный скотъ или плѣнниковъ; то имъ позволялось не только отнимать добычу и плѣнныхъ,

но и убивать виновныхъ „на страхъ другимъ, дабы они и тайныхъ перелазовъ чрезъ Япкъ не чинили, скотъ не отгоняли и людей не захватывали“. Когда же казаки замѣчали появленіе сильныхъ и многочисленныхъ отрядовъ калмыкъ или киргизовъ, въ недалекомъ разстояніи отъ береговъ Яика, или только получали извѣстіе о приближеніи ихъ; то они должны были немедленно посылать вѣстовыхъ въ Яицкій городокъ къ войсковому атаману, который приказывалъ ударить въ набатный колоколъ, чтобы всѣ, способные владѣть конемъ и оружіемъ, сейчасъ же скакали на выручку форпостныхъ казаковъ, коимъ угрожала опасность. За нарушение этого распоряженія виновные подвергались строгому наказанію. Такъ полковникъ Егоръ М а т в ѣ е в ъ и есаулъ Осодоръ У с о в ъ были разжалованы въ рядовые казаки за то, что не предупредили о нападеніи киргизовъ на калмыковъ въ 1746 г.; полковникъ Спльвестровъ былъ лишенъ чина и записанъ въ простые казаки за то, что не принялъ должныхъ мѣръ предосторожности, при нападеніи киргизовъ на Котельный форпостъ; командиръ форпоста хорунжій З а д н и ц ы н ъ, сотники П е у н о в ъ и К у р о х т и н ъ и писарь З а о к о л ы ш н и н ъ за оплошность, допущенную ими при нападеніи киргизовъ, были лишены чиновъ и, при собраніи Войсковаго Круга, „н е щ а д н о“ наказаны плетью, послѣ чего хорунжій Задницынъ, какъ наиболѣе виновный, былъ опредѣленъ въ каторжную работу.—Въ видахъ предосторожности, Неплюевъ также распорядился, чтобы за солью на Индерское озеро казаки ѣздили „партіями не менѣе 50 человекъ и съ исправнымъ оружіемъ“; ослушниковъ и потаковщиковъ велѣно ловить и подвергать наказанію въ Вой-

сковомъ Кругу „на страхъ другимъ“. Для предотвращения столкновений между калмыками и киргизами, раздѣленными нижнимъ теченіемъ Яика, Неплюевъ приказалъ, чтобы тѣ и другіе кочевали не ближе, какъ на 20 верстъ отъ береговъ рѣки въ степь, а чтобы это распоряженіе не нарушалось, онъ, съ разрѣшенія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, велѣлъ выжигать осенью всю степь по лѣвую сторону Яика до самаго Каспійскаго моря. Астраханскій губернаторъ Брылкинъ предлагалъ выжигать степь по обѣ стороны р. Яика, Неплюевъ же нашелъ нужнымъ сожигать подножный кормъ для скота только на киргизской сторонѣ,—Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ согласилась съ мнѣніемъ Неплюева, утвердивъ его особымъ указомъ 8 августа 1748 г.—Но, принимая всѣ мѣры предосторожности къ безопасности линіи, Неплюевъ строго запретилъ Яицкимъ казакамъ обижать напрасно киргизъ, калмыковъ и др. инородцевъ. Полковымъ старшинамъ наип строжайше было предписано неослабно смотрѣть за подчиненными, чтобы „они безъ ихъ вѣдома никуда отъ команды не отлучались и кочующимъ иногда по близости *киргизъ-кайсакамъ и калмыкамъ обидъ и никакого воровства изъ-подъ улусовъ ихъ не чинили, и напрасно-бъ на нихъ худыхъ дѣлъ не затѣвали*, чего ради отъ форпостовъ на звѣроловство и ни на какіе промыслы далѣе десяти верстъ не отпускать“. Выбѣжавшихъ изъ калмыцкихъ улусовъ и киргизскихъ ауловъ плѣнниковъ велѣно, послѣ предварительныхъ распросовъ, не причиняя имъ никакихъ обидъ, отсылать къ войсковому атаману, который долженъ былъ, при случившейся надежной оказіи, препровождать ихъ

на мѣсто жительства и доносить о томъ въ Оренбургскую канцелярію.

Въ то самое время, какъ заселялась и укрѣплялась Ни ж п е я и ц к а я л и п і я, въ Гурьевъ-городкѣ потребовалось усиленіе внутренняго гарнизона; поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Зимой 1747 г. сильная партія киргизовъ, обойдя лицкіе форпосты по льду моремъ, напала на русскія селенія и на калмыковъ, кочевавшихъ по лѣвому берегу Волги, и произвела „в е л и к о е р а з о р е н і е“. Въ предупрежденіе такихъ несчастій на будущее время, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ предписала Неплюеву и астраханскому губернатору Брылкину войти въ соглашеніе, относительно мѣръ предосторожности отъ набѣговъ киргизъ. Началась длинная переписка по этому дѣлу, которая кончилась тѣмъ, что Гурьевъ-городокъ въ 1753 г. былъ включенъ въ составъ Лицкаго войска, которое обязалось оберегать его, и подчиненъ вѣдомству оренбургскаго губернатора.

Основаніе Г у р ь е в у - г о р о д к у положилъ купецъ Михаилъ Г у р ь е в ъ еще во время владычества Золотой Орды, гораздо раньше заселенія береговъ Яика вольными казаками. Купецъ Г у р ь е в ъ былъ привлеченъ сюда выгодами рыболовства. Сначала онъ платилъ татарскимъ владѣльцамъ, жившимъ въ С а р а й - ч и к ѣ, подать за дозволеніе производить ловъ рыбы въ устьѣ р. Яика и вдоль сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря; а потомъ, когда городокъ былъ достаточно имъ укрѣпленъ, онъ отказался отъ платежа дани. Впослѣдствіи Гурьевъ-городокъ отошелъ въ казну и былъ причисленъ къ Астраханской губерніи. Въ пяти верстахъ отъ Гурьева, при самомъ устьѣ Яика, была

устроена брандвахта, или отводный караулъ, который долженъ былъ наблюдать, чтобы въ морѣ не было „грабительства, неуказаннаго рыболовства и проѣзжихъ судовъ безъ вида“; въ самомъ же городѣ была поселена рота Астраханскаго гарнизона, для охраны рыбопромышленниковъ отъ киргизъ и другихъ кочевниковъ. Подъ самымъ Гурьевымъ былъ устроенъ, какъ мы уже знаемъ, учугъ, или загородка изъ бревенъ поперекъ всей рѣки, чтобы чрезъ то преградить ходъ морской рыбѣ вверхъ по р. Яику.

Яицкіе казаки хорошо сознавали тѣ невыгоды, которыя имъ придется испытать съ построєніемъ Гурьева и особенно отъ его учуговъ; почему они вначалѣ всячески старались воспрепятствовать построєнію и укрѣпленію Гурьева, но безъ успѣха. Въ „*Историческихъ Актахъ*“ подъ 1649 г. упоминается, что яицкій атаманъ К о н д ы р е в ъ съ товарищами, напавъ на Гурьевъ-городокъ, „многіе городовые запасы погромили и дровъ и всякихъ запасовъ на городовое дѣло припасать вверхъ по Яику рѣкѣ не дали“. Въ 1667 г. Яицкіе казаки, подъ командою Васьки К а с и м о в а, спустились внизъ по Яику, р а з г р а б и л и Г у р ь е в ъ и ушли въ Каспійское море, гдѣ на островахъ и дѣлили добычу или, по ихъ выраженію, „д у в а н ь д у в а н и л и“. Впослѣдствіи Яицкимъ казакамъ пришлось самимъ же охранять Гурьевъ отъ набѣговъ и грабительства киргизовъ, а потомъ и совершенно присоединить его къ себѣ.

Въ настоящее время Гурьевъ не имѣетъ никакихъ укрѣпленій, въ старицу же онъ былъ окруженъ каменною стѣною съ башнями по угламъ, которая въ 1753 г., когда Гурьевъ былъ присоединенъ къ Яицкому войску,

вся обвалилась; почему Неплюевъ пожелалъ построить новое укрѣплєніе, и въ 1754 г. командировалъ въ Гурьевъ инженеръ-капитана Назимова осмотрѣть городъ и узнать, какъ идутъ тамъ работы по устройству крѣпостной стѣны. Назимовъ, по пріѣздѣ въ Гурьевъ, донесъ Неплюеву, что за недостаткомъ строительнаго матеріала работы до его пріѣзда даже не были начаты, и что только при немъ приступлено къ постройкѣ разобранной каменной стѣны, согласно плану, утвержденному Неплюевымъ. Мѣстность, на которой находилась тогда Гурьевъ, Назимовъ называетъ нездоровою и полагая, что производство работъ можетъ сильно обременить однихъ солдатъ, которымъ было поручено возвести укрѣплєніе, онъ просилъ Неплюева, чтобы въ Гурьевъ было командировано, въ помощь солдатамъ, еще нѣсколько казаковъ. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ Неплюева и распорядительности инженера Назимова, Гурьевъ былъ обнесенъ высокимъ и частымъ полисадомъ, по четыремъ угламъ котораго возвышались каменные барбетъ или фланги (какъ ихъ называли казаки), вооруженные чугунными пушками и мортирами. Въ полисадѣ, какъ и въ прежде бывшей стѣнѣ, было устроено четверо воротъ, изъ коихъ одни, обращенныя къ берегу Урала, назывались Спасскими. Надъ этими воротами прежде находилась каменная церковь, во имя Нерукотворнаго Спаса, съ двумя придѣлами: одинъ въ честь свв. Аоанасія и Кирилла Александрійскихъ, а другой во имя св. Алексѣя, Возжія Человѣка; но, при перестройкѣ крѣпостной стѣны, эта церковь, какъ пришедшая въ полную ветхость, была замѣнена новой деревянной, во имя Святителя и Чудотворца Николая. Въ дѣловыхъ бумагахъ Гурь-

евъ назывался прежде Я и к ѣ — Г у р ь е в ы м ѣ городкомъ, а Гурьевская канцелярія — Я и к ѣ — Г у р ь е в с к о й коммандантской канцеляріей. Чтобы имѣть нѣкоторое представленіе о томъ, какой видъ имѣлъ Гурьевъ предъ временемъ его поступленія въ вѣдомство Неплюева, приведемъ отзывъ о немъ капитана Залѣскаго, который принялъ Гурьевъ 1 января 1753 г. въ составъ Оренбургской губерніи отъ капитана Астраханскаго гарнизона П л е м я н н и к о в а, — вотъ что онъ доносилъ Неплюеву: „Гурьевъ городъ каменный, весьма ветхій, въ трехъ стѣнахъ и восьми башняхъ и бѣлверкахъ, кои до половины развалились, и вновь отдѣланы цѣлымъ и половиннымъ кирпичемъ, а четвертая часть стѣны, противъ коммандантскаго дому, рушилась; у онаго города одни ворота, называемыя С л а с с к і я, да одна калитка. Величина его по длинѣ отъ Сласскихъ воротъ до Т е р с к о й башни 132 сажени, а поперекъ отъ средней стѣны до башни же М а к а р ь е в с к о й — 128 сажень“. — Въ началѣ текущаго столѣтія Гурьевъ почти весь былъ уничтоженъ пожаромъ, почему военный министръ, графъ А р а к ч е е в ѣ, вмѣсто возобновленія Гурьева, думалъ было построить крѣпость, на 57 верстъ выше города, на мѣстѣ древняго Сарайчика, какъ представлялъ ему о томъ генералъ-инженеръ К н я з е в ѣ; но оренбургскій губернаторъ князь Г. С. Волконскій въ ноябрѣ 1810 г. заявилъ, что, по его имѣнію, лучше не дѣлать никакихъ укрѣпленій и отдать Гурьевъ въ полное распоряженіе Уральскаго войска, которое обязалось само возобновить городъ, устроить въ немъ необходимыя укрѣпленія и содержать въ городѣ постоянно 200 чел. казаковъ, что было принято и утверждено особымъ указомъ.

Кромѣ низовой линіи и Гурьева-городка, Яицкое войско должно было заботиться еще объ Илецкой станицѣ и ея казакахъ. Неплюевъ, сознавая „слабость состоянія“ Илецкой станицы, вмѣнилъ въ обязанность всему Яицкому войску и особенно войсковому атаману смотрѣть за Илецкими казаками, чтобы они были „небезконны и небезоружны и въ городѣ-бѣ добрый порядокъ и осторожность содержали“. Время основанія Илецкаго городка, котораго не нужно смѣшивать съ Илецкой Защитой ⁽¹⁾, относится къ 1737 г., а не къ 1730 г., какъ напечатано въ *„Статистическомъ описаніи Уральскаго казачьяго войска“* (Уральскъ, 1891 г.). Составитель этой книги, г. Бородинъ говоритъ: *„Илецкій городокъ основанъ въ 1730 году, по распоряженію главнаго командира при Оренбургской Коммисіи Татищева“* ⁽²⁾. Это неправда: въ 1730 г. не было никакой Оренбургской Коммисіи. Всякому, знакомому съ исторіей Оренбургской губерніи, извѣстно, что только въ 1734 г., была снаряжена первая экспедиція въ этотъ край подъ начальствомъ П. К. Кириллова; В. Н. Татищевъ былъ опредѣленъ на мѣсто главнаго командира Оренбургскаго края 10 мая 1737, и потому въ 1730 г. передать тѣмъ болѣе еще несуществующаго тогда Илецкаго городка Яицкому войску не могъ, — все это, какъ сейчасъ увидимъ, случилось позднѣе.

Въ 1737 году двое изъ яицкихъ казаковъ черкасскаго рода, Иванъ Никифоровъ Изюмскій и Андрей Денисовъ Черкасовъ обратились въ канце-

⁽¹⁾ Илецкая Защита основана послѣ и находится въ 60 в. отъ Оренбурга на югъ, а Илецкій городокъ въ 124 в. отъ Оренбурга по дорогѣ въ Уральскъ.

⁽²⁾ См. т. I, стр. 5, прим. 2.

лярію Оренбургской Экспедиціи съ просьбой о дозволеніи имъ постронть на устьѣ р. Илека городокъ, что имъ и было разрѣшено особымъ указомъ 5 февраля того-же года. Изюмскій и Черкасовъ, по силѣ даннаго имъ указа, могли заселять Илецкій городокъ мещеряками, калмыками, татарами и другими инородцами, незаписанными въ подушный 'окладъ, при чемъ Изюмскій былъ назначенъ атаманомъ, а Черкасовъ— есауломъ. Такъ началось существованіе Илецкаго городка; при Татищевѣ здѣсь было поселено около 450 казаковъ, которые и были отданы въ вѣдѣніе Яицкаго войска. Но въ общинѣ Илецкихъ казаковъ не было и тѣни той отваги и храбрости, которыми отличались Яицкіе казаки.

Поручивъ Яицкому войску заботиться объ Илецкихъ казакахъ, Неплюевъ не могъ удовлетвориться этимъ: „слабое состояніе“ Илецкой станицы не переставало беспокоить его, и потому онъ пожелалъ лично осмотрѣть ее. Посѣтивъ въ 1748 г. Илецкій городокъ, Неплюевъ прежде всего осмотрѣлъ его мѣстоположеніе, вникая приэтомъ во все до мельчайшихъ подробностей. Такъ-какъ положеніе крѣпости на лѣвой сторонѣ р. Яика подвергало Илецкихъ казаковъ большой опасности отъ киргизовъ, которые перѣдко увозили казаковъ съ пашни и покосовъ въ свои аулы; то Неплюевъ вознамѣрился переселить казаковъ на правый берегъ Яика, но казаки заявили, что это потребуетъ большихъ расходовъ и значительныхъ усилій съ ихъ стороны, а потому просили, чтобы имъ было позволено остаться на прежнемъ мѣстѣ. Неплюевъ согласился на это, но обязалъ казаковъ подпиской, что они пашни и луга, находившіеся также на лѣвой сто-

ронѣ Яика и притомъ въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости, впредь будутъ имѣть на правой сторонѣ рѣки; здѣсь же долженъ былъ пастись и скотъ, чтобы чрезъ то затруднить отгонъ его киргизами. Чрезъ р. Яикъ Неплюевъ приказалъ устроить мостъ, для свободнаго проѣзда съ возами и прогона скота. Въ рабочую пору въ самомъ городкѣ должна была оставаться треть всего числа казаковъ для обороны, въ случаѣ внезапнаго нападенія киргизовъ. Прежде казачьи гумна, овины и при нихъ всякій хлѣбъ находились въ значительномъ разстояніи отъ Илецкой станицы и были расположены въ разбросъ, такъ-что иногда служили удобнымъ мѣстомъ для укрывательства воровъ; Неплюевъ изъ предосторожности приказалъ, чтобы гумна, овины и при нихъ всякій хлѣбъ были расположены съ восточной стороны города, обнесены плетнемъ и находились бы невдалекѣ отъ крѣпости, а старыя гумна Неплюевъ велѣлъ уничтожить „и по-прежнему, *въ разстояніи ихъ не имѣть*“; огороды также велѣлъ заводить около крѣпости, чтобы работающіе въ нихъ люди были „въ виду караульныхъ и подъ прикрытіемъ пушекъ“. Осматривая баттарен, Неплюевъ нашелъ, что онѣ не были покрыты и не такъ крѣпко сдѣланы, какъ-бы слѣдовало, почему приказалъ: „оныя предъ будущимъ лѣтомъ сдѣлать лучше, срубя ихъ изъ здороваго и нетолстаго лѣсу и подѣлать на нихъ крѣпкіе полы и крыши по тому примѣру, какъ оныя въ Р а з с ы п н о й крѣпости сдѣланы, и содержать всегда въ надлежащей опрятности“. Лафеты подъ пушками, при осмотрѣ, оказались весьма плохими, а казаки при- ставленные къ пушкамъ, не умѣли управлять ими должнымъ образомъ, почему Неплюевъ распорядился, что-

бы изъ Оренбурга быть командированъ артиллерійскій унтеръ-офицеръ, который бы научилъ казаковъ, какъ управлять пушками. Для устройства лафетъ и баттарей, казаки должны были заготовить и насушить тѣсу. У всѣхъ воротъ и на баттарей въ лѣтнее время казаки обязывались содержать караулъ, ворота же, обращенныя въ Киргизскую степь, Неплюевъ велѣлъ запереть. Изъ числа той трети казаковъ, которая оставалась въ станицѣ въ лѣтнее время на рабочую пору, Неплюевъ приказалъ отдѣлить часть для содержанія двухъ форпостовъ, предположенныхъ къ постройкѣ на рѣчкахъ Заживной и Кинделѣ⁽¹⁾. Казаки должны были построить здѣсь землянки и заплоты, только камышемъ не крыть, имѣть по пунктѣ и содержать по 20 чел. команды. Каждую недѣлю два раза, а если потребуется—и ежедневно, казаки въ числѣ 5 чел. должны были дѣлать разѣзды по двумъ направлеиымъ: къ Разсыпной крѣпости и къ Иртекъу до половины пути, съѣзжаясь съ отрядами, высылаемыми изъ Разсыпной крѣпости и изъ Иртецкаго форпоста. Разсыпная крѣпость находится въ 167¹/₂ в. отъ Уральска, а Иртецкій форпостъ въ 99¹/₂ в.; слѣдовательно, разѣзды казаковъ обнимали собою пространство въ 68 в., или въ 34 версты въ каждую сторону. Въ аулы киргизовъ Илецкіе казаки не могли ѣздить безъ особаго распоряженія или разрѣшенія Оренбургской канцеляріи; на звѣроловство и рыбные промыслы казаки должны были ѣздить не далѣе 20 верстъ отъ крѣпости и притомъ „компаніями, съ оружіемъ и немалолюдно“; за тѣсомъ по р.

(1) Обѣ рѣчки впадаютъ въ Уралъ съ правой стороны между Кинделинскимъ и Бородинскимъ форпостами.

Илеку дозволено было ѣздить и далѣе 20 верстъ, но также вооруженными отрядами и съ обязательствомъ, чтобы каждый казакъ, отправляясь на промыселъ, нанималъ за себя другаго для отправленія за него очереди, дабы „другимъ изъ того тяжести не было“.

Стараясь обезопасить жизнь и промыслы Илецкихъ казаковъ. Неплюевъ однакожъ не позволялъ имъ, какъ и Яицкимъ казакамъ, безъ причины обижать и киргизовъ; онъ обязалъ казаковъ подпиской, чтобы они особенно не обижали тѣхъ изъ киргизовъ, которые „по ихъ казачьей сторонѣ будутъ ѣздить для звѣроловства или для чего другаго, а не ради воровства“. Илецкому атаману и его совѣтникамъ — старшинамъ приказано, подъ угрозою штрафа, за всѣмъ смотрѣть и наблюдать прилежно и неослабно, а при тревогахъ какъ въ городѣ, такъ и на форпостахъ давать сигналы изъ пушки. Въ избѣжаніе опасныхъ послѣдствій отъ пожаровъ, Неплюевъ распорядился, чтобы дома покрывались тесомъ или лубьемъ, а соломенные крыши, при наступленіи весны, велѣлъ сбросить; для тушенія пожаровъ казаки должны были имѣть въ крѣпости пожарные инструменты и „надлежащее для того учрежденіе“. Неплюевъ обратилъ вниманіе и на внутренній строй Илецкихъ казаковъ; такъ онъ установилъ штатъ, по которому опредѣлено быть: одному атаману, одному есаулу, 5 сотникамъ, писарю и 464 рядовымъ казакамъ, изъ коихъ велѣно „выбирать, съ переменною погодно, лучшихъ и надежныхъ людей: хорунжихъ 5 да урядниковъ 9, а изъ сотниковъ одному всегда и у всѣхъ дѣлъ присутствовать поочередно при атаманѣ и больше никакихъ старшинъ не имѣть, и всѣ они должны къ службѣ Ея Императорскаго Величества

добрыхъ лошадей имѣть и во всѣмъ надлежащую справу, какъ то: исправное ружье, сайдакъ и, по крайней нуждѣ, доброе длинное копье имѣть“. Въ вознагражденіе за труды должностнымъ лицамъ назначено было жалованье: атаману 20 р., а есаулу и писарю по 12 р. въ годъ; главный контроль (провѣрка) надъ расходо-
ваніемъ войсковыхъ суммъ былъ порученъ яицкому войсковому атаману, который разъ въ годъ обязанъ былъ отправлять одного изъ старшинъ на ревизію въ Илецкій городокъ. Казаки, недовольные рѣшеніемъ дѣлъ своего атамана, могли жаловаться яицкому войсковому атаману. Въ то же время Неплюевъ выразилъ желаніе, чтобы Илецкіе казаки воздерживались отъ пьянства, воровства и другихъ „непотребствъ“, а вели бы жизнь трезвую и трудолюбивую; каждый казакъ обязанъ былъ заниматься хлѣбопашествомъ, звѣроловствомъ и рыбными промыслами, наблюдая во всемъ экономію; пріемъ бѣглыхъ былъ строго воспрещенъ.

Подобное же устройство, какъ въ Илецкой станицѣ, Неплюевъ далъ и Сакмарскому казачьему городку, основанному выходцами изъ Яицкаго войска еще въ 1725 г., въ 30 верстахъ отъ устья р. Сакмары, на высокомъ и хорошо защищенномъ отъ природы мѣстѣ. Въ Сакмарскомъ городкѣ считалось до 250 казаковъ, изъ коихъ 50 чел. было иноземцевъ. Они имѣли отдѣльнаго станичнаго атамана, подчиненнаго Яицкому войсковому суду; но за отдаленностью отъ Яицкаго городка Сакмарскіе казаки не участвовали въ службѣ Яицкихъ казаковъ, а были употребляемы къ разнымъ нарядамъ и дѣламъ въ Оренбургѣ. Главнымъ источникомъ къ существованію у нихъ служило хлѣбопашество, а также и лѣсной промыселъ: рубка и сплавъ.

лѣса, котораго по близости къ нимъ было достаточно, доставляли имъ значительныя выгоды.

Во всѣхъ отмѣченныхъ распоряженіяхъ и мѣропріятіяхъ Неплюева, нельзя не признать его благо-разумной предусмотрительности на пользу казаковъ, которые, нужно сказать правду, мало заботились о своей безопасности, почему перѣдко и попадали въ ловушку, хитро и ловко поставленную для нихъ киргизами, а иногда и сами безъ причины обижали ихъ. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ Неплюева, различныя казацкія поселенія, не имѣвшія раньше прочной между собою связи, были соединены въ одно стройное цѣлое подъ главнымъ управленіемъ яицкаго войскового атамана, подчиненнаго въ свою очередь оренбургскому губернатору. Но стараясь о безопасности Оренбургскаго края отъ внѣшнихъ враговъ, Неплюевъ обратилъ особое вниманіе на внутреннее устройство новой губерніи: онъ неустанно и ревностно старался установить и упрочить въ ней надлежащій порядокъ дѣлъ и улучшить взаимныя отношенія властей къ подчиненнымъ, русскихъ поселенцевъ края къ инородцамъ, а магометашъ и язычниковъ къ обратившимся изъ нихъ въ Православную христіанскую вѣру. Особенно безпокоило Неплюева отсутствіе единодушія и должнаго порядка среди Яицкаго войска. Не отрицая смѣтливости, храбрости и боевыхъ способностей Яицкихъ казаковъ, Неплюевъ въ то же время сознавалъ, что они нуждаются въ переустройствѣ ихъ внутренняго управленія и быта, и потому рѣшился ввести нѣкоторыя преобразованія въ завѣтное вѣковое устройство Яицкой общины, для чего въ 1748 г. самъ лично, въ сопро-

вожденіи лучшаго своего помощника П. И. Рычкова, совершилъ поѣздку въ Яицкій городокъ, слѣдуя русской мудрой пословицѣ: „свой глазъ — алмазъ“. Что сдѣлалъ Неплюевъ полезнаго для внутренняго управленія Яицкаго войска, увидимъ дальше.

VI.

Прибытіе Неплюева въ Яицкій городокъ и желанія Военной Коллегіи. — П. И. Рычковъ, достойный сослуживецъ Неплюева. — Мѣстоположеніе и укрѣпленіе Яицкаго городка. — Заботы Неплюева о внутреннемъ устройствѣ Яицкаго войска. — Существенныя стороны его проекта. — Уничтоженіе Гурьевскихъ учуговъ и отдача въ аренду Яицкому войску солянаго сбора. — Отношеніе Неплюева къ старообрядцамъ и службы Яицкаго войска въ прежнее время. — Отношеніе Военной Коллегіи и Сената къ проекту Неплюева.

Намѣреваясь отправиться въ Яицкій городокъ, Неплюевъ испросилъ на то дозволеніе Военной Коллегіи, которая, не имѣя обстоятельныхъ свѣдѣній о Яицкомъ войскѣ, пожелала узнать: на какомъ основаніи были первоначально поселены казаки на р. Яикѣ, какія имъ были даны жалованныя грамоты и „вольности“, а также—въ какомъ числѣ людей и съ какимъ жалованьемъ содержать Яицкое войско на будущее время. Неплюевъ прибылъ въ Яицкій городокъ въ ноябрѣ 1748 г. Находясь здѣсь, Неплюевъ пользовался указаніями и совѣтами П. И. Рычкова и распросами стариковъ. Петръ Ивановичъ Рычковъ былъ достойнымъ сослуживцемъ Неплюева, а потому кстати скажемъ нѣсколько словъ и о немъ.

П. И. Рычковъ былъ сынъ вологодскаго хлѣбо-торговца, родился въ городѣ Вологдѣ 1 октября

1712 г., а умеръ въ Е к а т е р и н б у р г ѣ 15 октября 1777 г. на 66 году отъ роду. Онъ погребенъ въ селѣ С п а с с к о м ѣ Бугульминскаго уѣзда Самарской губерніи. въ трапезѣ имъ самимъ устроеннаго храма; здѣсь же покоится и прахъ его сына А н д р е я Петровича, бывшаго коммендантомъ Симбирской крѣпости и убитаго подъ Корсуномъ (нынѣ уѣздный городъ Симбирской губерніи) 25 августа 1774 г. въ битвѣ съ отрядомъ Пугачева. Отецъ П. И. Рыкова, занимаясь сплавомъ хлѣба по р. Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ къ Архангельску, для отпуска за границу, перѣдко имѣлъ личныя сношенія съ иностранцами, что принесло пользу и его сыну. Въ концѣ царствованія Петра Великаго, отецъ Рыкова переселился съ своимъ семействомъ въ Москву и постарался, при помощи другихъ, обучить своего сына, умѣвшаго уже читать и писать, арифметикѣ, бухгалтеріи, веденію торговыхъ дѣлъ и голландскому языку. Даровитый мальчикъ, изучая голландскій языкъ, хорошо ознакомился и съ нѣмецкимъ языкомъ. Знаніе двухъ иностранныхъ языковъ, бывшее въ то время большою рѣдкостью между русскими, скоро доставило молодому Рыкову выгодное мѣсто. Въ 1730 г., имѣя 18 л. отъ роду, онъ познакомился съ англичаниномъ Э л ь м с е н о м ѣ, который былъ директоромъ казенныхъ ямбургскихъ и жабинскихъ стекольныхъ заводовъ. Имѣя въ числѣ своихъ рабочихъ достаточно иностранцевъ, незнавшихъ русскаго языка, Эльмсенъ предложилъ молодому Рыкову мѣсто управляющаго означенными заводами. Рыковъ согласился и прослужилъ при Эльмсенѣ около трехъ лѣтъ. Затѣмъ, когда было рѣшено перевести заводы въ другіе мѣста, Рыковъ отправился въ Петербургъ для пріисканія себѣ

мѣста и, благодаря обер-секретарю Сената И. К. Кириллову, занялъ мѣсто переводчика въ таможи. Отправляясь въ Башкирію, Кирилловъ взялъ съ собою, въ качествѣ бухгалтера, и П. И. Рычкова, который съ этого времени всецѣло посвятилъ свои труды и силы *изученію* и устройству Оренбургскаго края, состоя ближайшимъ помощникомъ при оренбургскихъ командирахъ и губернаторахъ въ теченіе с о р о к а лѣтъ. При первыхъ начальникахъ Оренбургскаго края Рычковъ былъ употребляемъ, по его выраженію, „*къ саможнѣйшимъ военнымъ дѣламъ*“, управлялъ ихъ канцеляріей и находился при нихъ безотлучно. Съ прибытіемъ въ Оренбургскій край Неплюева, для трудолюбиваго Рычкова открывается особенно много дѣла. Рычковъ былъ на 19 лѣтъ моложе Неплюева и, увлеченный примѣромъ своего трудолюбиваго начальника, работалъ изъ всѣхъ силъ, для счастья и благоустройства Оренбургскаго края. Неплюевъ въ свою очередь искренно полюбилъ Рычкова, цѣнилъ его знанія, способности и трудолюбіе и всегда дорожилъ его мнѣніемъ, какъ—человѣка образованнаго и *хорошо изучившаго Оренбургскій край*. Стараясь поощрить его, онъ въ 1743 г. исключоталъ ему землю въ Оренбургскомъ краѣ, а въ 1751 г. Рычковъ по представленію Неплюева получилъ чинъ коллежскаго совѣтника (по-военному—полковника). Не смотря на множество дѣлъ по службѣ, П. И. Рычковъ находилъ время заниматься и науками: послѣ него осталось много печатныхъ трудовъ, изъ коихъ особенной извѣстностью пользуется его „*Топографія Оренбургской губерніи*“, переведенная два раза даже на нѣмецкій языкъ.

Понятно, что такой человекъ, какъ Рычковъ, положительно былъ необходимъ Неплюеву, при собраніи имъ историческихъ свѣдѣній объ Яицкомъ войскѣ и при составленіи новаго проекта объ его управленіи, — Неплюевъ самъ сознавалъ это, и потому взялъ съ собою Рычкова въ Яицкій городокъ. При его содѣйствіи, Неплюевъ составилъ обширный проектъ объ управленіи Яицкимъ войскомъ, представивъ его на разсмотрѣніе Военной Коллегіи. Послѣ нѣкоторыхъ любопытныхъ свѣдѣній о началѣ и происхожденіи Яицкаго войска, Неплюевъ говоритъ о самомъ Яицкомъ городкѣ, въ коемъ считалось тогда около 3000 дворовъ, большая часть ихъ была построена по Старицѣ (прежнее русло Урала) и по р. Чагану; улицы въ городѣ были узкія, а нныя до того тѣсны, что двѣ телеги не могли разѣхаться; въ городѣ было *четыре деревянные церкви и строилась пятая каменная*. Мѣстоположеніе Яицкаго городка, находящагося между р. Чаганомъ, Ураломъ и Старицей, было очень удобно въ отношеніи обороны при нападеніи киргизовъ; но сѣверная часть города всегда цуждалась въ искусственной защитѣ, почему Неплюевъ, еще за годъ до своего пріѣзда въ Яицкій городокъ, приказалъ углубить ровъ и сдѣлать укрѣпленіе. Подъ наблюденіемъ инженеровъ, командированныхъ имъ изъ Оренбурга, между Чаганомъ и Старицей была устроена крѣпостная стѣна, состоявшая изъ двойнаго плетня, промежутокъ котораго былъ заполненъ насыпной землей; плетень былъ укрѣпленъ столбами и снаружи обмазанъ глиной, а вдоль плетня шелъ глубокій ровъ. На случай обороны, городъ снабженъ былъ и „достаточной артиллеріей“. Далѣе въ своемъ доношеніи Военной Коллегіи Неплюевъ перечи-

сляетъ службы Яицкихъ казаковъ въ прежнее и въ его время; говоритъ о числѣ и составѣ войска, о жалованьѣ деньгами и хлѣбомъ, объ отпускѣ вина съ симбирскихъ казенныхъ заводовъ и пороху изъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи, о рыболовствѣ, объ управленіи войска и составѣ должностныхъ лицъ, о казачьихъ кругахъ и вольностяхъ, при чемъ замѣчаетъ: „нынѣ тѣ казачьи вольности пообузданы, ибо хотя кто вопреки атаманскаго и старшинскаго мнѣнія въ Кругу что и заговорилъ, но атаманъ со старшинами, не взирая на то, какъ надлежитъ, по указамъ исполняетъ; равномерно-жъ и атаманская власть и старшины нынѣ въ лучшее состояніе приведены, ибо напередъ сего бывало то, что они казаковъ сами собою и за малыя вины смертію казнили, нынѣ-жъ кромѣ того, что, привязавъ къ кольямъ, бьютъ плетми, никакихъ другихъ штрафовъ не бываетъ“. Затѣмъ Неплюевъ говоритъ въ своемъ доношеніи о составѣ корпуса Яицкаго войска, о станицахъ Илецкой и Сакмарской, о крѣпостяхъ Кулагинской и Калмыковской, о доходахъ и расходахъ войска и т. д.

Представляя въ Военную Коллегію свѣдѣнія, собранныя въ Яицкомъ городкѣ, Неплюевъ приложилъ и свое мнѣніе о переустройствѣ Яицкой общины. По его мнѣнію, различные безпорядки Яицкихъ казаковъ происходили оттого, что у нихъ не было ни штата, ни правильно устроенныхъ учреждений, ни строго определенныхъ обязанностей должностныхъ лицъ,—все зависѣло отъ произвола выборныхъ казаковъ и основывалось на прежнихъ казачьихъ обычаяхъ: прихода-расходныхъ книгъ не велось; съ казаковъ брали, безъ всякой записи, должные и недолжные поборы; о про-

изводствѣ слѣдственныхъ дѣлъ никакихъ документовъ не было и т. п. „Того ради (писалъ Неплюевъ), для приведенія сего нерегулярнаго и въ здѣшнихъ мѣстахъ *нужнаго* корпуса въ лучший порядокъ, *нмѣя учиненъ примѣрный штатъ* съ такимъ жалованьемъ, которымъ бы оное войско, при имѣющихся нынѣ и впредь будущихъ рыбныхъ промыслахъ, безъ пужды содержаться могло, и казаки-бы къ службѣ Ея Императорскаго Величества въ лучшей и всегдашней исправности могли быть, а старшины бы, имѣя опредѣленное жалованье, во всемъ, а паче съ подчиненными, справедливо и безкорыстно поступали, и когда наряды случаются, то-бы съ казаковъ тѣхъ указомъ запрещенныхъ поборовъ не собирали“.—Ознакомимся теперь съ главными положеніями штата, составленнаго Неплюевымъ.

По штату, проектированному Неплюевымъ, полагалось двое войсковыхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ войсковымъ писаремъ, должны были присутствовать при производствѣ дѣлъ войсковымъ атаманомъ; кромѣ того, при канцеляріи атамана положено быть двумъ есауламъ и нѣсколькимъ служителямъ. Казачій корпусъ былъ раздѣленъ на с е м ь полковъ, называвшихся также *станицами*, по 500 рядовыхъ казаковъ въ каждомъ полку; кромѣ того, всякій полкъ долженъ былъ имѣть: полковаго старшину, или *станичнаго* атамана, полковаго есаула, пять сотниковъ и писаря. Полки назывались: *первый, второй, третій* и т. д.,—эти названія казачьихъ полковъ сохранились и доселѣ въ Уральскомъ войскѣ. Каждый полкъ долженъ былъ имѣть свое особое знамя и списки служащихъ казаковъ въ двухъ экземплярахъ: одинъ для Войсковаго Приказа, а другой для полковаго писаря; кромѣ того, станичный атаманъ, или командиръ.

полка, обязывался вести и беречь у себя списокъ тѣхъ казаковъ, которые поступали въ службу изъ калмыковъ по доброй волѣ. Полки должны были нести службу *внутреннюю*, которая состояла главнымъ образомъ въ оборонѣ линіи отъ вторженія киргизовъ и въ прегражденіи переправы калмыковъ за Уралъ, и *внѣшнюю*, заключающуюся въ командировкахъ въ степь противъ хищниковъ, на войну, въ содержаніи карауловъ и разъѣздовъ по Сибирской линіи, смотря по надобности. Жалованья на весь штатъ полагалось 7901 р. 41 $\frac{1}{2}$ коп., въ томъ числѣ 5250 рубл. на 3500 рядовыхъ казаковъ, полагая по рублю пятидесяти коп. въ годъ на каждаго казака, такъ-что Неплюевъ увеличилъ окладъ жалованья казаковъ противъ прежняго почти на 3000 рублей.

Вмѣсто службы по найму, Неплюевъ, согласно указу 1740 г., проектировалъ *очередную* службу; но это скорѣе было видоизмѣненіе излюбленной казаками и установившейся издавна „*наѣмки*“, чѣмъ очередная служба въ смыслѣ солдатства. Янцкій казакъ, по проекту Неплюева, не лишался права нанять за себя и другаго, если только онъ самъ былъ полезенъ и необходимъ въ общинѣ, какъ честный торговецъ, хорошій мастеровой, дѣятельный и добросовѣстный промышленникъ и т. п. Это право „*наѣмки*“, — право добровольно располагать собою имѣетъ весьма важное значеніе какъ лично для торговаго и промышленнаго класса, такъ и вообще для экономическаго благосостоянія цѣлой общины: для того, чтобы добыть отъ земли, водъ и другихъ природныхъ богатствъ существенную пользу, необходима возможность добровольно располагать своимъ трудомъ, своими стремленіями и желаніями, безъ чего и большой капи-

таль можетъ остаться безполезнымъ въ общественномъ отношеніи. Сознавая, что при „наѣмкѣ“ можетъ образоваться классъ *неслуживыхъ* казаковъ и нѣкоторыя другія неудобства, Неплюевъ также очень хорошо понималъ, что и отъ исключительно очередной службы могутъ пострадать общественные интересы, а гдѣ дѣло шло объ общемъ благѣ, тамъ онъ не только частныя, но и свои собственныя выгоды приносилъ въ жертву общественнымъ. Проектируя очередную службу, Неплюевъ ставилъ этотъ вопросъ въ самую тѣсную связь съ экономическимъ и матеріальнымъ благосостояніемъ Яицкой общины; имъ руководили при этомъ главнѣйшимъ образомъ два побужденія: 1) установленіе возможной равномерности въ отбываніи Яицкими казаками военной повинности; и 2) улучшеніе экономического положенія казаковъ, посредствомъ уничтоженія бывшихъ раньше сборовъ для „наѣмки“ съ каждаго казака. Руководясь желаніемъ перваго рода, Неплюевъ предписалъ войсковымъ старшинамъ: „строго наблюдать за тѣмъ, чтобы чрезъ то (право нанимать за себя другаго) богатые и семейные люди дѣтей своихъ, которыя у нихъ въ казаки записаны, отъ службы не отлучали и тѣмъ не только ихъ, но и весь корпусъ въ слабость не приводили, а старшинамъ служить всѣмъ поочередно, развѣ кого за болѣзнь командировать будетъ пельзя“. Выходя изъ втораго воззрѣнія на „наѣмку“ и зная, какъ много собиралось съ казаковъ, неидущихъ на службу, должныхъ и недолжныхъ поборовъ, Неплюевъ положительно запретилъ такіе сборы, предоставивъ это *доброй волѣ* самихъ казаковъ и устранивъ всякое вмѣшательство въ это дѣло старшинъ. Никто, конечно, лучше самихъ же казаковъ не зналъ, кто изъ нихъ былъ

богатъ и кто бѣденъ, и никто болѣе сочувственно не могъ отнестись къ нуждамъ идущаго на службу казака, какъ сами же казаки; поэтому-то Неплюевъ и рассчитывалъ на добровольную подмогу со стороны казаковъ, остающихся въ войскѣ, тѣмъ болѣе, что казаки, оставшіеся „на льготѣ“, при общинномъ хозяйствѣ войска, могли пользоваться, кромѣ своей части въ войсковыхъ угодьяхъ, и долей уходящихъ на службу.

Войсковой Кругъ Неплюевъ допускалъ только для обсужденія дѣлъ домашнихъ и общественныхъ, напр. когда собираться казакамъ и идти на рыбные промыслы, относительно постройки и ремонта войсковыхъ общественныхъ зданій и т. п. Что касается дѣлъ служебныхъ и различныхъ распоряженій атамана, по силѣ высочайшихъ указовъ или предписаній разныхъ командировъ; то велѣно было только объявлять о томъ въ Кругу чрезъ есауловъ, не спрашивая мнѣнія казаковъ. Станичные атаманы обязывались каждодневно доносить войсковому атаману или лично или чрезъ есаула о состояніи своего полка, и разъ въ мѣсяцъ подавать о томъ письменные рапорты. На нихъ же лежала обязанность наблюдать за отношеніемъ сотниковъ къ рядовымъ казакамъ, чтобы они не обижали подчиненныхъ и въ нарядахъ соблюдали строгую очередь. Станичный атаманъ также долженъ былъ смотрѣть за исправностью лошадей, за выдачей казакамъ жалованья и, при содѣйствіи есаула, производить судъ и расправу по жалобамъ казаковъ своего полка; если же случалось какое важное дѣло или одинъ изъ недовольныхъ принадлежалъ ни къ его командѣ, то жалующіеся, послѣ неудавшейся попытки къ ихъ примиренію, передавались въ распоряженіе Войскаго Суда. Каждый казакъ, согла-

сно проекту и желанію Неплюева, долженъ быть смѣлымъ и ловкимъ наѣздникомъ, имѣть не меньше двухъ надежныхъ и сытыхъ лошадей, саблю, турку, со всѣми къ ней принадлежностями, или, вмѣсто нея, сайдакъ и копье, а кто можетъ — и панцырь. Во время „знатныхъ походовъ и при знатныхъ оказіяхъ“, панцырники, раздѣлясь поровну, должны были ѣхать впереди полковъ „для лучшей полковой парады“; слѣдовательно, на панцырь Неплюевъ смотрѣлъ не болѣе, какъ на внѣшнее украшеніе казачьихъ полковъ, и, видимо, не придавалъ ему какого-либо практически-боеваго значенія; въ этомъ послѣднемъ отношеніи — сила, ловкость, храбрость и смѣтливость казаковъ должны были замѣнять для нихъ и панцырь, и кольчугу, и шлемъ; гораздо важнѣе для казака была въ походѣ надежная лошадь, — не даромъ сложилась у Яицкихъ казаковъ и пословица: *„если конь — подо мной, такъ и Богъ надо мной!“*

Желая установить должный порядокъ и благочиніе въ Яицкомъ городкѣ, Неплюевъ вмѣнилъ войсковому атаману и старшинамъ въ обязанность, чтобы они своєю жизнью подавали добрый примѣръ простымъ казакамъ; *въ праздничные и воскресные дни всѣ „прилежали-бы къ церкви Божіей, удаляясь отъ пьянства и всякихъ безчинствъ, чрезъ что на всѣ дѣла (замѣчаетъ Неплюевъ) Божіе благословеніе происходитъ“*. Атаманъ и старшины наканунѣ праздничныхъ и торжественныхъ дней должны были извѣщать полковыя команды о томъ, чтобы казаки на другой день въ опредѣленный часъ являлись къ богослуженію въ церковь; *до окончанія обѣдни запрещалось открывать нитейныя заведенія и продавать вино*. Неплюевъ также требовалъ, чтобы ата-

манъ и его помощники наблюдали за правильностью торговли и промысловъ, охраняли прѣзжихъ купцовъ отъ обидъ и грабежа, берегли лѣсъ, принимали мѣры предосторожности *противъ пожаровъ и пльнства, слѣдили за умѣренностью цѣнъ на рынокъ, особенно на съѣстные припасы и т. п.* Кромѣ того, Неплюевъ обратилъ вниманіе и на городскіе доходы и расходы Яицкаго войска; онъ нашелъ, что городскіе доходы были весьма незначительны, а расходы велись безъ всякаго учета и значительно превышали сумму доходовъ.

Городскіе доходы Яицкаго войска составлялись изъ *кабацкаго* сбора (225 р.), *вьсовыхъ* (отъ 120 до 140 р.) и *повсдѣрныхъ* денегъ (отъ 30 до 40 р. въ годъ), такъ—что всего получалось въ годъ отъ 405 до 435 р. Сумма эта шла на общіе городскіе расходы, какъ-то: на отправленіе по Двору презента съ рыбой и икрой, на вырубку и сгонъ учужнаго лѣса, на прогоны командирѣемымъ отъ войска лицамъ въ Оренбургъ, Астрахань и другія мѣста, на содержаніе и награды прѣзжавшихъ изъ орды пословъ, на покупку лошадей для поѣздки съ особыми порученіями въ киргизскую степь, на церковные и канцелярскіе расходы и т. п. Всѣ эти расходы простирались иногда на сумму свыше 2000 р., почему (какъ свидѣтельствуется Неплюевъ), „во время нарядовъ и другихъ въ томъ войскѣ общихъ нуждъ и малыхъ посылокъ, не только напередъ сего, но еще и нынѣ чинятъ по міру, т. е., съ казаковъ разные поборы“. Вслѣдствіе этого, Яицкое войско иногда входило въ такіе долги, что не могло даже уплатить занятыхъ на войсковыя нужды денегъ, какъ это видно изъ указа Военной Коллегіи къ Неплюеву отъ 12 декабря 1745 года. Правда, у казаковъ былъ еще одинъ

источникъ общихъ доходовъ — „домосидныя деньги“, которыя собирались со всѣхъ казаковъ, участвовавшихъ „въ первомъ и наилучшемъ промыслѣ багрень“; но эти деньги поступали въ пользу священниковъ съ причтомъ, на писарей Войсковой канцеляріи, повѣренныхъ, толмачей, на канопировъ и кузнецовъ въ замѣнъ того, что имъ тогда не позволялось участвовать въ „первомъ багрень“, въ другихъ же рыболовствахъ (если тотъ-то это не мѣшало ихъ служебнымъ обязанностямъ) могли и они принимать участіе. Кромѣ нихъ въ числѣ лицъ, получавшихъ „домосидныя деньги“, были также атаманы, старшины, муллы, отставные казаки и малолѣтки, число которыхъ иногда простиралось до 70 человекъ. Такимъ образомъ „домосидныя деньги“ не могли пополнять суммъ на общіе городскіе расходы, а между тѣмъ пополненіе этихъ суммъ было необходимо.

Посмотримъ, что сдѣлалъ для этого Неплюевъ. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на водочную продажу въ Яицкомъ городкѣ. Раньше Яицкіе казаки, по указу 6 октября 1732 года, должны были покупать вино „на домовые расходы и на продажу между собою въ Самарѣ или Сызранѣ, гдѣ имъ (было) способнѣе, на кружечныхъ дворахъ по указаннымъ цѣнамъ и брать выписки, а ежели они вино будутъ брать не съ кабаковъ (сказано въ указѣ) и въ томъ изобличены будутъ, за то у нихъ то вино отбирать безденежно“. Изъ окладной книги Камеръ-Коллегіи за 1723 годъ видно, что съ Яицкихъ казаковъ взималось кабацкаго сбора 708 руб. 49 коп.; сумма эта была причислена къ доходамъ Сызранской Ратуши, такъ-какъ казаки покупали вино въ Сызранѣ. Неплюевъ чрезъ Военную Кол-

легію предложилъ Сенату отдать водочную продажу въ Яицкомъ городкѣ на откупъ, какъ это было въ Оренбургѣ, въ Волжскомъ и Донскомъ казачьихъ войскахъ. Расчитывая чрезъ то увеличить городской доходъ Яицкаго войска, Неплюевъ видѣлъ въ томъ облегченіе и для народа, такъ-какъ водка и вино могли тогда продаваться дешевле: въ то время, какъ въ Оренбургѣ ведро простаго вина стоило рубль и меньше, въ Яицкомъ городкѣ оно продавалось почти по два рубля. Кромѣ того, казаки, получая вино на заводахъ бочками или ведрами, могли производить розничную и чарочную продажу по заключенному съ откупщикомъ контракту. Сенатъ, въ виду согласія Яицкаго войска вносить ежегодно 708 руб. 49 коп. акцизнаго сбора, опредѣлилъ: „дозволить Яицкому войску въ ихъ казачьи городки вино и водку брать съ позволительныхъ винокуренныхъ заводовъ, и отъ того Яицкаго войска съ будущаго 1750 года 708 руб. 49 коп. платить повсягодно сполна, бездомочно, и въ исправномъ по тому числу въ каждомъ годѣ платежѣ отъ того Яицкаго войска взять надлежащее обязательство, или оное зачитать имъ въ положенное годовое жалованье“. При этомъ казакамъ было строго предписано: „вино и водки въ великороссійскіе города, и гдѣ будутъ поселены великороссійскіе служилые люди, и никуда въ русскія поселенія не отвозить и не пропускать“.

Неплюевъ указалъ Яицкому войску и на другой источникъ увеличенія общихъ городскихъ доходовъ: онъ предложилъ брать съ пріѣзжавшихъ въ Яицкій городокъ иногороднихъ людей поземельнаго и прорубнаго сбора по 3 коп. съ воза, а съ лавокъ для торговли—по полтинѣ. Принимая въ соображеніе, что число

пріѣзжавшихъ въ Яицкій городокъ изъ другихъ мѣстъ, особенно въ зимнее время, было довольно значительно, нужно думать, что этотъ сборъ могъ достаточно восполнить сумму общихъ городскихъ доходовъ. Для предупрежденія разнаго рода злоупотребленій, при расходованіи войсковыхъ суммъ, Неплюевъ распорядился, чтобы все городскіе доходы были записываемы на приходъ въ особыя шнуровыя и за печатью книги, и указалъ при этомъ точно самыя статьи расхода, какъ-то: на бумагу, чернила, сургучъ, свѣчи и дрова для канцеляріи, на посылку курьеровъ и прогоны, на содержаніе пріѣзжихъ и плѣнныхъ киргизъ и калмыковъ, на свѣчи и ладонъ для церквей и т. д. О всехъ произведенныхъ расходахъ войсковою атаманъ ежегодно долженъ былъ представлять вѣдомости въ Оренбургскую губернскую канцелярію. Для надзора за правильнымъ употребленіемъ войсковыхъ суммъ, положено было избрать, по общему приговору, особыхъ блюстителей изъ отставныхъ или служащихъ казаковъ „*добрыхъ, прожиточныхъ и грамотныхъ*“, которые, по истеченіи каждаго года, обязаны были отдавать отчетъ въ расходованіи войсковыхъ суммъ, будучи сами повѣряемы двумя выборными членами изъ старшинъ; постоянный же надзоръ за ними былъ порученъ войсковому атаману и его помощникамъ. Заботясь о сбереженіи войсковыхъ суммъ, Неплюевъ распорядился также, чтобы казакамъ, командируемымъ на службу, третное жалованье впередъ выдавалось не иначе, какъ подъ поручительство за нихъ надежныхъ и состоятельныхъ лицъ изъ казаковъ же; если же кто умиралъ, не получивъ заслуженнаго имъ жалованья, то жалованье выдавалось его женѣ, дѣтямъ и другимъ законнымъ

наслѣдникамъ, по разсмотрѣнію и опредѣленію Войсковаго Суда. Дозволивъ отлучаться старшинамъ въ мѣсячный отпускъ, Неплюевъ постановилъ: „а ежели которые за собственною нуждою болѣе мѣсяца пробудутъ, таковымъ на все то время, сколько они отъ команды въ отпускъ будутъ, жалованье не отдавать и удержанное записывать“. О всѣхъ остаткахъ войсковыхъ суммъ Неплюевъ приказалъ доносить въ Оренбургскую канцелярію по третямъ года, записывая ихъ въ книгу, и безъ особаго разрѣшенія ни на какіе расходы тѣ деньги не употреблять.

Раньше Яицкое войско отправляло въ Петербургъ четыре станицы въ годъ съ рыбой и икрой: одну *зимовую* и три *легкія*, на что отъ Военной Коллегіи была ассигнована особая сумма въ 2637 р. 30 коп.; эти деньги шли на награды станичнымъ атаманамъ, старшинамъ, есауламъ и казакамъ, отправляемымъ съ презентомъ ко Двору, для чего выбирались всегда заслуженныя лица. Неплюевъ, имѣя въ виду увеличеніе жалованья казаковъ, положилъ уничтожить легкія станицы, оставивъ одну зимовую и назначивъ на неё 1217 р. 41 $\frac{1}{2}$ коп. да, сверхъ того, на чрезвычайные расходы, какъ-то: на ковши, сабли и т. п.—100 руб., а всего 1317 р. 41 $\frac{1}{2}$ коп. Сумма эта распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: „атаману 80 р., а буде пріѣдетъ войсковой, то 100 р., при немъ есаулу 60 р., старшинѣ 50 р., рядовымъ семнадцати человѣкамъ—каждому по 35 р.“, остальные деньги шли на расходы по поѣздкѣ и на чрезвычайные расходы. Если въ войскѣ не оказывалось особенно заслуженныхъ и достойныхъ предъ другими лицъ, то старшины и есаулы назначались въ зимовую станицу по очереди.

Неплюевъ не оставилъ безъ вниманія и отсутствіе школъ въ Яицкомъ войскѣ. Изъ 218 дѣтей въ Яицкомъ городкѣ грамотныхъ тогда было только 28 чел., а изъ взрослыхъ не болѣе 5: войсковой атаманъ, писарь да человѣка три старшинъ, но и тѣ, по выраженію Неплюева, „*знали недовольно*“. Поэтому Неплюевъ выразилъ желаніе, чтобы войсковой атаманъ и полковые старшины позаботились объ обученіи дѣтей старшинъ и знатныхъ казаковъ первоначальной грамотѣ и письму, четыремъ правиламъ ариметики, *чтенію и пѣнію въ церквахъ*, пригласивъ для того кого-либо изъ духовныхъ лицъ или же, построивъ особое зданіе подъ школу, содержать при ней одного или двоихъ учителей, употребляя на то деньги изъ остающейся отъ неполнаго комплекта войсковой суммы; а чтобы возбудить въ казакахъ охоту къ грамотѣ, Неплюевъ приказалъ: „отнынѣ грамотныхъ людей, ежели состоянія добраго, хотя-бъ службою и моложе были, въ произвожденіяхъ (въ чины) предпочитать, а впредь, какъ грамотные умножатся, выше урядничья и хорунжія чина безграмотныхъ не производить, развѣ по особливымъ заслугамъ“.

Отъ Неплюева, какъ врага всѣхъ лѣнтяевъ, не скрылось и н и щ е н с т в о, составляющее въ городахъ и по-нынѣ большое зло: на ряду съ дѣйствительными нищими, нерѣдко всрѣчаются лѣнтяи и дармоѣды, которые обращаютъ нищенство, какъ не требующее особаго труда, въ ремесло для праздної жизни и даже для наживы. Чтобы ограничить, на сколько возможно, это зло и устроить судьбу сиротъ, Неплюевъ постановилъ: „ежели есть и будутъ шататься по міру малолѣтнія сироты, отцевъ и матерей не имущіе, таковыхъ до воз-

раста отдавать родственникамъ и свойственникамъ ихъ, а буде снхъ не будетъ, то и постороннимъ“. Лица, принявшія къ себѣ кого-либо изъ сиротъ на прокормленіе, обязывались подпиской, что они, когда принятому ими мальчику исполнится 16 лѣтъ, объявятъ о томъ въ Войсковомъ Приказѣ для зачисленія его въ службу. Взятые на содержаніе сироты не могли оставлять самовольно своихъ кормильцевъ до означеннаго возраста; они обязаны были служить своему хозяину и помогать ему въ работахъ до зачисленія ихъ въ службу; если же имъ приходилось испытывать разныя притѣсненія и обиды, то они могли жаловаться Войсковому Суду и, въ случаѣ справедливости ихъ жалобъ, передавались на прокормленіе другимъ, при соблюденіи тѣхъ же обязательствъ съ обѣихъ сторонъ.

Въ предупрежденіе различнаго рода недоразумѣній между начальниками и служащими рядовыми казаками, Неплюевъ съ точностью опредѣлилъ права и кругъ дѣятельности тѣхъ и другихъ: назначилъ оклады жалованья для служащихъ; изложилъ свои соображенія о содержаніи форпостовъ, о командировкахъ и нарядахъ на службу, объ отношеніи казаковъ къ бѣглымъ и безпаспортнымъ, о рыбныхъ и другихъ промыслахъ; указалъ, какъ должны вообще относиться казаки къ кочевавшимъ близъ Яицкаго городка калмыкамъ и къ желавшимъ изъ нихъ креститься; обратилъ вниманіе и на отношенія къ нимъ татарскихъ муллъ и т. д. Изъ всего этого видно, на сколь близки были Неплюеву интересы Яицкаго войска. Благодаря Неплюеву, Яицкое войско получило въ 1752 года право на совершенное уничтоженіе Гурьевскихъ учуговъ, препятствовавшихъ входу рыбы изъ моря въ р. Яикъ, обязавшись уплачивать

въ казну за учуги и рыбныя ловли 4692 р. 69 $\frac{1}{2}$ коп. ежегодно и 754 р. 10 коп. за таможенный и кабацкій сборъ, всего же 5446 р. 79 $\frac{1}{2}$ коп. на ассигнаціи. Чтобы окончательно оградить свои интересы въ рыболовствѣ, Яицкое войско просило отдать ему въ аренду и соляной сборъ, производившійся съ соленой рыбы и ея продуктовъ въ Самарѣ, Сызранѣ, на Батрацкой ярмаркѣ, въ Сергіевскѣ и Алексѣевскѣ; сборъ этотъ въ 1755 году былъ отданъ сызранскому бургомистру К он д а л а е в у за 4030 руб. въ годъ. Неплюевъ поддержалъ просьбу Яицкаго войска своимъ ходатайствомъ, и Сенатъ указомъ 18 февраля 1758 года опредѣлить: отдать этотъ сборъ Яицкому войску съ 1 января 1759 г. безъ торговъ за 4588 руб. 17 $\frac{1}{2}$ коп., присоединивъ къ этой суммѣ и сборъ съ той икры и соленой рыбы, которыя будутъ проданы въ Оренбургѣ и полинейныхъ крѣпостяхъ, куда казаки также возили рыбу и ея продукты. Этотъ послѣдній сборъ равнялся 415 р. 67 коп., такъ что вся арендная плата равнялась 5003 р. 84 $\frac{1}{2}$ коп. на ассигнаціи, или по настоящему курсу на серебро 1429 руб. 67 $\frac{3}{4}$ коп.; сумму эту и доселѣ Уральское войско вноситъ въ Государственное Казначейство. Съ отмѣною налога на соль, этотъ сборъ составляетъ не болѣе, какъ косвенный—мѣстный налогъ на рыболовство и, безъ сомнѣнія, зависить въ своихъ размѣрахъ отъ того или другаго залова рыбы въ данный годъ; но, не смотря на то, онъ еще надолго останется одною изъ наиболѣе доходныхъ статей для Уральского войска, по заявленію самихъ же уральцевъ.

Зная, какъ упорно Яицкое войско отстаивало свои права и привилегіи, освященные народными обычаями, Неплюевъ почти по каждому своему распоряженію

спрашивалъ мнѣнія казачьяго Круга, если только это не противорѣчило общегосударственнымъ интересамъ и выгодамъ правительства. Онъ самъ старался привлекать Яицкое войско къ участию въ обсужденіи вопросовъ, касавшихся его устройства, и чрезъ то пріобрѣлъ особенное довѣріе среди казаковъ, которые боялись Неплюева, но уважали, любили и слушались его, какъ дѣти своего попечительнаго отца. Сильный своею опытностью, умомъ и добросовѣстностью, Неплюевъ умѣлъ разъяснить казакамъ пользу вводимыхъ имъ измѣненій въ завѣтное устройство Яицкой общины, чтобы чрезъ то вывести ее на лучшую дорогу. Зная о раздѣленіи казаковъ на два враждебные лагеря, на старшинскую и народную, онъ не присоединялся ни къ той, ни къ другой, стараясь, по возможности, угодить обѣимъ и примирить интересы ихъ, чтобы такимъ образомъ приготовить благопріятныя для своихъ преобразованій условія, достигнуть главной цѣли: спокойствія въ Яицкомъ войскѣ, его экономическаго благосостоянія и болѣе прочнаго и правильнаго устройства казаковъ, въ интересахъ обширнаго Оренбургскаго края. — Замѣчательно, что *при Неплюевѣ*, покуда онъ управлялъ краемъ, *въ Яицкомъ войскѣ все было спокойно*; не было ни одного волненія среди казаковъ, хотя поводовъ къ этому было и достаточно, особенно со стороны приверженцевъ старины. Не смотря на множество запретительныхъ указовъ, число пришлыхъ на Яикъ не уменьшалось: войско особенно охотно принимало гонимыхъ старовѣровъ. Являясь на Яикъ, они разсказывали о воздвигнутыхъ противъ нихъ гоненіяхъ и всѣми силами старались подорвать въ глазахъ народа значеніе духовной власти. Недовѣріе

къ духовенству, зародившееся внутри Россіи, проникло и въ среду казачества, приверженнаго къ старинѣ, а въ послѣдствіи это недовѣріе обратилось въ открытую вражду. Мы уже знаемъ, что время Неплюева было самое счастливое и во многомъ полезное для Яицкихъ казаковъ; но жутко тогда было старообрядцамъ, скрывавшимся на Яикѣ, вслѣдствіе строгихъ мѣръ преслѣдованія, воздвигнутыхъ на нихъ со стороны Военной Коллегіи и особенно епархіальной духовной власти. Сыски и разыски „извѣтчиковъ“, подобныхъ Карташеву и Гузикову, замѣнились розыскомъ старовѣровъ и укрывателей ихъ. Но причина этихъ гоненій ревнителемъ старины заключалась не въ личныхъ отношеніяхъ къ нимъ Неплюева, а въ распоряженіяхъ Военной Коллегіи и епархіальной власти; Неплюевъ же, напротивъ, старался и въ этомъ случаѣ дѣйствовать осторожно и благоразумно и наконецъ настоялъ на томъ, чтобы преслѣдованіе и гоненія раскольниковъ, скрывавшихся среди Яицкаго войска, были прекращены, такъ-какъ они, вмѣсто желаемой пользы, приносили только вредъ. Неплюевъ не стѣснялся даже рекомендовать предъ правительствомъ, для занятія важныхъ должностей въ войскѣ, тѣхъ изъ старообрядцевъ, которые отличались честностью, способностями и безпристрастіемъ въ отношеніи къ другимъ. Такъ, когда 5 января 1755 года умеръ войсковой атаманъ Илья Меркурьевъ, Неплюевъ рекомендовалъ Военной Коллегіи на его мѣсто войсковаго старшину Андрея Бородина, причемъ писалъ въ своемъ рапортѣ: „во всемъ томъ войскѣ лучше Бородина, а за тѣмъ старшины Андрея Миронова и писаря Суетина нѣтъ. Хотя и они придерживаются раскольниковскому

ученію, однакожъ они смысленны и подобострастные всѣхъ и люди честныя, а потому-то, только при помощи ихъ, можно руководить войскомъ и время отъ времени приводитъ его въ благочестіе“.

Отстаивая интересы Яицкаго войска, Неплюевъ старался поставить на видъ правительству и выяснить то важное значеніе, которое принадлежало Яицкимъ казакамъ въ бою въ Россіи съ ея внѣшними и внутренними врагами. Дѣйствительно Яицкое войско могло уже и тогда гордиться своими заслугами, охраняя отъ степныхъ ордъ восточныя окраины Россіи и храбро сражаясь въ бояхъ за отечество. Начиная съ 1591 по 1717 годъ, или въ теченіе только 125 лѣтъ, Яицкое войско имѣло 24 похода, въ которыхъ участвовало въ общей сложности болѣе 12000 челов.—Раздѣливъ означенный періодъ времени и количество командированныхъ въ теченіе его казаковъ на число походовъ, мы получимъ въ среднемъ выводѣ, что на каждый походъ приходится по 500 казаковъ или по 100 человекъ ежегодно. Но бывали и такія тяжелыя времена, когда Яицкіе казаки по нѣскольку лѣтъ сряду, а иногда и на одномъ году по два раза, должны были снаряжать свои полки для защиты отечества. Особенно часты и значительны по составу были командировки изъ Яицкаго войска при Петрѣ Великомъ: въ теченіе 17 лѣтъ войско имѣло одиннадцать походовъ, въ составѣ 8170 чел., кромѣ походныхъ атамановъ. Наиболѣе чувствительными и достопамятными были „Свейскіе“ (Шведскіе) походы и экспедиція въ Хиву князя Бековича Черкаскаго: казачій полкъ, командированный съ Яика, подъ начальствомъ Матвѣя Рекунова, противъ Шведовъ, находился на службѣ болѣе 17 лѣтъ

сряду, а изъ 1500 Яицкихъ казаковъ, бывшихъ въ отрядѣ Бековича Черкаскаго, почти всѣ сложили свои головы въ Хивѣ, считавшейся между казаками „заклятой“ до покоренія ея въ 1873 году, при участіи самихъ же казаковъ. Не смотря на это, въ томъ же году изъ Яицкаго войска было командировано 1500 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Матвѣя Иванова, въ Украинскій походъ въ команду боярина Апраксина. Съ 1724 г. началась служба Яицкихъ казаковъ на Кавказѣ въ Низовомъ корпусѣ, продолжавшаяся до 1774 г., куда войско должно было отправлять отъ 400 до 1000 казаковъ. Не говоря уже о значительной потери людей, во время этихъ походовъ и службы, отмѣченныя командировки стоили Яицкому войску и большихъ расходовъ, такъ-какъ казаки отбывали воинскую повинность издавна на свой счетъ. Изъ челобитной Яицкаго войска, поданной Императору Петру Великому 12 октября 1720 г., отъ имени 2600 казаковъ, видно, что расходы эти были немалые: Чингиринскіе походы въ 1681 и 1682 г. стоили Яицкому войску 5647 р.; два Крымскіе похода въ 1685 г.—6945 р.; Азовскіе походы 1695—1697 г.—8084 р.; четыре Шведскіе похода 1701, 1703, 1704 и 1707 г. стоили 32695 руб.; походъ въ 1708 г. для усмиренія башкиръ—3875 р.; Кубанскій походъ въ 1711 г. потребовалъ 14126 р.; Харьковскій въ 1713 г.—22642 р.; походъ въ Хиву съ Бековичемъ Черкасскимъ стоилъ 25207 рублей и т. д. Такимъ образомъ Яицкое войско только въ теченіе 37 лѣтъ, начиная съ 1681 по 1717 годъ, израсходовало на свои походы, по волѣ верховной власти, 119221 рубль; раздѣливъ эту сумму на число взятыхъ лѣтъ, мы видимъ, что

Яицкое войско расходовало на свои внѣшнія командировки ежегодно свыше 3222 рублей. Если принять при этомъ во вниманіе цѣнность тогдашняго рубля, превышавшаго настоящій болѣе чѣмъ въ три раза ⁽¹⁾; то ежегодный расходъ Яицкаго войска на внѣшнюю только службу составитъ около 10000 рублей,—сумма не маленькая, особенно если мы примемъ въ соображеніе, что число Яицкихъ казаковъ, какъ подтвердила перепись Захарова, не превышало тогда 5722 чел., включая сюда дѣтей и отставныхъ казаковъ, годныхъ же къ службѣ оказалось только 3196 чел. ⁽²⁾ и съ атаманомъ. Присоедините къ этому расходы войска по внутренней службѣ, недоловъ по временамъ рыбы, составлявшей тогда единственный источникъ казачьихъ средствъ, угонъ скота соседними киргизами и калмыками, отсутствіе въ Яицкомъ войскѣ хлѣбопашества въ то время; не забудьте и общихъ городскихъ расходовъ, простиравшихся иногда до 2000 р. въ годъ,—примите все это въ расчетъ и вамъ будетъ понятно, почему Яицкое войско иногда входило въ неоплатные долги, имѣло „плохую военную справу“ и почему оно такъ горячо полюбило и воспѣло родной Яикъ, называя его *„золотымъ донышкомъ съ серебряной покрывочкой“*: безъ „Яика—Горынича“ едвали-бы снести Яицкому войску то, что оно перенесло, и оказать тѣ заслуги отечеству и боевые подвиги, которыми оно можетъ гордиться, не смотря на свои частые протесты правительству и участіе въ Пугачевщинѣ. Ближайшее знакомство съ исторіей Яицкаго войска можетъ убѣ-

(1) Тогда на рубль можно было купить хлѣба и др. необходимыхъ вещей столько, сколько теперь на 3 руб. съ полтиной.

(2) Сравни выше стр. 55.

днѣ каждого, что дорогой цѣной,—цѣной крови и многихъ казачьихъ головъ купило оно себѣ право на владѣніе рѣкою Яикомъ; не безъ основанія и теперь поютъ Уральскіе казаки:

„Круты бережки, низки долупки
У нашего славнаго Яикушки
Костями бѣлыми казачьими усяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючими слезами материнскими поливаны.
Гдѣ кость лежитъ,—тамъ пиханъ стоитъ;
Гдѣ кровь лилась,—тамъ вязель сплелась;
Гдѣ слеза пала,—тамъ озеро стало“.

Въ родныхъ звукахъ этой пѣсни Уральскихъ казаковъ мы видимъ поэтическое, душевное выраженіе печальнаго прошлаго, исторически вѣрнаго положенія оберегателей русскихъ границъ на востокѣ; пѣсня эта—правдивый завѣтъ предковъ потомкамъ.

Ив. Ив. Неплюевъ хорошо сознавалъ и понималъ силу и значеніе Яицкаго войска для Оренбургскаго края и вообще для Россіи, и потому постоянно старался отстаивать его интересы. При помощи и содѣйствіи лучшихъ и вліятельныхъ лицъ изъ среды самихъ же казаковъ, онъ проводилъ свои преобразованія въ Яицкое войско, которое мало-по-малу, такъ сказать, незамѣтно всасывало ихъ въ себя и постепенно выходило на лучшую дорогу изъ своего первобытнаго состоянія. Но Военная Коллегія не торопилась примѣнять къ Яицкому войску проекта Неплюева во всей его полнотѣ и силѣ. Не смотря на то, Неплюевъ дѣлательно трудился надъ улучшеніемъ внутренняго устройства и экономическаго состоянія Яицкаго войска. Въ 1753 г., во время его пребыванія въ Петербургѣ, онъ былъ приглашенъ

въ Военную Коллегію, гдѣ, при его личномъ содѣйствіи, былъ составленъ полный штатъ о нерегулярныхъ или казачьихъ войскахъ Оренбургской губерніи. Въ этомъ новомъ проектѣ опредѣлялось число казаковъ, ихъ содержаніе, обязанности и т. п. Военная Коллегія 17 мая 1753 года представила этотъ проектъ въ Сенатъ, а 26 мая того же года въ сенатскомъ журналѣ было записано, что „виущенъ былъ Военной Коллегіи членъ, бригадиръ Суворовъ (¹) и подалъ отъ оной Коллегіи допошенія, при которыхъ приложены штаты о нерегулярныхъ Оренбургской губерніи войскахъ и о Яицкомъ войскѣ. Приказали: оныя допошенія и штаты, принявъ, предложить къ слушанію *впредь*“. Прошло почти два года со времени представленія этого проекта, а со стороны Сената не послѣдовало по нему никакого рѣшенія; поэтому Военная Коллегія 31 марта 1755 г. сдѣлала новый и весьма пространный докладъ Сенату по тому же вопросу. Но Сенатъ почему-то и на этотъ разъ оставилъ докладъ Коллегіи безъ отвѣта. Наконецъ 19 апрѣля 1756 г. Военная Коллегія постановила: „по отпискѣ войска Яицкаго, отъ 29 ноября 1755 года, этому войску, до будущаго въ учрежденной при Военной Коллегіи комиссіи обо всѣхъ нерегулярныхъ войскахъ рѣшенія, остаться на такомъ основаніи, какъ прежде оное состояло, а въ *нарядахъ и командированіяхъ быть въ командѣ отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Неплюева, какъ и донынѣ было*“. Такъ кончились все благія пожеланія Неплюева, относительно внутренняго переустройства Яицкаго войска, въ чемъ, конечно, не его вина: онъ сдѣлалъ все, что могъ. Благодаря ему, Яицкое войско осталось на своей

(¹) Отецъ знаменитаго А. В. Суворова.

родной землѣ и получило въ свое безраздѣльное владѣніе воды, изобилующія рыбой, которыми пользуется и до сихъ поръ: *все нижнее теченіе Урала, на протяжении почти 600 верстъ, и стѣверный участокъ Каспійскаго моря, болѣе чѣмъ на сто верстъ въ длину, принадлежатъ Уральскому казачьему войску*, для котораго рыболовство имѣетъ такое же важное значеніе въ жизни, какое для крестьянина хлѣбопашество, — пусть же память о Неплюевѣ никогда не умретъ среди сыновъ р. Урала! — Ив. Ив. Неплюевъ вполне заслужилъ право на то, чтобы благодарная память о немъ въ Уральскомъ войскѣ переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ отцевъ къ дѣтямъ и отъ стариковъ къ внукамъ и правнукамъ.

VII.

Составъ и внутреннее состояніе Уфимской провинціи до Неплюева и при немъ. — Число жителей въ Уфимской провинціи. — Характеръ отношеній Неплюева къ башкирцамъ. — Ясакъ и другія повинности инородцевъ. — Обложеніе тептярей и бобылей 80 коп. податью и попытка къ возмущенію. — Наказаніе виновныхъ. — Исетская провинція, ея границы, природа, климатъ и составъ. — Инородческое населеніе Исетской провинціи по сравненію съ Уфимской провинціей. — Заселеніе Исетской провинціи русскими и возникновеніе русскихъ слободъ, селъ и деревень. — Главное мѣсто управленія Исетской провинціи и проведеніе почтоваго тракта между Оренбургомъ и Троицкой крѣпостью. — Заботы Неплюева объ улучшеніи экономическаго быта крестьянъ Исетской провинціи и о заселеніи края русскими.

Познакомимся теперь въ общихъ чертахъ съ исторіей Уфимской и Исетской провинцій, которыя также входили при Неплюевѣ въ составъ Оренбургской губерніи и надъ устоямъ которыхъ немало потрудился этотъ замѣчательный человѣкъ.

Уфимская провинція состояла первоначально изъ городовъ Самары, Уфы, Бирска, Мензелинска, Заниска, Осы, Табынска и села Каракулина (Вятской губ.). Съ построениемъ Уфы, башкиры были раздѣлены на четыре главныя части, называвшіяся дорогами: жившіе ближе къ Казани составляли Казанскую дорогу, ближе къ Сибири—Сибирскую, къ Осѣ—Осинскую, а обитавшіе по сосѣдству съ киргизскими степями—Ногайскую. Каждая дорога заключала въ себѣ нѣсколько волостей, въ составѣ которыхъ входило извѣстное число большихъ родовъ, состоявшихъ въ свою очередь изъ меньшихъ, или аймаковъ. Башкиры, оказавшіе особыя заслуги правительству, получали званіе тархановъ и освобождались отъ ясака или подати. Уфа, со времени своего основанія (1574—1586 г.), управлялась особыми воеводами, которые находились въ вѣдѣніи Приказа Казанскаго Дворца. Уфимскимъ воеводамъ быть подчиненъ и весь Уфимскій уѣздъ, заключавшій въ себѣ всю нынѣшнюю Уфимскую губернію, большую часть Верхнеуральскаго, Троицкаго и Челябинскаго уѣздовъ Оренбургской губерніи, а также Осинскій уѣздъ Пермской губерніи. Въ 1708 г. Уфимское воеводство было присоединено къ Казанской губерніи, какъ подвѣдомственная ей провинція, а въ Уфѣ тогда же, вмѣсто Воеводской канцеляріи, была учреждена Уфимская провинціальная канцелярія, хотя управленіе краемъ, по-прежнему, оставалось еще въ рукахъ воеводъ. Спустя 20 лѣтъ послѣ этого, при Императорѣ Петрѣ II, Уфимская провинція, за исключеніемъ Мензелинска, была изъята изъ вѣдомства Казанскаго губернатора и поручена управленію особаго воеводы, подчиненнаго непосредственно Севату и снабженнаго даже

нѣкоторыми правами губернаторской власти. Предъ вступленіемъ на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны, Уфимская провинція была ввѣрена, вмѣсто воеводы, управленію особаго вице-губернатора въ лицѣ бригадира Петра Димитріевича Аксакова; но Аксаковъ не оправдалъ довѣрія къ нему правительства: за свои злоупотребленія по службѣ Неплюевъ предалъ его суду и назначилъ надъ нимъ слѣдствіе; самая должность вице-губернатора въ Уфѣ была упразднена, по указу 15 марта 1744 г., и управленіе Уфимской провинціей было снова поручено воеводамъ. Неплюевъ, удаливъ Аксакова, временно поручилъ управленіе Уфимской провинціей полковнику Люткину, производившему и самое слѣдствіе надъ Аксаковымъ, при содѣйствіи генерала фонъ-Штокмана. Такимъ образомъ Люткинъ началъ собою снова рядъ уфимскихъ воеводъ, которые въ 1782 г. были замѣнены намѣстниками. Духовное правленіе въ Уфимской провинціи было подвержено неменьшимъ переменамъ. Сначала духовенство и церкви Уфимской провинціи находились въ вѣдѣніи Казанской епархіи и управлялись поповскими старостами (благочинные). Въ 1666 г. на Московскомъ Соборѣ было постановлено послать въ Уфу викарія казанскаго митрополита съ тѣмъ, чтобы онъ поселился на жительство въ уфимскомъ мужскомъ монастырѣ, но это постановленіе Собора почему-то не было тогда приведено въ исполненіе. Въ 1721 г. было учреждено Уфимское Духовное правленіе, которымъ вначалѣ завѣдывали настоятели уфимскаго мужскаго монастыря, а потомъ, по упраздненіи его, соборные протоіереи, состоявшіе въ вѣдомствѣ казанскихъ архипастырей до 1764 г., когда Уфимское Духовное правленіе было подчинено Вятской епархіи. Спустя

26 лѣтъ, именно въ 1790 г., Уфимская провинція, называвшаяся тогда уже *на мѣстничествѣ*, была присоединена снова къ Казанской епархіи, въ которой и оставалась до открытія, по волѣ Императора Павла Петровича, Оренбургской епархіи въ 1799 году, раздѣленной потомъ (въ 1860 г.) на двѣ епархіи: *Оренбургскую и Уфимскую*.

Дѣятельность Неплюева, по отношенію къ обѣимъ провинціямъ, выразилась въ устройствѣ должнаго порядка въ ихъ управленіи и въ привлеченіи новыхъ поселенцевъ на порожнія земли. Много пришлось потрудиться Неплюеву надъ устройствомъ этихъ провинцій, тѣмъ болѣе, что *Аксаковъ* утаилъ у себя всѣ секретныя бумаги, а многія дѣла сжегъ.

Чтобы опредѣлить составъ и число населенія Уфимской провинціи, пришлось обратиться за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ къ мѣстнымъ дворянамъ, чиновникамъ, башкирскимъ и другимъ инородческимъ старшинамъ. Изъ свѣдѣній, собранныхъ *Люткинымъ*, оказалось, что въ составъ Уфимской провинціи при *Аксаковѣ* входили слѣдующіе города и пригороды: *Уфа*, *Мензелинскъ*, *Бирскъ*, *Зайнскъ*, *Оса*, и крѣпости: *Нагайбацкая*, *Табынская*, *Ельдяцкая* и *Красноуфимская*; селъ и деревень было насчитано 321, а число жителей всей провинціи, включая сюда и войска, равнялось 412080 д.; въ томъ числѣ инородцевъ было 336896 душъ и 75185 русскихъ. Сравнивая русское населеніе Уфимской провинціи съ инородческимъ, мы видимъ, что послѣднее почти въ шесть разъ превышало первое. *Люткинъ* также узналъ, что всѣхъ сборовъ за 1744 г. въ доходъ казны должно было поступить 17042 р. 36 $\frac{1}{4}$ к., въ дѣйствительности же ихъ поступило лишь 9654 р. 97 $\frac{3}{4}$ коп., т. е., не доставало 8387 р. 38 $\frac{1}{2}$ коп.

Сознавая, что внутреннее управленіе башкиръ и другихъ инородцевъ требуетъ существенныхъ перемѣнъ. Неплюевъ представилъ въ Сенатъ обстоятельный и весьма обширный докладъ объ отношеніи правительства къ башкирамъ и разнымъ сходамъ, поселившимся на ихъ земляхъ. Не останавливаясь на подробностяхъ этого доклада, укажемъ только на ту общую и громадную разницу, какая замѣчается въ отношеніяхъ къ башкирцамъ Неплюева и его предшественниковъ. Въ то время, какъ К и р и л л о в ъ, У р у с о в ъ и С о й м о н о в ъ дѣйствовали, такъ сказать, огнемъ и мечемъ, жестоко наказывая непокорныхъ башкирцевъ, — Н е п л ю е в ъ, напротивъ, обращается къ болѣе мирнымъ средствамъ воздѣйствія на башкиръ, стараясь возбудить въ нихъ чувство довѣрчивости и уваженія къ русскимъ законамъ и власти. Онъ отстаиваетъ права мирныхъ башкирцевъ собирать ясакъ съ принадлежащихъ имъ земель, взятыхъ подъ строеніе крѣпостей или занятыхъ русскими поселенцами края. Въ то же время Неплюевъ, защищая землевладѣльческія и личныя права башкиръ, стремится и къ тому, чтобы уравнять отвѣтственность русскихъ и башкирцевъ предъ закономъ. Вслѣдствіе бывшихъ раньше башкирскихъ бунтовъ, сопровождавшихся разореніемъ всего края, нѣкоторые изъ башкирцевъ положительно не имѣли никакой возможности прокормить своихъ дѣтей, и были вынуждены п р о д а в а т ь ихъ русскимъ, чтобы только не видѣть своихъ дѣтей умирающими съ голоду. Такая продажа башкирскихъ дѣтей была дозволена еще предшественниками Неплюева и подтверждена указами; но случалось, что иногда башкирскія дѣти дѣлались жертвою голода и холода, такъ-какъ не всегда и не для всѣхъ выпадалъ сравнительно счастливый жребій

быть проданными ихъ родителями кому-либо изъ состоятельныхъ русскихъ поселенцевъ края. Озабоченный участію такихъ несчастныхъ дѣтей, Неплюевъ воспользовался ихъ положеніемъ для обращенія въ христіанство: „понеже не безъизвѣстно (писалъ онъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ), что многіе башкирцы въ такомъ бѣдномъ состояніи, что, когда не имѣютъ случая дѣтей своихъ продавать и въ чемъ вывести для продажи, отъ голоду, а паче въ зимнее время, дѣти умираютъ, а чрезъ продажу такіа могометанскія дѣти въ православный христіанскій законъ приводимы будутъ: того ради оную продажу и покупку башкирскихъ дѣтей не только партикулярнымъ людямъ позволить съ запискою и надлежащимъ въ городахъ укрѣпленіемъ, какъ то прежде уже чинено; но представить въ Правительствующій Сенатъ къ высокому разсмотрѣнію, не повельно-ль будетъ такихъ дѣтей покупать или на казенный провіантъ мѣнять и, окрестя, употреблять мужескъ полъ въ школы, какъ солдатскихъ дѣтей, изъ которыхъ по возрастѣ употреблять въ военную службу или къ другимъ дѣламъ, кто къ чему пригодится, изъ чего немалая польза интереснаго предвидится, а дѣвокъ, *которыя на казенныя деньги куплены или на казенный провіантъ вымѣнены* будутъ, отдавать партикулярнымъ людямъ, кто пожелаетъ, что за нихъ изъ казны въ покупкѣ и содержаніи издержано“. Неплюевъ обратилъ должное вниманіе и на продажу башкирскихъ земель, распорядившись, чтобы продажа ихъ совершалась исключительно въ Уфимской или Исетской провинціальныхъ канцеляріяхъ „*съ надлежащимъ осмотръніемъ*“. Но оберегая интересы башкиръ, Неплюевъ хорошо сознавалъ, что съ ними необходимо быть крайне осторожнымъ;

поэтому онъ подчинилъ дѣйствія башкирскихъ старшинъ надзору „*русскихъ добрыхъ людей*“, подъ страхомъ смертной казни для послѣднихъ за ихъ перадрѣніе. Ни одинъ башкирецъ не могъ отлучиться изъ своего мѣстожителства безъ паспорта отъ волостнаго старшины или изъ провинціальной канцеляріи, если только онъ желаетъ выѣхать куда-либо за предѣлы Башкиріи. Составъ пограничныхъ военныхъ силъ и число крѣпостей были увеличены; надзоръ за муллами и абызами усиленъ; башкирскимъ старшинамъ была дана инструкція, подъ угрозою „*истязанія*“ за ея неположеніе. Сознавая, что въ отношеніи къ башкирцамъ осторожность и готовность къ подавленію всегда возможнаго между ними мятежа необходимы. Неплюевъ не пренебрегалъ угрозою тамъ, гдѣ оказывались недрѣйствительными увѣщанія, кротость и ласка, впрочемъ, жестокость всегда была чужда Неплюеву; напротивъ, если было возможно, онъ старался о томъ, чтобы съ башкирцами обращались „умѣренно и справедливо, не причиняя имъ ни малѣйшихъ обидъ“.

Башкирія издавна привлекала къ себѣ многихъ своими природными богатствами. Особенно часты и значительны были по своему составу переселенія въ Башкирію инородцевъ изъ Казанской губерніи; отсюда уходили въ Оренбургскій край: мордва, чуваша, черемисы, вотяки и татары цѣлыми селами и деревнями. Собственно инородческое населеніе Башкиріи состояло изъ б а ш к и р ц е в ъ и м е щ е р я к о в ъ, или первоначальныхъ поселенцевъ края, и т е п т я р е й и б о б ы л е й, или позднѣйшихъ пришельцевъ въ Башкирію, которые составляли какъ-бы родъ крѣпостныхъ по отношенію къ башкирцамъ; что касается менчеряковъ, то нѣкоторые изъ нихъ владѣли землею на правахъ полной соб-

ственности, большинство же арендовало землю у природныхъ башкирцевъ. Когда, вслѣдствіе башкирскихъ бунтовъ, правительство указомъ 11 февраля 1736 года нарушило права земельной собственности башкирцевъ въ пользу безземельныхъ; то число новыхъ пришельцевъ въ Башкирію быстро увеличилось: по первой ревизіи т е п т я р е й и б о б ы л е й въ Башкиріи числилось 11294 души, по второй же ревизіи ихъ оказалось уже 29820 душъ, т. е., больше противъ прежняго на 18526 душъ. Стараясь возстановить спокойствіе и утвердить порядокъ въ Башкиріи, Неплюевъ обратилъ вниманіе и на государственныя повинности различныхъ инородческихъ племенъ, населявшихъ Оренбургскій край. Всѣ ясачные башкиры, которыхъ въ 1745 году оказалось 8395 дворовъ, обязаны были ежегодно платить ясакъ въ количествѣ 2054 р. 78 коп., причемъ на каждый дворъ, состоявшій обыкновенно изъ нѣсколькихъ семействъ, приходилось не болѣе 25 коп. Кромѣ того, ясачные башкиры каждое лѣто должны были наряжать на службу со всѣхъ дворовъ по 1049 чел. и давать чиновникамъ, проѣзжающимъ внутри Башкиріи, подводы по подорожнымъ безъ прогоновъ. Тарханы (¹), которыхъ считалось 1431 дворъ, ясака не платили, но ежегодно наряжали на службу по 280 чел. Мещеряковъ было 1511 дворовъ; они наравнѣ съ башкирцами должны были отправлять службу, снаряжая каждое лѣто въ полинейные форпосты по 191 чел. но за разореніе и убытки, понесенные ими во время башкирскихъ мятежей, они были освобождены отъ ясака, арендуемая же ими у башкиръ земли были отданы имъ въ собственность. Т е п т я р е й и б о б ы л е й по пе-

(¹) Тарханами назывались башкирцы, оказавшіе особенныя заслуги правительству и составлявшие нѣчто среднее между ясачными и служилыми башкирцами.

реписи числилось 5655 дворовъ; они еще во время первой ревизіи были записаны въ подушный окладъ, но Сенатъ, вслѣдствіе ихъ просьбы, замѣнилъ въ 1722 году подушную подать прежнимъ ясакомъ въ размѣрѣ 49 к. съ двора, сколько бы во дворѣ душъ ни было, а именно: 40 коп. платили они за куницу (*куничный сборъ*), 4 коп. *подымныхъ* (*съ дыма, трубы*) и 5 коп. на выкупъ плѣнныхъ (*ямской сборъ*), при чемъ бѣдные, внося *подымныя* и *ямскія* деньги, могли платить за куницу, вмѣсто 40 коп., по 20 и даже по 15 коп. со двора, такъ-что размѣръ ихъ ясака въ общей сложности не превышалъ 29 коп. и былъ не менѣе 24 коп. съ каждого такого двора. Кромѣ того, тептяри и бобыли также должны были каждое лѣто наряжать на работы къ крѣпостямъ по 707 чел.—Неплюевъ въ 1745 году представилъ особое мнѣніе въ Сенатъ, что онъ считаетъ полезнымъ обложить всѣхъ тептярей и бобылей податью по 80 коп. съ души въ годъ; но при этомъ просилъ Сенатъ о сложеніи накопившейся за ними недоимки за прежніе годы въ количествѣ 33765 руб. 25 $\frac{1}{2}$ коп. Относительно же рекрутской повинности между тептярями и бобылями, Неплюевъ былъ того мнѣнія, что введеніе ея среди нихъ неудобно, а что лучше замѣнить ее нарядами по одному человѣку съ каждой пяти дворовъ на службу въ Оренбургъ и на работы въ полнейныя крѣпости. Приэтомъ Неплюевъ ходатайствовалъ предъ Сенатомъ, чтобы земли, на которыхъ жили тептяри и бобыли изъ-оброка, были отданы имъ въ собственность. Сенатъ 11 мая 1747 года утвердилъ мнѣніе Неплюева, поручивъ ему же произвести и новый сборъ съ тептярей и бобылей по 80 коп. съ души. Введеніе этой подати не обошлось безъ волненій среди тептярей и бобылей; но Неплюевъ въ-время

принялъ надлежащія мѣры къ подавленію мятежа и до общаго возстанія не допустилъ. Главными виновниками возмущенія оказались по-преимуществу татары: изъ 34 вожаковъ, руководившихъ недовольными, татаръ было 18 чел., мещеряковъ 8, вотяковъ 5 и черемисъ 3; особенно же старались раздуть мятежъ: татаринъ Мосей Лурмешевъ, мещерякъ Абдулла Сюллѣевъ, вотяки Сабанъ Ураевъ и Сенька Семеновъ и черемисъ Нурка Борисовъ. Въ маѣ 1748 года въ Уфѣ была произведена экзекуція виновныхъ: пущихъ заводчиковъ, на страхъ другимъ, „*нещадно*“ наказали кнутомъ и сослали на вѣчную работу въ Рогервикъ, другихъ—на опредѣленный срокъ, а менѣе виновныхъ, по наказаніи кнутомъ, отдали старшинамъ на поруки. Вѣрные башкирскіе и мещерякскіе старшины, въ числѣ девяти человекъ, были награждены саблями. Неплюевъ, стараясь прекратить возмущеніе тептярей и бобылей въ самомъ началѣ, опасался болѣе всего башкиръ, которые могли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы снова возстать противъ русскихъ: окажи только башкирцы свою помощь недовольнымъ, и тогда волненіе могло-бы превратиться въ общій инородческій мятежъ съ религіознымъ характеромъ за вѣру Магомета, тѣмъ болѣе, что главными руководителями недовольныхъ, какъ обнаружилось на слѣдствіи, были, по-преимуществу, татары и мещеряки, которые по вѣроисповѣданію и языку тѣ же магометане. Сознавая это, Неплюевъ и старался привлечь на сторону правительства башкирскихъ и тептярскихъ старшинъ, предложивъ имъ „*изъ-подъ руки*“ принять участіе въ подавленіи мятежа и ходатайствуя о награжденіи ихъ саблями. Такова была

въ общихъ чертахъ исторія Уфимской провинціи, надъ устройствомъ которой немало потрудился Неплюевъ; познакомимся теперь вкратцѣ съ Исетской провинціей и съ мѣропріятіями по отношенію къ ней Неплюева.

И с е т с к а я провинція получила свое названіе отъ р. И с е т и, вытекающей изъ Исетскаго озера и впадающей въ Тоболъ, близъ деревни Свиныной, верстѣ на семь выше Ялutorовска. Начинаясь на югѣ отъ верховьевъ р. Яика и киргизскихъ степей, Исетская провинція на сѣверѣ соприкасалась съ Екатеринбургскимъ вѣдомствомъ, съ Тюменскимъ и Краснослободскимъ уѣздами; на западѣ къ ней примыкала Уфимская провинція, а на востокѣ — Ялutorовскій уѣздъ. Простираясь на 300 верстѣ въ длину, Исетская провинція считалась самою плодородною частью этого края. При первоначальномъ присоединеніи къ Оренбургской губерніи провинцій Исетской и Уфимской имѣли въ виду и то, что онѣ, какъ хлѣбородныя, могли служить житницей для новозаселяемыхъ мѣстностей. Земледѣльцы вознаграждались здѣсь *вдсятеро* за свои труды; сѣяли больше рожь, пшеницу, ячмень и овесъ, но земледѣліемъ занимались немногіе: десятки тысячъ десятинъ прекрасной земли оставались непаханными. Исетская провинція, орошаясь р. И с е т ь ю и ея притоками М і а с о м ѣ и Т е ч е й, представляла большія удобства для поселенцевъ по качеству воды и обилію въ рѣкахъ рыбы: пудъ рыбы стоилъ здѣсь тогда отъ 25 до 35 коп. ассигнац. Въ озерахъ ловили карасей и чабановъ, а въ Исети и Міасѣ — нельму, въ полую же воду попадался и таймень. Природа этой страны была удобна для садоводства и скотоводства, а обширныя степи съ ихъ солончаками благопріятствовали размно-

женію и содержанію въ большомъ количествѣ верблюдовъ. Звѣроловы охотились здѣсь на куницъ, лисицъ, волковъ, корсаковъ, выдръ, бобровъ, горностаевъ и бѣлокъ; лѣтомъ занимались соколиной охотой на разныхъ перелетныхъ птицъ, а зимой стрѣляли тетеревовъ и бѣлыхъ куропатокъ. По климату Исетскую провинцію можно было раздѣлить на двѣ главныя части: горная ея часть, лежащая въ сѣверномъ углу Мілса, отличалась здоровымъ климатомъ: многіе доживали здѣсь до ста лѣтъ; напротивъ, юговосточная часть провинціи, гдѣ много болотъ и стоячихъ озеръ, была неблагоприятна для здоровья ея обитателей, страдавшихъ часто лихорадками, цынгою и воспаленіемъ глазъ.

Вначалѣ Исетская провинція состояла изъ трехъ дистриктовъ (уѣздовъ): Исетскаго, Шадринскаго и Окуневскаго, которые, по Высочайшей волѣ, были присоединены къ ней отъ Сибири, а въ 1756 г. въ составъ ея вошелъ еще Куртамышскій уѣздъ, образовавшійся постепенно изъ жителей первыхъ трехъ уѣздовъ. Населеніе Исетской провинціи состояло изъ русскихъ и инородцевъ; по инородческое населеніе Исетской провинціи было менѣе въ $4\frac{1}{2}$ раза инородческаго населенія Уфимской провинціи: въ первой считалось 19722 души башкиръ и 1633 д. мещеряковъ, а во второй 86384 д. башкиръ и 13834 д. мещеряковъ. Кромѣ башкиръ и мещеряковъ, въ Исетской провинціи было 419 душъ Ичкинскихъ и 196 душъ Багаряцкихъ татаръ, 32 двора калмыковъ и 31 дворъ сартъ. Русскіе издавна стали селиться въ этой провинціи; первыми поселенцами ея были Исетскіе казаки, находившіеся въ отрядѣ Ермака, завоевателя Сибири, славы котораго „не

поглотили и волны Иртыша: *Россія, Исторія и Церковь гласятъ Ермаку вѣчную память*“. Поселившись первоначально при устьѣ р. Исети, казаки постепенно стали подвигаться вверхъ по рѣкѣ и ея большимъ притокамъ съ правой стороны: М і а с у, Б а р н е в к ѣ и Т е ч ѣ. Но казаковъ было мало, чтобы выдержать набѣги сосѣднихъ хищниковъ; поэтому нѣкоторые изъ нихъ отправились на Русь и стали набирать крестьянъ, заманивая ихъ въ далекій край обѣщаніями разныхъ льготъ и природными богатствами Исетской провинціи. На ихъ зовъ откликнулись Днѣпръ, Донъ и крестьяне внутренней Россіи, которые устремились сюда тысячами. Во второй половинѣ XVII вѣка здѣсь возникаютъ слѣдующія поселенія: въ 1650 г. И с е т с к і й и К о л ч е д а н с к і й острогъ ⁽¹⁾; въ 1657 г.—К а т а й с к і й; въ 1660 г.—М е х о н с к і й; въ 1662 г.—Ш а д р и н с к і й; въ 1666 г.—Б е ш к и л ь с к а я слобода; въ 1668 г.—Т е р с ю ц к а я слобода и М а с л е н с к і й острогъ; въ 1676 г.—слободы И н г а л и н с к а я и Б а р н е в с к а я, а также О к у н е в с к і й острогъ; въ 1676—1686 г. слободы: Б у д к и н с к а я, К а м ы ш е в с к а я ⁽²⁾, К р у т и х и н с к а я, М у р з и н с к а я, П е с ч а н с к а я, Т а м а к у л ь с к а я и Т е ч е н с к а я, и крѣпости: М і а с с к а я и Ч у м л я ц к а я. Заселенію Исетской провинціи не мало содѣйствовали и рано возникшіе здѣсь монастыри, древнѣйшимъ изъ которыхъ считается Д а л м а т о в ѣ м о н а с т ы р ь, застроенный въ 1644 г. съ благословенія Г е р а с и м а (Кремнева), архіепископа тобольскаго и сибирскаго, скончавшагося 16 іюля 1650 г.

(1) Укрѣпленное мѣстечко.

(2) К а м ы ш л о в ѣ, нынѣ уѣздный городъ Пермской губерніи.

Главное управленіе Исетской провинціи находилось первоначально въ Ш а д р и н с к ѣ ⁽¹⁾; потомъ на нѣкоторое время было переведено въ Чебаркульскую крѣпость, затѣмъ въ Теченскую слободу, а съ 1743 г. главнымъ мѣстомъ управленія Исетской провинціи, по желанію Неплюева, сдѣлалась Челябинская крѣпость, переименованная въ 1787 г. въ городъ Челябинскъ. Крѣпость эта была основана въ 1736 г. на мѣстѣ башкирской деревни Челябины. Первоначальное укрѣпленіе Челябинской крѣпости состояло изъ небольшого деревяннаго замка съ двумя башнями. Неплюевъ, избравъ эту крѣпость главнымъ мѣстомъ управленія Исетской провинціи, приказалъ обнести еѣ всю, по обѣимъ сторонамъ р. Міаса, валомъ, заплотомъ, рогатками и надолбами и велѣлъ построить три башни съ проѣзжими воротами. До 1743 г. въ Челябинской крѣпости была только одна деревянная церковь, во имя Св. и Чудотворца Николая, а потомъ, съ перемѣщеніемъ сюда Исетской провинціальной канцеляріи, была построена, благодаря заботамъ Неплюева, и другая каменная церковь о трехъ престолахъ, изъ коихъ главный былъ въ честь Рождества Христова, а придѣлы — во имя Св. Евангелиста Іоанна Богослова и Св. и Чудотворца Николая. Въ Челябинскѣ было также учреждено и *Духовное* правленіе, состоявшее въ вѣдомствѣ тобольскихъ архіереевъ. Между Оренбургомъ, Челябинской и Троицкой крѣпостями, по распоряженію Неплюева, былъ учрежденъ почтовый трактъ на протяженіи почти 700 верстъ. Почта изъ Оренбурга въ Исетскую провинцію отправлялась еже-

(1) Нынѣ уѣздный городъ Пермской губерніи.

дневно и шла на Верхнеяицкую и Уйскую крѣпости чрезъ Челябинскъ до Троицкой крѣпости; на этомъ тракту были заведены особыя почтовые станціи и нѣсколько поселковъ; разстояніе между станціями было отъ 11 до 44 верстъ.

Неплюевъ много сдѣлалъ полезнаго и для экономическаго улучшенія крестьянъ Исетской провинціи. До 1743 г. всѣ государственные крестьяне этой провинціи платили въ казну по 70 коп. съ души и были обязаны отбывать казенную десятинную пашню, поставляя притомъ съ cadaго двора по десятинѣ ржи и столько же овса. Такой способъ отбыванія казенной повинности, не принося особенныхъ выгодъ казнѣ, не нравился и самимъ крестьянамъ, такъ-какъ имъ приходилось терпѣть много несправедливостей отъ воеводъ и разныхъ чиновниковъ, когда послѣдніе производили казенный десятинный сборъ хлѣба и нажимали крестьянъ на казенную распашку земли. Неплюевъ, сознавая эти взаимныя невыгоды для плательщиковъ и казны, отмѣнилъ казенную распашку земли и обложилъ крестьянъ оброчнымъ провіантомъ: крестьяне ежегодно должны были доставлять по три четверти и по шести четвериковъ ржи и столько же овса съ cadaго двора, при чемъ степень урожая въ расчетъ не принималась. Этотъ сборъ хлѣба долженъ былъ производиться по усмотрѣнію самихъ крестьянъ и притомъ не съ души, а съ тягла, и каждый годъ равнялся приблизительно 13.707 четвертямъ и 7 четверикамъ ржи и такому же количеству овса. Каждый крестьянинъ обязанъ былъ лично доставлять свой пай въ нарочно устроенные для того магазины, когда же нужно было доставить провіантъ въ полинейныя крѣпости, то крестьяне полу-

чали за то особую плату. Благодаря также ходатайству Неплюева, крестьяне Исетской провинціи въ 1746 г. были освобождены отъ поставки рекрутъ и сбора лошадей. Желая доставить населенію этой провинціи болѣе средствъ къ жизни и бездомочному платежу повинностей, Неплюевъ позволилъ крестьянамъ переселяться съ старыхъ участковъ на новыя въ предѣлахъ той же провинціи. Вслѣдствіе этого, образовались слѣдующія новыя слободы: въ 1745 г.—Куртамышская и Нижне-Увельская, въ 1747 г.—Таловская, въ 1749 г.—Каменская, въ 1751 г.—Верхне-Увельская и въ 1758 г.—Кундравинская. Всѣ поименованныя слободы, для безопасности отъ киргизовъ и калмыковъ, были обнесены заплотами и рогатками; для религіозныхъ потребностей, въ каждой слободѣ была построена церковь; число дворовъ во всѣхъ шести слободахъ равнялось въ это время 582 съ населеніемъ въ 4458 душъ крестьянъ. Изъ первыхъ трехъ слободъ, которыя до 1756 г. находились въ вѣдомствѣ Окуневскаго дистрикта, и образовался потомъ отдѣльный дистриктъ, или уѣздъ, названный по имени первой изъ новозаселенныхъ слободъ — Куртамышскимъ; къ этому уѣзду были причислены два села и двадцать приписныхъ къ слободамъ деревень. Остальныя три слободы: Кундравинская, Верхне-Увельская и Нижне-Увельская составили особый Увельскій дистриктъ, находившійся въ вѣдомствѣ Исетской провинціальной канцеляріи и не имѣвшій особаго управленія, вслѣдствіе близости его къ Челябинску.

Стараясь засѣлять пустыя пространства Оренбургскаго края, Неплюевъ обратилъ особенное вниманіе

на Уфимскую и Исетскую провинцію, такъ-какъ населеніе этихъ провинцій состояло по-преимуществу изъ инородцевъ; слѣдовательно, здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, было необходимо усиленіе русскаго вліянія. Неплюевъ принималъ на поселеніе и претерпѣвшихъ публичное наказаніе плетми, и приговоренныхъ по суду къ ссылкѣ, и возвращенныхъ изъ каторги съ рваными поздрами, непомнящихъ родства и незаконно-рожденныхъ, отставныхъ солдатъ и другихъ сходцевъ, — словомъ, всѣ, которымъ по чему-либо было тяжело на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства, находили пріютъ и защиту у Неплюева, который, безъ сомнѣнія, хорошо понималъ то безвыходное положеніе, въ какое были поставлены многіе изъ крестьянъ условіями ихъ быта; онъ надѣялся, что изъ этихъ бездомныхъ скитальцевъ можно создать современемъ трудолюбивый классъ осѣдлаго населенія въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ требовались десятки тысячъ рабочихъ рукъ и, какъ подтвердилъ опытъ, надежды Неплюева не были напрасны. Черезъ этихъ бѣглецовъ, непомнящихъ родства, и ссылочныхъ заселялись пустопорожнія земли Оренбургскаго края; ими же производились работы на заводахъ и оборонялись крѣпости отъ степныхъ ордъ. Благодаря заботамъ и трудамъ Неплюева, въ среду кореннаго башкирскаго населенія вторглись и здоровыя русскія силы; введенъ былъ повсюду строгій порядокъ; водворены спокойствіе и безопасность въ этомъ краѣ. На долю Неплюева также выпало и устройство быта Ставропольскихъ крещеныхъ калмыкъ, къ разсказу о которыхъ теперь и перейдемъ.

VIII.

Калмыки и переселеніе ихъ въ Россію.— Начало распростра-
ненія христіанства среди калмыковъ и крещеніе Боксадай-
Дорджи, внука хана Аюки.— Отдѣленіе крещеныхъ калмы-
ковъ отъ некрещеныхъ и построеніе Ставрополя на Волгѣ.—
Подчиненіе крещеныхъ калмыковъ Неплюеву и его заботы
объ устройствѣ ихъ быта и управленія.— Крещеніе калмыц-
каго владѣльца Чидана Дербетева и другихъ знатныхъ кал-
мыковъ.— Никодимъ Ленкѣвичъ и протоіерей Чубовскій.—
Общественная запашка, торговля и промыслы калмыковъ.—
Калмыцкій судъ, его составъ и обязанности.— Посѣщеніе Неплю-
евымъ Ставрополя и результаты его мѣропріятій.— Переселеніе
нѣкоторыхъ калмыковъ въ Оренбургъ и обращеніе ихъ въ ка-
заки.— Бѣгство калмыковъ въ Китай.

Русскіе въ первый разъ узнали калмыковъ вскорѣ
по завоеваніи Сибири Ермакомъ, такъ какъ кал-
мыки были постоянными союзниками дѣтей и внуковъ
Кучума. Появленіе калмыковъ въ верховьяхъ Ишима
и Тобола встревожило сибирскихъ воеводъ; начались
взаимныя сношенія между ними и калмыцкимъ ханомъ
Хоурлукомъ. Съ конца XVI ст. калмыки стали
появляться не только въ сибирскихъ городкахъ, за-
веденныхъ русскими, но и въ Уфѣ и, любя подарки,
надоѣдали русскимъ властямъ своими просьбами о на-
гражденіи. Правительство, узнавъ о вѣроломствѣ кал-
мыковъ, запретило пропускать ихъ въ Москву. Кал-
мыки озлобились: начались ихъ опустошительные на-
бѣги на русскихъ подданныхъ, но послѣ одной неудач-
ной осады Тары ханъ Хоурлукъ, съ шестью сво-
ими сыновьями, перекочевалъ въ 1630 г. чрезъ р. Яикъ
въ приволжскія степи. Все пространство между Вол-
гой, Башкиріей и Яикомъ и по р. Эмбѣ перешло
во власть Хоурлука. Но сношенія вышедшихъ въ Рос-
сію калмыковъ съ оставшимися въ Азіи не прекраща-

лись и послѣ этого. Мѣсто Хоурлука занялъ его сынъ Шукуръ-Дайчинъ, а Рынъ-Пески, находящіеся теперь въ предѣлахъ Букеевской орды, были избраны мѣстомъ для Ханской Ставки. По смерти Дайчина сдѣлался ханомъ его сынъ Пундукъ, передавпій потомъ свою власть старшему сыну Аюкѣ. Московское правительство предоставило калмыкамъ право внутренняго самоуправленія по ихъ законамъ, во съ условіемъ, чтобы они не грабили астраханскихъ татаръ, не жгли русскихъ селеній и не сносились съ царскими измѣнниками; калмыки клялись, но постоянно нарушали свою клятву. Личное свиданіе Петра Великаго съ ханомъ Аюкою, близъ Саратова, въ 1722 году скрѣпило дружбу вѣроломнаго калмыцкаго хана съ русскимъ императоромъ. Со смертію Аюки, послѣдовавшей 19 февраля 1724 г. на 77 г. его жизни, среди калмыковъ начались междоусобія изъ-за власти. Вмѣсто Аюки былъ избранъ въ ханы его сынъ Черенъ-Дондукъ, который оказался безхарактернымъ и слабымъ человекомъ. Въ царствованіе Екатерины I и Петра II, калмыки особенно много нанесли вреда жителямъ приволжскаго края: въ пять или шесть лѣтъ они отогнали болѣе 2000 головъ лошадей и рогатаго скота, разграбили товаровъ, платья и денегъ на 34444 р., многихъ плѣнили, а другихъ убили. Въ царствованіе Анны Іоанновны правительство долго боролось съ внукомъ Аюки, Дондукъ-Омбо, домогавшимся ханскаго званія, который наконецъ и былъ избранъ калмыцкимъ ханомъ.

Не смотря на разныя препятствія со стороны калмыцкихъ хановъ, христіанство очень рано стало распространяться среди калмыковъ. Въ 1700 г. на рѣчкѣ Терешкѣ, впадающей въ Волгу выше Саратова,

существовало уже особое селеніе новокрещенныхъ калмыковъ, разграбленное потомъ Аюкою. Особенно дѣятельное содѣйствіе оказало обращенію калмыковъ въ православіе Артемій Петровичъ В о л ы н с к і й, бывшій при Петрѣ Великомъ астраханскимъ губернаторомъ. Когда Аюка, разбивъ своего двоюроднаго дядю Д у г о р а и его сына Ч е р е п а, „поклазалъ“ на нихъ предъ Царемъ, — Волынскій уговорилъ ихъ ѣхать въ Москву, гдѣ Ч е р е п ѣ былъ крещенъ и названъ княземъ Василіемъ Д у г о р о в ы м ѣ. Не задолго до смерти Аюки, нѣсколько человѣкъ изъ знатныхъ калмыковъ, по внушенію того же Волынскаго, явились въ С.-Петербургъ и приняли тамъ христіанство. Но особенно было важно по своимъ послѣдствіямъ обращеніе въ христіанскую вѣру внука хана Аюки, Б а к с а д а й - Д о р д ж и, который былъ крещенъ въ Петербургѣ въ 1724 г.; воспріемникомъ его при купѣли былъ самъ императоръ Петръ Великій, въ воспоминаніе чего крестникъ и былъ названъ Петромъ Петровичемъ, по прозванію Т а й ш и н ы м ѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ того же 1724 г. на имя астраханскаго губернатора В о л ы н с к а г о послѣдовала именной высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось выдавать Петру Тайшину по 1000 руб. въ годъ жалованья и по 500 четвертей хлѣба. При своемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, Т а й ш и н ѣ получилъ единовременно 1000 р. на дорогу и на 500 р. „мягкой рухляди“, а для безопасности его въ пути назначенъ былъ къ нему охранный конвой изъ 24 ч. драгунъ, подъ командою особаго сержанта. Тѣмъ же указомъ повелѣно было семи дворянамъ, состоявшимъ при Тайшинѣ и крещенымъ изъ калмыковъ, выдавать жалованья по 20 р. въ годъ на человѣка, дѣтямъ же Тай-

шина, въ случаѣ ихъ крещенія, приказано давать жалованья противъ отца десятую долю. В о л ы н с к і й, по силѣ того же указа, долженъ былъ защищать Тайшина отъ обидъ его братьевъ и другихъ владѣльцевъ, а въ случаѣ надобности „и войсками оборонять“, назначивъ къ нему особаго пристава. В о л ы н с к і й, согласно указу, назначилъ къ Тайшину приставомъ поручика Луку Ш а х м а т о в а и въ помощь къ нему — Алексѣя Л е в а ш е в а изъ саратовскихъ дворянскихъ дѣтей, а также одиннадцать чел. толмачей изъ казаковъ, во главѣ коихъ находился Козьма К о з о н к о в ъ.

Заботясь о христіанскомъ просвѣщеніи своего крестника, императоръ Петръ Великій подарилъ ему походную церковь, во имя Воскресенія Христова, со всею церковною утварью, священными одеждами и богослужебными книгами. Этотъ замѣчательный памятникъ церковной древности удѣлѣлъ до нашего времени и заботливо сохраняется въ домовой церкви Неплюевского кадетскаго корпуса, въ Оренбургѣ. Для наставленія новопросвѣщеннаго Петра Т а й ш и н а въ христіанской вѣрѣ и для совершенія богослуженія въ его походной церкви и необходимыхъ требъ, къ нему былъ назначенъ іеромонахъ Л е н к ѣ в и ч ъ, хорошо знавшій калмыцкій языкъ, а въ помощь ему даны изъ Московской Славяно-латинской школы ученики: Андрей Ч у б о в с к і й, Яковъ В е с т у ж е в ъ и Иванъ Л я х о в ъ. Никодимъ (въ мѣрѣ Николай) Л е н к ѣ в и ч ъ происходилъ изъ поляковъ; онъ родился въ 1673 г., а въ 1715 г. на 42 г. жизни принялъ монашество и былъ посвященъ сначала въ іеродіакона, затѣмъ въ іеромонаха въ Кіево-Печерской лаврѣ; впоследствии (въ 1731 г.), за свои миссіонерскіе труды

среди калмыковъ (¹), Никодимъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ астраханскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря, а въ преклонныхъ лѣтахъ жилъ на покой въ Михайловскомъ монастырѣ Кіевской епархіи, гдѣ, вѣроятно, и скончался.

По возвращеніи изъ Петербурга въ Астрахань, Петръ Петровичъ Тайшинъ вскорѣ переѣхалъ въ свое кочевье, находившееся между р. Волгой и Дономъ, близъ Царицына; здѣсь же находилась походная церковь и вся свита Тайшина: іеромонахъ Никодимъ, его помощники, приставъ Шахматовъ, охранный конвой и прочія лица. Но Тайшинъ, какъ оказалось, не оправдалъ надеждъ, возлагаемыхъ на него Русскимъ правительствомъ. Изъ доношеній Никодима въ Св. Синодъ видно, что Тайшинъ былъ христіаниномъ только по имени, на самомъ же дѣлѣ оставался вѣренъ своимъ прежнимъ обычаемъ, имѣя „сообщеніе болѣе съ своими попами, нежели съ православными, а когда получалъ жалованье, то часть его удѣлялъ некрещенымъ калмыкамъ и гелюнгамъ (жрецы), моленія ради идоламъ“. Въ то же время Тайшинъ не переставалъ домогаться ханскаго званія, принимая дѣятельное участіе въ междоусобіяхъ калмыкъ. Оспаривая ханское достоинство у Черенъ-Дондука, онъ подалъ прошеніе императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „Императоръ Петръ I, когда я принялъ крещеніе, изволилъ сказать: „что отъ меня пожелаешь, то все исполнено будетъ“; и я Его Величеству представлялъ, чтобы мнѣ быть на мѣстѣ умер-

(¹) За все время своей миссіонерской дѣятельности Никодимъ обратилъ 1664 чел. калмыкъ въ христіанство.

шаго дѣда моего Аюкаа ханомъ, на что Его Величество соизволилъ сказать: „какъ могу, сдѣлаю“.— Получивъ отказъ въ удовлетвореніи своей просьбы, Тайшинъ, соединившись съ своимъ братомъ Дондукъ-Омбо, напалъ на Черенъ-Дондука, разбилъ его и отнялъ у него большую часть подвластныхъ ему калмыковъ. Генераль-поручикъ Барятинскій, посланный съ войскомъ для усмиренія калмыковъ, захватилъ Тайшина въ плѣнъ, близъ Краснаго Яра, и отправилъ его, вмѣстѣ съ женой, въ Петербургъ, гдѣ властолюбивый Тайшинъ и умеръ въ 1736 году, а его жена была крещена, подъ именемъ Анны, и въ званіи княгини получила въ свое вѣдомство всѣхъ крещеныхъ калмыковъ, переселенныхъ, какъ увидимъ дальше, изъ астраханскихъ степей въ Ставропольскій уѣздъ нынѣшней Самарской губерніи. Вмѣстѣ съ Аиной Тайшиной, воспріемницей которой при купѣли была сама императрица, крестилось и нѣсколько знатныхъ калмыковъ, находившихся съ ней въ Петербургѣ; таинство крещенія совершали іеромонахъ Варлаамъ и протоіерей Василій Терлецкій; воспріемниками были сенаторы, совѣтники и ассесоры разныхъ коллегій и конторъ, а мѣстомъ для крещенія были избраны церковь Исаакія Далмацкаго и церковь Преображенскаго полка.

Нужно замѣтить, что, начиная еще съ 1723 г., астраханскіе губернаторы и лица, завѣдывавшіе калмыцкими дѣлами, представляли неоднократно въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, что гораздо было бы лучше, еслибы крещеные калмыки были отдѣлены отъ некрещеныхъ. Поэтому стали высылать крещеныхъ калмыковъ въ Царицынъ, Саратовъ, Чугуевъ и Кіевъ, гдѣ они были зачисляемы въ казаки, по это

не соотвѣтствовало желаніямъ самихъ калмыковъ: по свидѣтельству Никодима Л е н к ѣ в и ч а, стоявшаго ближе другихъ къ крещенымъ калмыкамъ, они желали, чтобы имъ было отведено лучше особое мѣсто для поселенія, чѣмъ быть разсѣянными по разнымъ мѣстамъ и переносить непріятности переселенія и разлуки съ родственниками. Въ то же время сосѣдство крещенныхъ калмыковъ съ некрещенными было непріятно и для калмыцкихъ владѣльцевъ, такъ-какъ крещеные калмыки, не смотря на ихъ привязанность къ прежнимъ своимъ обычаямъ и вѣрѣ, могли привлекать въ христіанство и некрещенныхъ, благодаря тѣмъ льготамъ и выгодамъ, съ которыми былъ соединенъ ихъ переходъ въ православіе, такъ напримѣръ: они освобождались отъ уплаты сдѣланныхъ ими долговъ до крещенія, а нѣкоторое время даже не подвергались наказанію и за убійство, въ случаѣ ихъ перехода въ христіанскую вѣру. Такимъ образомъ въ отдѣленіи крещенныхъ калмыковъ отъ некрещенныхъ были заинтересованы обѣ стороны — калмыцкая и русская. Планъ соединенія всѣхъ крещенныхъ калмыковъ въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ былъ подвергнутъ внимательному разсмотрѣнію, и наконецъ было положено поселить ихъ между рѣками С о к о м ѣ съ одной стороны, и Ч е р е м ш а н о м ѣ — съ другой, по лѣвую сторону Волги, въ нынѣшнемъ Ставропольскомъ уѣздѣ, а для знатныхъ калмыковъ опредѣлено построить крѣпость и городъ на островѣ, образуемомъ Волгой и Куньей Воложкой, до построенія же крѣпости княгиня Т а й ш и н а могла поселиться въ Красномъ Яру, гдѣ было достаточно свободныхъ офицерскихъ квартиръ для нея и ея приближенныхъ. Въ апрѣлѣ 1737 г. княгиня Анна Т а й ш и н а прибыла

въ Самару, получивъ при своемъ отъѣздѣ изъ Москвы 9247 р., а съ наступленіемъ весны 1738 г. было приступлено къ построенію самой крѣпости и помѣщеній для княгини и должностныхъ лицъ. Безлюдный и пустынный дотолѣ берегъ Волги, противъ жегулевской красавицы Дѣвичьей горы и Молодецкаго кургана, оживился—и закипѣла спѣшная работа: одни строили храмъ для крещеныхъ калмыковъ, другіе — домъ для княгини, третьи—помѣщеніе для комманданта крѣпости и должностныхъ лицъ и т. п. Всѣми работами руководилъ непосредственно коммандантъ крѣпости Андрей З м ѣ е в ѣ.

По вскрытіи Волги, всѣ крещеные калмыки были отправлены изъ астраханскихъ степей на новое мѣсто жительства двумя дорогами: *сухопутнымъ*—на лошадяхъ и верблюдахъ, и *Волгой*—на судахъ. Каждую партію калмыковъ сопровождалъ особый конвой, состоявшій изъ 50 чел. солдатъ и Донскихъ казаковъ. Вмѣстѣ съ переселенцами была препровождена и походная церковь, во имя Воскресенія Христова, подаренная Петромъ Великимъ мужу княгини Т а й ш и н о й. Ко времени прибытія калмыковъ, работы въ новостроющейся крѣпости значительно подвинулись впередъ: домъ для княгини, комманданта и должностныхъ лицъ были почти уже готовы; постройка провіантскихъ магазиновъ, канцеляріи, цейгауза и кладовыхъ также приближалась къ концу, даже церковь, во имя св. Троицы, была доведена уже до крыши. Изъ 10090 р. 73³/₄ коп., назначенныхъ на первоначальное устройство крѣпости, было издержано 7334 р. 9¹/₂ коп.; на заготовленіе сосудовъ, богослужебныхъ книгъ, священныхъ одеждъ и др. вещей для церкви употреблено 1211 р. 2¹/₂ коп.,—итого 8545 р. 12 коп.

да княгиня Т а й ш и н а, при отъѣздѣ изъ Москвы, какъ мы уже знаемъ, получила 9247 р.; такимъ образомъ всего на первое устройство и обзаведеніе колоніи для крещеныхъ калмыковъ было уже употреблено около 18 тыс. руб., не считая расходовъ по передвиженію ихъ изъ астраханскихъ степей въ Самарскую луку. В. Н. Т а т и щ е в ъ, бывшій въ то время начальникомъ Оренбургской Коммисіи, предложилъ назвать новый городъ Е п и ф а н і е й, что значитъ „просвѣщеніе“ (¹); но правительству угодно было назвать крѣпость и городъ С т а в р о п о л ь (городъ креста), — это названіе сохранилось за городомъ и до сего времени.

Въ половинѣ сентября 1738 г., княгиня Т а й ш и н а переѣхала изъ Самары въ Ставрополь и помѣстилась въ построенномъ для нея домѣ. Вмѣстѣ съ нею поселились въ Ставрополѣ, по распоряженію Св. Синода, архимандритъ Н и к о д и м ъ Ленкѣвичъ и его помощникъ и преемникъ протоіерей Андрей Ч у б о в с к і й. Простые калмыки были поселены на пространствѣ отъ устья р. Ч е р е м ш а н а внизъ по Волгѣ до деревни Ц а р е в щ и н ы и до дачъ, принадлежащихъ лапдмилицкимъ солдатамъ Красноярской крѣпости, а поперекъ — вверхъ по р. К о н д у р ч ѣ до Ч о л н и н с к о й дороги, по которой шелъ большой трактъ изъ пригорода Сергіевска въ Казань. Въ отмѣченныхъ мѣстахъ калмыки могли кочевать, ловить звѣрей и рыбу, рубить лѣсъ и пасти скотъ. Въ октябрѣ того же 1738 г. прибылъ въ Ставрополь В. Н. Т а т и щ е в ъ, чтобы взглянуть на вновь строившійся городъ и укрѣпленіе. Осмотрѣвъ городъ, Татищевъ навѣстилъ и княгиню, которая бла-

(¹) Греки называли Е п и ф а н і е й праздникъ Богоявленія, или Крещенія Господня.

годала его за выборъ удобнаго мѣста и устройство города. Отъ княгини Татищевъ отправился къ обѣднѣ въ походный храмъ, а послѣ литургіи навѣстилъ архимандрита Никодима и выѣхалъ въ степь, чтобы непосредственно ознакомиться съ жизнью и обстановкой калмыковъ на новыхъ мѣстахъ. Невеселая картина представилась здѣсь Татищеву: толпы полуголодныхъ, почти раздѣтыхъ и грязныхъ дѣтей перебѣгали отъ одной кибитки къ другой, какъ-бы отыскивая себѣ пищи; множество безпомощныхъ больныхъ, особенно женщинъ, лежали на голой землѣ подлѣ своихъ кибитокъ, безъ всякаго присмотра и ухода за ними другихъ; болѣзненный и печальный видъ ихъ мужей и родныхъ возбуждалъ въ душѣ зрителя невольное сочувствіе къ этимъ пришельцамъ. Чтобы улучшить ихъ положеніе, Татищевъ долженъ былъ поспѣшить постройкою для калмыковъ жилыхъ и хозяйственныхъ помѣщеній, завести больницу и школу. Вскорѣ начались и работы по устройству домовъ для калмыковъ въ мѣстахъ, избранныхъ для ихъ осѣдой жизни и лѣтнихъ кочевокъ. Вслѣдствіе этого возникли слѣдующія калмыцкія селенія и слободы: Воскресенская слобода, или Ягодное, въ 25 в. отъ Ставрополя; Благовѣщенская слобода, или Сусканъ—въ 35 в.; Тѣнѣево и Раковка—въ 50 в., Чекарино—въ 60 в., Боявленская слобода, или Курумочъ—въ 63 в. Гвардейская слобода—въ 70 в.; Предтеченская слобода, или Красное поселеніе—въ 70 в., Калмыцкая Сахча, или Верхнее Якушкино—въ 80 в., Кобельма и Преображенская слобода (Копки)—въ 95 в. отъ Ставрополя, и нѣкоторыя другія. Указомъ 26 февраля 1739 г. предписано было произвести на-

рѣзку земельныхъ участковъ калмыкамъ, соотвѣтственно ихъ рангамъ: урядникамъ, рассыльщикамъ, толмачамъ и простымъ калмыкамъ было назначено подъ пашню по 20 дес. въ каждомъ изъ трехъ полей; луговъ по сту копенъ, подъ усадьбу по 30 саж. въ длину и по 15 с. въ ширину; знатымъ калмыкамъ (зайсангамъ) в д в о е противъ рядовыхъ, а княгинѣ в д е с я т е р о. Бѣднымъ калмыкамъ опредѣлено дать по одной лошади на семью и сѣмена, по усмотрѣнію коммendanта, на сѣвъ хлѣба. Кромѣ того, въ распоряженіе княгини Тайшиной, для вспомошествованія бѣднымъ калмыкамъ, было ассигновано 500 р. изъ сверхштатныхъ суммъ. Княгиня и коммendanтъ Ставропольской крѣпости, полковникъ З м ѣ е в ѣ, особенно должны были стараться о пріученіи калмыковъ къ осѣдлой земледѣльческой жизни, къ торговлѣ и разнымъ промысламъ. Съ этою цѣлію, З м ѣ е в ѣ ходатайствовалъ предъ правительствомъ о переселеніи къ калмыкамъ около 300 (282 д.) разночинцевъ изъ села Н о в о д ѣ в и ч ѣ я ⁽¹⁾, на что и было дано разрѣшеніе 6 іюня 1741 г. Такимъ образомъ калмыки получили возможность учиться у русскихъ сосѣдей хлѣбопашеству и вообще русской осѣдлой жизни. Въ Ставрополѣ была открыта школа для калмыцкихъ дѣтей и выстроенъ новый пятиглавый деревянный храмъ, во имя Св. Троицы.

Выгоды поселенія Ставропольскихъ калмыковъ и заботы о нихъ правительства послужили приманкою для многихъ изъ нихъ; число желающихъ креститься изъ калмыкъ все болѣе и болѣе увеличивалось: къ началу 1744 г. ихъ считалось въ Ставропольскомъ вѣдомствѣ

(1) Н о в о д ѣ в и ч ѣ е, или раньше — Н о в о п р е ч и с т е н с к о е, находится на правомъ берегу Волги, верстъ на 40 выше Ставрополя.

3313 душъ обоого пола. Съ увеличеніемъ числа крещеныхъ калмыковъ, конечно, осложнялись и заботы о нихъ правительства, тѣмъ болѣе, что въ 1742 г. скончалась княгиня Тайшина, а вслѣдъ за ней умеръ и дѣятельный коммендантъ Ставропольской крѣпости Змѣевъ, въ чинѣ бригадира. Со смертію ихъ, среди Ставропольскихъ калмыковъ начались разныя безпорядки и ссоры: калмыки жаловались на русскихъ, которые отнимали у нихъ земли и не допускали до ловли рыбы въ рѣкахъ и озерахъ; вновь приходившіе въ Ставрополь калмыки, оставаясь безъ земли, кочевали между деревень, выпрашивая подѣлками милостыню; ученики калмыцкой школы, не получая положеннаго на нихъ содержанія, ходили въ драной одеждѣ и грязномъ бѣльѣ, а по вечерамъ сидѣли безъ огня за неимѣніемъ свѣтъ; обращеніе съ ними было самое грубое; пожитки княгини Тайшиной были запечатаны; деньги, оставшіяся послѣ нея, хранились въ канцеляріи, а между тѣмъ кредиторы осаждали полковника Шарпа просьбами объ уплатѣ 150 руб. долга, числившагося на покойной Тайшинной по долговымъ распискамъ; богатые калмыки притѣсняли и обижали бѣдныхъ; торговля была въ такомъ жалкомъ состояніи, что даже въ Ставрополѣ съ трудомъ можно было купить мяса и т. п. Конецъ всему этому положилъ Ив. Ив. Неплюевъ, въ главное вѣдомство котораго въ 1744 г. были переданы Ставропольскіе калмыки, находившіеся раньше въ непосредственномъ вѣдѣніи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Не мало трудовъ предстояло Неплюеву по устройству быта и управленію Ставропольскихъ калмыковъ, число которыхъ все увеличивалось приливомъ новыхъ.

переселенцевъ изъ астраханскихъ степей, съ Дона и Яика, гдѣ многимъ изъ нихъ приходилось платиться спокойствіемъ, имуществомъ, а иногда и жизнью, по причинѣ раздоровъ и междоусобій, открывшихся среди калмыковъ послѣ смерти хана Дондукъ-Омбо. Нѣсколько калмыцкихъ тайдшей (князьковъ), пойнновъ и зайсанговъ (знатные калмыки), а также и старшій сынъ хана Галданъ-Норма были убиты; ханша Джана, вдова Дондукъ-Омбо, сначала намѣревалась удалиться къ трухменцамъ и хивинцамъ, а потомъ думала бѣжать на свою родину въ Кабарду (она была кабардинка); она хотѣла также поймать и умертвить старуху Дарму-Балу, вдову Аюки, которая въ свою очередь, желая сдѣлаться повелительницею калмыковъ, старалась подкупить въ свою пользу Татищева, бывшаго тогда астраханскимъ губернаторомъ, но безъуспѣшно; владѣлецъ Бодонгъ, братъ хана Дондукъ-Даши, волновалъ улусныхъ калмыковъ, распространяя слухъ, что будто у калмыковъ хотятъ отбирать и крестить дѣтей, а дѣвицъ отдавать въ замужество за солдатъ. Всѣ эти ссоры и междоусобія естественно отражались на всѣхъ улусныхъ калмыкахъ, а потому не только простые, но и знатные калмыки желали креститься, чтобы стать подъ защиту Русскаго правительства. Въ 1745 году прибылъ въ Ставрополь съ Дона калмыцкій владѣлецъ Чиданъ Дербетевъ съ 150 кибитками, въ томъ же году Чиданъ былъ крещенъ въ Оренбургѣ съ двумя своими сыновьями; отецъ былъ названъ при крещеніи *Никитою*, а дѣти—*Иванами*, изъ коихъ старшій былъ извѣстенъ подъ именемъ Ивана Большаго, а младшій—Ивана Меньшаго. Для Дербетева былъ по-

строенъ въ Стоврополѣ особый „покойный“ домъ и приказано: „давать ему въ годъ жалованья и съ дѣтьми его по 150 р., а надъ полковникомъ Кириллою Шарапомъ имѣть ему первенство, и обще съ прочими, опредѣленными къ тому зайсангами, управлять всѣми крещеными калмыками, а собственный его улусъ имѣть ему въ особливомъ вѣдомствѣ“.

Почти одновременно съ Дербетевымъ, крестился въ Москвѣ и другой калмыцкій владѣлецъ Айоши Торгоутскій съ двумя зайсангами и съ двумя же своими служителями. Айоши былъ названъ при крещеніи *Павломъ*, воспріемникомъ его былъ князь Иванъ Одоевскій, а жена Айоши, бывшая раньше въ замужествѣ за калмыцкимъ ханомъ Черенъ-Дондукомъ, и сестра Айоши были крещены въ Стоврополѣ. Айоши, или по крещеніи Павелъ Торгоутскій, былъ назначенъ надзирателемъ надъ улусами Ставропольскихъ калмыковъ; его жена при крещеніи была названа *Върой* (Андреевной). Благодаря переходу въ православіе калмыцкихъ владѣльцевъ, значительно увеличилось и число крещеныхъ калмыковъ черной кости. Въ 1741 г. прикочевало изъ Астрахани въ Ставрополь 100 кибитокъ, съ войсковымъ писаремъ Ильей Хашкой; въ августѣ 1743 г. переселилось въ Ставрополь тоже изъ Астрахани 253 души калмыкъ обоего пола; въ 1744 г. изъ улусовъ Артемія Торгоутскаго прибыло въ Стоврополь 10 кибитокъ; въ томъ же году изъ Краснаго Яра и Астрахани отъ Павла Торгоутскаго прикочевало 20 кибитокъ; въ 1745 г. съ зайсангомъ Иваномъ Аджей—78 кибитокъ; Никита Дербетевъ какъ мы уже знаемъ, привелъ съ собою изъ Черкасска 150 кибитокъ и т. д. По-

стоянный приливъ калмыковъ въ Ставропольскій уѣздъ представлялъ не мало затрудненій, при поселеніи и размѣщеніи ихъ на новыхъ земляхъ внутри Закамской линіи; между тѣмъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ всѣ заботы о Ставропольскихъ калмыкахъ сложила съ себя на Неплюева, который и долженъ былъ заняться устройствомъ ихъ быта.

Не смотря на чрезвычайную сложность своихъ занятій и обязанностей по устройству обширнаго Оренбургскаго края, Неплюевъ съ рѣдкою и удивительною внимательностью отнесся къ нуждамъ Ставропольскихъ калмыковъ, обнаруживъ при этомъ глубокій умъ и необыкновенную предусмотрительность во всемъ, что только было нужно для устройства новой калмыцкой колоніи на Волгѣ. Онъ написалъ обширный докладъ объ управленіи и устройствѣ Ставропольскихъ крещеныхъ калмыковъ и въ ноябрѣ 1748 г. представилъ его въ Сенатъ, почти одновременно съ проектомъ о преобразованіи Яицкаго войска.

Въ своемъ доношеніи Сенату Неплюевъ весьма подробно опредѣляетъ всѣ стороны быта крещеныхъ калмыковъ и указываетъ мѣры къ наилучшему достиженію главной цѣли ихъ поселенія, т. е., *просвѣщенія ихъ святой христіанской вѣрой и приученія къ оседлой земледѣльческой жизни*. Во главѣ Ставропольскаго духовенства при Неплюевѣ былъ протоіерей Андрей Чубовскій, хорошо знавшій калмыцкій языкъ; онъ скончался 26 марта 1780 г., послуживъ болѣе 40 лѣтъ Ставропольской паствѣ. Протоіерей Чубовскій былъ почти единственнымъ человѣкомъ изъ духовныхъ лицъ, который заключалъ въ себя всѣ необходимыя условія для достиженія просвѣтительныхъ цѣлей по

отношенію къ калмыкамъ: въ немъ счастливо соединялись способность и готовность учить калмыковъ христіанской вѣрѣ и быть практически-полезнымъ для новокрещенныхъ въ ихъ быту. Неплюевъ считалъ необходимымъ, чтобы Чубовскій, по крайней мѣрѣ, два раза въ годъ объѣзжалъ всѣ калмыцкіе улусы крещеныхъ калмыкъ, для наставленія ихъ въ христіанской вѣрѣ и наблюденія за ихъ жизнью. Всѣ улусы были раздѣлены на нѣсколько участковъ, подчиненныхъ непосредственному надзору и попеченію священниковъ, которые въ свою очередь должны были, по отношенію къ калмыкамъ, руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ указаніями Чубовскаго. Въ сопровожденіи своихъ учениковъ Бестужева и Ляхова, также хорошо знавшихъ калмыцкій языкъ, Чубовскій часто посѣщалъ улусныхъ калмыковъ, наставлялъ ихъ въ христіанской вѣрѣ, совершалъ богослуженіе и требы среди нихъ на ихъ родномъ языкѣ. Кромѣ непосредственной проповѣди христіанскаго ученія со стороны духовенства, положено было воздѣйствовать на калмыковъ также переводами книгъ Священнаго Писанія на ихъ языкъ и школами, открывая послѣднія, соразмѣрно количеству калмыцкихъ дѣтей. Извѣстный уже намъ архимандритъ Никодимъ Ленкѣвичъ перевелъ на калмыцкій языкъ Молитву Господню, Символь Вѣры и 10 заповѣдей; но переводъ ихъ оказался не вполне удачнымъ. Поэтому Неплюевъ пожелалъ, чтобы былъ составленъ калмыцкій букварь, переведено Евангеліе на калмыцкій языкъ и сдѣлано краткое извлеченіе изъ Церковной исторіи, при помощи духовныхъ лицъ изъ русскихъ, знающихъ калмыцкій языкъ, и калмыковъ, находившихся въ Петербургѣ при Черенъ-Дондукѣ.

Въ то же время Неплюевъ увеличилъ число учащихся въ Ставропольской калмыцкой школѣ до 30 челов., вмѣсто бывшихъ по прежнему штату 10 человекъ. При опредѣленіи учителей въ калмыцкія школы, Неплюевъ вмѣнялъ имъ въ непремѣнную обязанность *„обучать калмыцкихъ дѣтей русскому языку и добрымъ обычаямъ“*, выражая притомъ искреннее желаніе, чтобы *„ученіе калмыцкаго письма подѣ рукою и время отъ времени выводитъ изъ обычая“*. Заботясь о постепенномъ и разумномъ обрусѣніи калмыковъ, Неплюевъ не забывалъ и главной цѣли инородческаго вопроса, т. е., *просвѣщенія ихъ въ духъ Св. Христовой Церкви*; въ виду этого, онъ хотѣлъ, чтобы въ калмыцкой Ставропольской школѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми владѣльческихъ и зайсангскихъ дѣтей, учились и дѣти русскаго духовенства, для занятія потомъ священно-церковно-служительскихъ мѣстъ въ калмыцкихъ приходахъ.

Среди Ставропольскихъ калмыковъ такъ же, какъ и среди некрещеныхъ калмыковъ, существовало раздѣленіе на людей бѣлой и черной кости, или на знатныхъ и простыхъ калмыковъ; но такое дѣленіе не могло быть здѣсь прочнымъ, хотя владѣльцы и зайсанги и хлопотали о томъ. Правда калмыки бѣлой кости и здѣсь пользовались нѣкоторыми преимуществами, напримѣръ: они болѣе получали земли, но прежней власти надъ чернокостными калмыками они не имѣли. Между тѣмъ калмыцкіе владѣльцы старались стать въ такое отношеніе къ прочимъ калмыкамъ, въ какомъ находились некрещеные тайдши къ подвластнымъ имъ улуснымъ калмыкамъ; зайсанги также желали закрѣпить за собою, какъ можно, болѣе кибитокъ, чтобы потомъ передать ихъ своимъ наследникамъ. Неплюевъ былъ противъ этого, и право наслѣд-

ственного владѣнія простыми калмыками, по его представленію въ Сенатъ, было отмѣнено; что же касается земельныхъ надѣловъ, то они должны были „неотъемлемо“ переходить отъ отцовъ къ дѣтямъ. Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго устройства калмыковъ, Неплюевъ ввелъ военное, подобное казацкому. Всѣ Ставропольскіе калмыки были раздѣлены на восемь ротъ, подъ начальствомъ зайсанговъ, которые представляли собою родъ казачьяго старшины; 300 чел. Ставропольскихъ калмыковъ должны были ежегодно являться на службу въ Оренбургъ, подъ командою лучшихъ зайсанговъ. Во все время походной службы, каждый калмыкъ, кромѣ провіанта, получалъ еще по 50 коп. въ мѣсяцъ, зайсанги же—смотря по состоянію. Обязанности и права владѣльцевъ, относительно подвѣдомственныхъ имъ улусныхъ калмыковъ, были военно-полицейскаго характера. Они должны были наблюдать, чтобы „калмыки ихъ вѣдомства въ добромъ порядкѣ пребывали, и никакого воровства и противныхъ поступковъ не чинили, и безъ ихъ вѣдома изъ улусовъ никуда не отлучались; за предѣлы же Ставропольскаго вѣдомства владѣльцы сами не могли давать калмыкамъ отпуска, а обязывались представлять о томъ городскому командиру или особымъ комиссарамъ. Каждый владѣлецъ долженъ былъ знать, сколько было въ его вѣдомствѣ людей, способныхъ къ военной службѣ, и заботиться о томъ, чтобы они, въ случаѣ нужды, могли собраться скоро и „во всякой исправности на добрыхъ лошадяхъ и съ надлежащимъ по ихъ обыкновенію оружіемъ отправлены быть могли, наипаче же стараться имъ (владѣльцамъ) о заведеніи огненнаго ружья, по крайней мѣрѣ, хотя на десять кибитокъ по одной

туркѣ, а что больше, то лучше“. Но главнымъ источникомъ къ существованію Ставропольскихъ калмыковъ, безъ сомнѣнія, должны были сдѣлаться разные промыслы и торговля, а не служба.

Согласно представленію Неплюева, калмыки могли рубить лѣсъ на свои потребности, но не имѣли права продавать его постороннимъ лицамъ, въ виду сбереженія лѣсовъ. Чтобы дать возможность новоприходящимъ калмыкамъ ознакомиться съ приѣмами и орудіями хлѣбопашества, Неплюевъ ввелъ общественную запашку земли, на которую должны были являться по нѣскольку человѣкъ со всѣхъ улусовъ съ лошадьми; распашка земли, сѣвъ, жнитво и уборка хлѣба производились калмыками, подъ руководствомъ и присмотромъ особыхъ приставовъ и русскихъ поселенцевъ Ставропольскаго вѣдомства. Отъ работъ на общественной запашкѣ освобождались только тѣ калмыки, которые желали сами или чрезъ наемныхъ работниковъ пахать и засѣвать землю на мѣстѣ жительства, въ своихъ улусахъ. За производствомъ работъ должны были наблюдать особые комиссары, назначаемые изъ Казанской губерніи, въ помощь къ которымъ командировались „по два или по три человѣка изъ гарнизона надежныхъ людей“. Весь урожай на общественной паши дѣлился пополамъ: одна часть поступала въ запасъ на сѣмена для будущаго посѣва, а другая дѣлилась между калмыками тѣхъ улусовъ, изъ коихъ были рабочіе при общественной распашкѣ, и выдавалась въ каждомъ улусѣ преимущественно бѣднымъ и немущимъ. Въ случаѣ недостатка въ „пахотныхъ инструментахъ“, положено было снабжать немущихъ земледѣльческими орудіями на счетъ казны, при чемъ вла-

дѣльцы и зайсанги должны были смотрѣть за тѣмъ, чтобы калмыки не только берегли выданные имъ „пахотные инструменты“, но и сами учились ихъ дѣлать. Калмыки, обнаружившіе особенную склонность и охоту къ хлѣбопашеству, получали на первый посѣвъ сѣмена изъ казны подѣ условіемъ, чтобы хлѣбъ непременно былъ посѣянъ.

Для пріученія крещеныхъ калмыковъ къ торговлѣ и промышленности, Неплюевъ поручилъ купцу Моисею Богданову сформировать торговый классъ, давъ ему особую инструкцію, какимъ образомъ ему дѣйствовать и о чемъ стараться. Заботясь объ увеличеніи средствъ для содержанія крещеныхъ калмыковъ, Неплюевъ настоялъ, чтобы винная продажа въ Ставрополь была отдана въ общую пользу калмыковъ, а прибыль отъ нея расходовалась на прокормленіе бѣдныхъ изъ калмыковъ, на пособіе имъ въ случаѣ назначенія въ походъ, на канцелярскіе и другіе расходы въ Калмыцкомъ судѣ; въ улусахъ же калмыки не могли торговать виномъ, „дабы въ казенныхъ питейныхъ сборахъ ущербу не было“. Въ 1747 году рыбныя ловли были также отданы калмыкамъ за положенный окладъ безъ перекупки, и тогда же они получили право строить изъ оброка мельницы съ условіемъ пріема на нѣкоторое время въ пайщики, для своего обученія, русскихъ людей. Оберегая интересы калмыковъ, Неплюевъ установилъ и надлежащій контроль надъ расходованіемъ „денежной казны, провіанта, казенныхъ припасовъ и прочаго“, опредѣливъ для того „вѣрныхъ и неподозрительныхъ людей“, которые, по истеченіи каждой трети года, должны были рапортовать о приходахъ и расходахъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію,

а по окончаніи года представлять туда же и приходо-расходныя книги съ оправдательными документами и счетами для провѣрки.

Неплюевъ также обратилъ вниманіе на судъ и управленіе Ставропольскихъ калмыковъ. По смерти княгини Анны Тайшиной, управленіе крещеными калмыками было поручено ея племяннику Петру Торгутскому, а послѣ его кончины всѣми калмыцкими дѣлами завѣдывали нѣсколько лицъ изъ зайсанговъ, подъ руководствомъ владѣльца Никиты Дербетева; но обязанности этихъ лицъ и отношеніе къ нимъ ставропольскаго комманданта были неопредѣленны. Раньше ставропольскій коммандантъ имѣлъ скорѣе значеніе довѣреннаго и уполномоченнаго отъ правительства лица, которому было поручено устроить калмыковъ на новомъ мѣстѣ ихъ жительства. Такими временными командирами-устроителями въ Ставрополѣ были Змѣевъ, Люткинъ, Охитовъ и Кошкарровъ, слѣдовавшіе одинъ за другимъ. Неплюевъ нашелъ, что въ Ставрополѣ нуженъ не временный, а постоянный командиръ и притомъ „высшаго ранга“; по его представленію былъ опредѣленъ на эту должность полковникъ Останковъ, сдѣлавшійся главнымъ представителемъ русской власти въ Ставропольскомъ вѣдомствѣ: ему принадлежала высшая полицейская власть въ Ставрополѣ; онъ былъ главнымъ хозяиномъ края, командиромъ мѣстныхъ войскъ и предсѣдателемъ Калмыцкаго Суда, который былъ учрежденъ, по представленію Неплюева, изъ знатныхъ калмыковъ. Калмыцкій Судъ состоялъ изъ восьми человекъ: предсѣдателя, войсковаго полковника, войсковаго судьи, есаула, надзирателя улусовъ, писаря, квартирмистра и

хорунжаго. Всѣ эти лица получали по штату слѣдующіе оклады жалованья: предсѣдатель 150 р. въ годъ, полковникъ 140 р., судья 100 р., писарь 40 р., надзиратель улусовъ и есауль по 50 р., квартирмистръ и хорунжій по 30 р., а если надзиратель улусовъ, есауль, квартирмистръ и хорунжій были изъ владѣльцевъ, то первый получалъ 80 р., а послѣдніе по 60 р. въ годъ. Вѣдѣнію Калмыцкаго Суда подлежали дѣла, касавшіяся исключительно самихъ калмыковъ, напр. взаимное воровство, драки между собой, насильственный захватъ земли и улусовъ и т. п. Для засѣданій Калмыцкаго Суда былъ отведенъ особый домъ; производство дѣлъ въ Судѣ совершалось по древнимъ калмыцкимъ обычаямъ; недовольные рѣшеніемъ Суда могли жаловаться въ Оренбургскую губернскую канцелярію. Виновныхъ въ грабежахъ, убійствѣ и другихъ уголовныхъ преступленіяхъ вѣрно судить въ Ставропольской канцеляріи „по Уложенію и указамъ, ненароку ни на ту, ни на другую сторону; но буде кто подлежать будетъ политической или натуральной смерти, о таковыхъ, подписавъ на основаніи указовъ приговоръ, присылать на разсмотрѣніе и для аппробаціи (утвержденія) въ Оренбургскую канцелярію“. По ходатайству Неплюева, городу Ставрополю данъ былъ въ послѣдствіи особый гербъ ⁽¹⁾, а Ставропольской канцеляріи—печать.

Въ январѣ 1745 г. проектъ Неплюева объ управленіи Ставропольскихъ калмыковъ былъ утвержденъ; въ томъ же году Неплюевъ пожелалъ самъ посѣтить Ставрополь, чтобы ознакомиться съ жизнью и обста-

(1) Гербъ Ставрополя представляетъ щитъ, раздѣленный на двѣ части: въ верхней части изображена въ голубомъ полѣ бѣлая дикая коза, а въ нижней части—треугольная крѣпость, въ срединѣ которой водруженъ черныи крестъ въ золотомъ полѣ; самый же щитъ увѣнчанъ золотой Императорской короной.

новкой калмыковъ. — Находясь въ Ставрополѣ, Неплюевъ обратилъ вниманіе городскихъ жителей на необходимость построенія новаго храма, такъ-какъ прежде построенный храмъ по своей непрочности представлялъ опасность для молящихся. На первое время положено было построить деревянную теплую церковь, а потомъ — заготовлять матеріалъ и для каменной. Личное знакомство съ бытомъ и обстановкой крещеныхъ калмыковъ убѣдило Неплюева, что труды его не замедлили принести пользу крещенымъ калмыкамъ: нѣкоторые уже умѣли не только говорить, но читать и писать по-русски, охотно посѣщали церковное богослуженіе и старались въ своемъ быту и обстановкѣ подражать русскимъ. Число желающихъ креститься не переставало увеличиваться: крестились не только простые, но и знатные владѣльцы и зайсанги. Въ 1744 году была крещена десятилѣтняя внучка Аюкиной ханши Дармы-Балы, по имени Т ю т е р я, и состоявшіе при ней зайсанги К и ш и к т у, К и ч и к ъ, Д а р ж а и др. Тютеря была названа при крещеніи Е л е н о й и отправлена на жительство въ Ставрополь. Безпокойная ханша Джана, вдова Дондукъ-Омбо, жившая въ Москвѣ, также пожелала креститься со всѣми находившимися при ней дѣтьми. Сама Джана была названа при крещеніи *Вѣрой*, дочери: Бунигара — *Надеждой* и Делекъ — *Любовью*, а четверо сыновей Джаны получили имена Московскихъ святителей: Арандукъ былъ названъ *Петромъ*, Дабданъ — *Алексѣемъ*, Асарай — *Ионою* и Джабъ-Саръ — *Филиппомъ*; новопросвѣщенной ханшѣ дали титулъ княгини съ фамиліей Дондуковой и подарили въ Москвѣ домъ, бывшій Квасникова, а въ послѣдствіи наградили ее деревнями и крестьянами.

Сыновья ея были опредѣлены въ кадетскій корпусъ, изъ коихъ *Алексѣй*. по окончаніи курса, поступилъ въ военную службу и поселился въ *Енотавскѣ*, гдѣ онъ до своей кончины былъ ревностнымъ защитникомъ угнетенныхъ и споспѣшникомъ къ обращенію калмыковъ въ христіанство. Княжна *Любовь* вскорѣ послѣ крещенія умерла, а ея сестра *Надежда* вышла за мужъ за калмыцкаго владѣльца Ивана (Меньшаго) *Дербетева*, жившаго въ Ставрополѣ, хотя у ея матери было намѣреніе выдать ее за калмыцкаго владѣльца *Сербетя Хошоутова*, женатаго еще раньше на одной изъ дочерей *Джаны*, до крещенія послѣдней. Когда *Сербеть* изъявилъ желаніе креститься, жена и сынъ его оставались въ улусахъ; всѣ старанія *Сербетя* возвратить ихъ къ себѣ были тщетны. При крещеніи *Сербеть* былъ названъ *Семеномъ* и женился на внучкѣ хана *Аюки Тютерѣ* или, по крещеніи, *Еленѣ*, которая была дочерью *Галданъ-Данжина*, убитаго раньше *Сербетемъ* во время междоусобной борьбы. Вскорѣ послѣ своей женитьбы, *Семень Хошоутовъ* былъ произведенъ въ полковники и потомъ назначенъ командиромъ Оренбургскихъ крещеныхъ калмыковъ, съ назначеніемъ ему жалованья изъ оренбургскихъ доходовъ по 120 р. въ годъ. Въ 1752 г. прибыла въ Оренбургъ и сестра *Семена Хошоутова*, которая также пожелала принять христіанскую вѣру; при крещеніи она была названа *Анной* и вскорѣ вышла замужъ за полковника изъ крещеныхъ калмыковъ *Шарапа*, жившаго въ Ставрополѣ.

Кромѣ Ставрополя и его уѣзда, крещеные калмыки стали селиться при *Неплюевѣ* и въ Оренбургѣ. Оренбургскіе калмыки выдѣлились преимущественно изъ калмыкъ, кочевавшихъ по нижнему *Яику* и въ окрестностяхъ *Яиц-*

каго городка, гдѣ ихъ въ 1744 г. считалось 684 г.; сюда же стали переходить и нѣкоторые изъ Ставропольскихъ калмыковъ, такъ зайсангъ Θεодоръ С о л о м ѣ въ 1752 г. переселилъ изъ Ставрополя въ Оренбургъ 30 своихъ кибитокъ, которыя достались ему въ наслѣдство послѣ отца. Въ 1754 г. только въ одномъ Оренбургѣ считалось уже 56 кибитокъ крещеныхъ калмыкъ съ 205 душ. обоего пола; но число ихъ быстро возрастало и впослѣдствіи, согласно предложенію Неплюева, изъ нихъ скомплектована была особая рота, на подобіе Ставропольскихъ калмыкъ, съ подчиненіемъ ея Семену Х о ш о у т о в у. Въ лѣтнее время Оренбургскіе служилые калмыки распредѣлялись по казачьимъ форпостамъ. Въ 1754 году всѣхъ крещеныхъ калмыковъ во всей Оренбургской губерніи считалось 5695 душъ, къ концу же управленія краемъ Неплюева ихъ было уже 8198 душъ обоего пола. Въ 1756 году калмыцкое войско, по представленію Неплюева, получило сотенные значки и особое знамя съ изображеніемъ на немъ Ставропольской крѣпости, надъ которой находился крестъ въ сіяніи, а по сторонамъ были изображены принадлежности нерегулярной артиллеріи (вооруженія). Тогда же было дано знамя и Оренбургскому казачьему войску: это знамя отличалось отъ калмыцкаго лишь тѣмъ, что на немъ было изображеніе города Оренбурга, а наверху — также крестъ въ сіяніи и по сторонамъ — изображеніе военныхъ доспѣховъ, какъ и на калмыцкомъ знамени. Такимъ образомъ крещеные калмыки были приравнены къ казакамъ и наравнѣ съ ними несли военную службу, охраняя и защищая пограничную линію отъ вторженія кыргызовъ и другихъ хищниковъ.

Кромѣ крещеныхъ калмыковъ, въ Ставропольскомъ уѣздѣ считалось при Неплюевѣ до 700 д. государственныхъ крестьянъ, болѣе 2500 помѣщичьихъ и монастырскихъ, 703 д. приписныхъ къ Адмиралтейству и 250 д. разныхъ крестившихся инородцевъ, вышедшихъ изъ киргизскаго плѣна, такъ-что все населеніе Ставропольскаго уѣзда, включая сюда и калмыковъ, равнялось почти 19000 душъ. Въ самомъ Ставрополѣ было три храма: два деревянные и одинъ каменный (¹), около 500 дворовъ, 309 душъ, записавшихся въ купцы (преимущественно изъ Симбирска), сотня казаковъ и двѣ гарнизонныя роты Нижегородскаго пѣхотнаго полка. Жилыя строенія находились не только внутри крѣпости, но и внѣ ея съ двухъ сторонъ: въ верховьяхъ Куньей Воложки жили преимущественно солдаты и казаки, а въ нижней ея части—купцы и вообще торговый классъ, почему первая называлась *С о л д а т с к о й* слободой, а вторая—*К у п е ч е с к о й*.

Неплюевъ возлагалъ большія надежды на поселеніе крещеныхъ калмыковъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ, рассчитывая, что природныя удобства для осѣдой жизни, обиліе земли и различныя льготы будутъ и впредь привлекать сюда калмыковъ-язычниковъ для крещенія и водворенія ихъ въ этой мѣстности; но надежды его не оправдались, потому что порядокъ, заведенный Неплюевымъ среди крещеныхъ калмыковъ, не былъ поддержанъ. какъ-бы требовало того дѣло обрусѣнія калмыковъ и какъ желалъ Неплюевъ,—этимъ воспользовалось калмыцкое духовенство, старавшееся всегда держать калмыковъ въ невѣжествѣ, и Ставропольскіе

(¹) Въ настоящее время въ Ставрополѣ только два храма, но оба каменные.

калмыки, считаясь по имени христіанами, сдѣлались почти такими же язычниками, какъ астраханскіе и другіе улусные калмыки. По отношенію къ крещенымъ инородцамъ и въ частности къ калмыкамъ, Неплюевъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы новыя члены Св. Православной Церкви были ея истинными дѣтьми, которыя бы *не наружно, а внутренно* соединились съ Русскимъ народомъ и съ непритворнымъ уваженіемъ приняли религіозныя основы его жизни и быта; но при этомъ Неплюевъ избѣгалъ крутыхъ и насильственныхъ мѣръ, чтобы не возстановить инородцевъ противъ русскихъ. Покуда Неплюевъ былъ главнымъ начальникомъ Оренбургскаго края, введенный имъ порядокъ оставался почти неприкосновеннымъ, не переставая приносить желаемую пользу; не то мы видимъ здѣсь, послѣ оставленія Неплюевымъ мѣста оренбургскаго губернатора и его перехода на службу въ С.-Петербургъ. Калмыки, подстрекаемые своими гелюнами, стали убѣгать изъ Ставрополя въ улусы, гдѣ ихъ охотно принимали; недовольство же улусныхъ калмыковъ дошло до того, что въ 1771 г. они, въ числѣ 350.000 душъ обо-его пола, бѣжали въ Китай; въ Россіи осталось не болѣе 13000 калмыцкихъ кибитокъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія, на мѣстѣ удалившихся въ Китай калмыковъ поселились киргизы, прикочевавшіе изъ-за Урала подъ начальствомъ Букал Нураліева и образовавшіе Букеевскую или внутреннюю киргизскую орду. Остатки Ставропольскихъ калмыкъ въ 1842 году были окончательно переселены въ Оренбургскую губернію и вошли въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска, будучи распредѣлены по его полкамъ и водворены на новой линіи. Заботясь объ устройствѣ различныхъ

частей Оренбургскаго края и объ его безопасности, Неплюевъ обратилъ особенное вниманіе на развитіе промышленности и торговли во вѣренномъ ему краѣ.

IX.

Стремленія Петра Великаго въ Среднюю Азію.—Состояніе Оренбургской торговли до вступленія въ управленіе краемъ Неплюева.—Присоединеніе къ Россіи каракалпаковъ и отпосеніе къ тому киргизскаго хана Абуль-Хаира.—Причины и начало вражды между Неплюевымъ и Абуль-Хаиромъ, смерть послѣдняго и выборъ въ ханы его сына Нурали.—Торговые караваны татарина Хаялина и препятствія для успѣшнаго развитія караванной торговли съ Средней Азіей.—Столкновеніе Нурали съ хивинскимъ ханомъ Каипомъ.—Присоединеніе къ Россіи Средней киргизской орды.

Торгово-промышленное развитіе природныхъ богатствъ Оренбургскаго края особенно занимало Неплюева: оно могло служить лучшимъ и болѣе надежнымъ средствомъ къ сближенію русскихъ съ инородцами. Торговля, какъ извѣстно, совершаетъ завоеванія издали и прежде, чѣмъ завладѣютъ варварами образованные народы; живой примѣръ этого мы видимъ въ Англіи, которая держитъ въ торговомъ подданствѣ цѣлыя племена дикарей въ Азій, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи. Но для того, чтобы открыть путь торгово-промышленному движенію на востокъ, Россія должна была овладѣть киргизскими ордами, которыя, по мнѣнію Петра Великаго, имѣли значеніе к л ю ч а и в о р о т ъ по отношенію къ Средней Азій и только, овладѣвъ ими, русскіе могли войти въ сношеніе съ ташкентцами, сартами, хивинцами и др. средне-азіатскими народами. Съ богатствами Средней Азій Петръ Вел. познако-

мился впервые изъ разсказовъ туркменца Ходока-Нефеса, который въ 1712 г., будучи въ Россіи, сообщилъ Петру о богатствѣ золотого песку при устьѣ р. Аму-Дарыи, что подтвердилъ потомъ и образованный итальянецъ Флоріо Беневени, отпавленный Петромъ въ Бухарию, гдѣ онъ прожилъ почти четыре года (1721—1725). Несчастный исходъ экспедиціи Бековича Черкасскаго въ Хиву не ослабилъ стремленій Императора на востокъ чрезъ киргизскія степи; онъ готовъ былъ употребить миллионъ рублей на однѣ издержки для того только, чтобы „*Киргизская орда однимъ листомъ подъ протекціею Россійской Имперіи быть обязалась*“; но смерть помѣшала Петру осуществить свои планы. Спустя восемь лѣтъ послѣ его кончины, ханъ Малой киргизской орды Абуль-Ханръ заявилъ о своемъ желаніи принять русское подданство и просилъ о построеніи русскаго города на устьѣ р. Ори. Оберъ-секретарь Сената И. К. Кирилловъ составилъ проектъ о средствахъ и мѣрахъ къ осуществленію плановъ Петра, касательно киргизскихъ ордъ, и о развитіи торговли съ Средней Азіей. Проектъ Кириллова былъ одобренъ и, подъ его же начальствомъ, была снаряжена особая экспедиція для заложенія города на устьѣ р. Ори.

Въ 1734 г. нѣсколько торговыхъ ташкентскихъ сартовъ, узнавъ о предположенномъ построеніи на устьѣ Ори русскаго города, сообщили о томъ своимъ городскимъ старшинамъ; вскорѣ, съ дозволенія ихъ, нѣсколько ташкентскихъ купцовъ отправились съ товарами въ Уфу чрезъ аулы хана Абуль-Ханра, который не только пропустилъ ихъ чрезъ свои владѣнія, но и далъ имъ своихъ проводниковъ. Въ началѣ 1735 г. ташкентскіе купцы благополучно прибыли въ Уфу и заявили Ки-

рилову о своемъ желаніи, чтобы въ новомъ городѣ была учреждена ярмарка, обѣщаясь ежегодно пріѣзжать съ торговыми караванами и приглашая къ себѣ русскихъ купцовъ для мѣновой торговли. К и р и л л о в ъ принялъ купцовъ ласково и вполне сочувственно отнесся къ ихъ предложенію; но за неимѣніемъ капиталистовъ въ Уфѣ посоветовалъ имъ отправиться съ товарами въ Казань, вручивъ рекомендательное письмо, въ которомъ просилъ оказать имъ „всякое приласканіе“ и „уволить отъ пошлинъ“. Распродавъ свои товары въ Казани, ташкентцы въ томъ же году отправились въ свое отечество чрезъ *новый* городъ, который былъ застроенъ на устьѣ Ори. Этотъ добровольный пріѣздъ ташкентскихъ купцовъ и желанія ихъ вполне согласовались съ стремленіями Русскаго правительства на востокъ. Для наибольшаго привлеченія русскихъ купцовъ къ поселенію въ Оренбургѣ, жителямъ этого города дарованы были особыя привилегіи: дома ихъ освобождались отъ всякаго постоя, дозволено заводить фабрики и заводы и т. п.; а чтобы устранить возможность недоразумѣній, споровъ и ссоръ, при сборѣ таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, правительство приказало Кириллову, примѣнительно къ другимъ азіатскимъ странамъ, составить особый тарифъ. К и р и л л о в ъ пригласилъ къ себѣ, для утвержденія и развитія торговли въ новомъ городѣ, отца П. И. Рычкова, но онъ пріѣхалъ въ Самару уже послѣ смерти Кириллова. Въ 1736 г. предположено было отправить въ Ташкентъ торговый караванъ, проводниками котораго могли служить ташкентскіе купцы, прибывшіе въ Казань. Вмѣстѣ съ русскимъ караваномъ долженъ былъ отправиться, подѣ видомъ купца, капитанъ морской службы

англичанинъ Э л ь т о н ъ, для собранія топографическихъ и географическихъ свѣдѣній о ташкентскихъ владѣніяхъ и для описанія Аральскаго моря, на которомъ предположено было построить пристань и содержать при ней вооруженныя суда; приготовлена была и особая инструкція Эльтону, по кончина Кириллова помѣшала осуществленію этого плана.

Въ 1736 и 1737 годахъ, по причинѣ башкирскаго бунта, русскіе купцы боялись ѣздить въ новопостроенный Оренбургъ (нынѣ Орскъ), потому что проѣздъ туда былъ соединенъ съ большими опасностями; но азіатскіе купцы и въ это время не переставали посѣщать городъ, вымѣнивая на свои товары нужныя для нихъ вещи, хотя эта мѣна была не значительна. Мѣсто Кириллова занялъ, какъ мы знаемъ, В. Н. Т а т и щ е в ъ, который поручилъ старику Рычкову, прибывшему въ Самару по приглашенію еще Кириллова, составить купеческій тарифъ и уставъ, но Р ы ч к о в ъ, не успѣвъ выполнить этого порученія, скончался въ 1738 г. Въ томъ же году велѣно было открыть съ киргизами и другими азіатскими народами торговлю для вымѣна у нихъ верблюжьей шерсти, которая шла на приготовленіе англійскихъ ком- лотовъ и другихъ шерстяныхъ матерій. Въ города былъ устроенъ *Мѣновой дворъ* и въ томъ же году *отправленъ въ Ташкентъ первый русскій торговый караванъ*, въ которомъ товаровъ было на 20000 руб. Начальникомъ каравана былъ назначенъ поручикъ М и л л е р ъ, а въ помощь ему данъ одинъ офицеръ изъ геодезистовъ для топографскихъ работъ; но караванъ на разстояніи двухъ-дневнаго пути отъ Ташкента былъ разграбленъ киргизами Б о л ь ш о й орды. Не смотря на такую неудачу, въ 1739 г. были отправ-

изъ Оренбурга еще два каравана, которые разграбили во время пути киргизы М а л о й орды, подвластной хану Абуль-Хаиру. Дѣти Абуль-Хаира, прибывшіе въ слѣдующемъ году въ Оренбургъ, обѣщались князю Урусову, смѣнившему Татищева, возвратить товары двухъ послѣднихъ каравановъ, но обѣщаніе не было исполнено.—Немало, конечно, препятствовало успѣхамъ русской мѣновой торговли и то, что русскіе не имѣли почти никакихъ свѣдѣній о киргизскихъ степяхъ, чрезъ которыя пролегалъ караванный путь; слѣдовательно, киргизы, сопровождавшіе караваны, могли намѣренно заводить ихъ въ безводныя и песчаныя мѣста, чтобы съ большимъ удобствомъ произвести тамъ грабежъ и оставить предпріимчивыхъ русскихъ людей въ незнакомой имъ мѣстности, какъ говорится, на произволъ судьбы. Въ 1740 г. В. А. У р у с о в ъ, вслѣдствіе просьбы Абуль-Хаира, командировалъ на Сырь-Дарью и оттуда въ Хиву геодезиста М у р а в и н а и инженера Н а з и м о в а. Интересно, что А б у л ь - Х а и р ъ, владѣвшій въ то время Хивой, просилъ Муравина быть его защитникомъ предъ персидскимъ шахомъ Н а д и р о м ъ, который приближался съ войскомъ къ Хивѣ. А б у л ь - Х а и р ъ отправилъ Муравина на встрѣчу къ шаху съ привѣтствіемъ и просьбою оставить за нимъ хивинскія владѣнія. Шахъ принялъ Муравина ласково, наградилъ его богатыми подарками и выразилъ желаніе лично видѣться съ Абуль - Хаиромъ, завѣряя, что онъ приметъ и наградитъ его, какъ подданнаго Русской Императрицы, съ которой онъ желаетъ жить всегда въ мирѣ. Но А б у л ь - Х а и р ъ, опасаясь вѣроломства со стороны шаха, удалился въ свою орду, а Надиръ овладѣлъ Хивой безъ боя и, освободивъ десять

чел. русскихъ плѣнниковъ, отправилъ ихъ съ татаринѣмъ Янаевымъ въ Самару, при чемъ каждый плѣнный получилъ отъ шаха на дорогу лошадь и 50 р. денегъ. Муравинъ и Назимовъ, по прошествіи года, благополучно возвратились въ Оренбургъ и составили *первую карту Киргизскихъ степей и Хивинскихъ владѣній*. Разказы о средне-азіатскихъ странахъ Муравина и Назимова и составленная ими карта, а также и распросы десяти русскихъ плѣнниковъ, прибывшихъ въ Самару съ Янаевымъ, возбудили еще болѣйшій интересъ въ торговомъ классѣ; но несчастный исходъ первыхъ трехъ каравановъ повелъ къ тому, что оренбургское начальство, не смотря на болѣе положительныя свѣдѣнія о караванномъ пути, запретило въ 1742 г. рускимъ купцамъ отправлять торговые караваны въ Среднюю Азію и ѣздить съ товарами даже въ киргизскія орды. Поплинный сборъ, начиная съ 1738 и по 1742 г., не превышалъ 3872 р. 39¼ коп.— Въ такомъ состояніи находилась торговля Оренбургскаго края, когда въ управленіе имъ вступилъ Неплюевъ. Посмотримъ, что сдѣлалъ для развитія оренбургской торговли самъ Неплюевъ.

Почти одновременно съ прибытіемъ Неплюева въ Самару, сюда явился поручикъ Дмитрій Гладышевъ, находившійся болѣе года въ киргизской ордѣ, по распоряженію оренбургскаго начальства. Гладышевъ доложилъ своему новому начальнику, что, во время пребыванія его у Абуль-Хаира, къ нему явилось шестеро каракалпацкихъ старшинъ и трое хаджей и просили его о принятіи ихъ съ 30000 кибит. каракалпацкаго народа въ русское подданство. Гладышевъ, въ присутствіи Абуль-Хаира, привелъ стар-

шинъ и хаджей къ присягѣ, содержаніе которой было слѣдующее: „*Божіимъ повелѣніемъ по своей вѣрѣ пришли въ Россійское подданство и, поцѣловавъ крестъ, присягали мы нижеписанные каракалпаки*“ (далѣе слѣдовали ихъ имена и тамги). — Г л а д ы ш е в ъ передалъ Неплюеву присяжные листы и письмо каракалпацкихъ старшинъ съ приложеніемъ трехъ чернильныхъ печатей; въ этомъ письмѣ, между прочимъ, указывалось на давнишнее желаніе каракалпаковъ принять Русское подданство.—Въ томъ же году, по приглашенію Неплюева, прибыли въ Оренбургъ каракалпацкіе депутаты М а м о р ъ и К у ш а н ъ, въ сопровожденіи хана А б у л ѣ - Х а и р а, и здѣсь ^{отъ} имени хана и всего народа торжественно повторили присягу, данную ими Гладышеву въ ордѣ.

Переходъ каракалпаковъ въ русское подданство обѣщаль не мало выгодъ для развитія внѣшней торговли Оренбургскаго края, почему Неплюевъ всячески старался пріохотить новыхъ подданныхъ къ поселенію въ Оренбургѣ, и съ этою цѣлію снова командировалъ Гладышева въ аулы каракалпаковъ. Вскорѣ Гладышевъ возвратился изъ орды, въ сопровожденіи двухъ плѣнныхъ и восьми знатныхъ каракалпацкихъ старшинъ, которые были отправлены въ Петербургъ. Въ августѣ 1743 г. императрица Елизавета Петровна принимала каракалпацкихъ пословъ и вручила имъ грамоту на вѣрноподданство, а Неплюевъ, между тѣмъ, отправилъ въ степь унтеръ-офицера Филиппа Г о р д ѣ е в а, хорошо знавшаго татарскій языкъ, и толмача Мансура Д ѣ л ь н а г о съ подарками каракалпакамъ. Г о р д ѣ е в ъ и Д ѣ л ь н ы й, исполнивъ порученіе, 1 ноября того же года возвратились въ Оренбургъ,

въ сообществѣ нѣсколькихъ знатныхъ каракалпацкихъ старшинъ, между которыми первое мѣсто занималъ Халветъ Шихъ, сынъ Мурата, считавшагося у каракалпаковъ за святаго и знатнаго мужа. При своемъ отъѣздѣ изъ Оренбурга, Халветъ получилъ указъ на потомственное тарханство. Когда, по-видимому, не было почти никакого сомнѣнія въ прочности союза Россіи съ каракалпаками, и когда въ головѣ Неплюева создавались разные планы и проекты, — киргизскій ханъ Абуль-Ханръ, содѣйствовавшій вначалѣ самъ принятію каракалпаками русскаго подданства, разомъ порѣшилъ вопросъ съ новыми русскими подданными. Опасаясь ихъ усиленія подъ властію Россіи, онъ напалъ на ихъ аулы, многихъ убилъ и еще больше взялъ въ плѣнъ, отогнавъ 20000 коровъ и столько же овецъ въ свои кочевья, а когда Гладышевъ, сопровождавшій каракалпацкое посольство въ степь, явился къ Абуль-Ханру, — послѣдній въ бѣшенствѣ отпалъ отъ него грамоту на подданство каракалпаковъ, распечаталъ и прочиталъ ее; затѣмъ, обобравъ до-чиста каракалпацкихъ старшинъ, отпустилъ ихъ въ свои мѣста, а Гладышевъ долженъ былъ вернуться въ Оренбургъ. Вскорѣ послѣ этого, каракалпаки откочевали подъ защиту зюнгорскаго владѣльца Галданъ-Черена, а въ Оренбургѣ можно было встрѣтить только развѣ бѣжавшихъ изъ киргизскаго плѣна каракалпаковъ, которыхъ отсылали на жительство въ Уфимскую провинцію. Съ этого времени между Неплюевымъ и Абуль-Ханромъ начинается непримиримая вражда, которая продолжалась семь лѣтъ и отъ которой „многія затрудненія, безпокойства и опасности происходили“. Абуль-Ханръ особенно озлобился на русскихъ за то, что

ему было отказано въ выдачѣ его сына *Хаджи-Махмета*, содержавагося аманатомъ (заложникомъ) въ *Сорочинской* крѣпости, находящейся на р. *Самарѣ*, въ 176 верстахъ отъ настоящаго *Оренбурга*. Получивъ отказъ, *Абуль-Хаиръ* рѣшился даже силою отнять своего сына у русскихъ: киргизы его вѣдомства, въ числѣ 2000 чел., уже пробрались къ *Крестовому* редуту, отстоявшему на 22 версты отъ *Сорочинской* крѣпости; но предусмотрительность *Неплюева* разстроила планы *Абуль-Хаира*: его попытка освободить своего сына не удалась, — и *Хаджи-Махметъ* былъ отправленъ изъ *Сорочинской* крѣпости въ *Петербургъ*, откуда послѣ былъ перевезенъ въ *Казань*, гдѣ влюбился въ дочь одного татарина и хотѣлъ на ней жениться, но дальнѣйшій ходъ событій въ киргизской степи помѣшалъ этому свободному браку влюбленныхъ. ✓

Удаленіе *Хаджи-Махмета* изъ предѣловъ *Оренбургскаго* края до того озлобило *Абуль-Хаира*, что онъ сталъ подстрекать киргизовъ къ нападению на русскія селенія, а посланнаго къ нему отъ *Неплюева* толмача обругалъ, всячески мучилъ и цѣлый годъ держалъ подъ арестомъ. Правительство неоднократно намѣревалось наказать вѣроломныхъ киргизъ за ихъ набѣги и грабежи; но хитрый *Абуль-Хаиръ* всегда предупреждалъ планы Русскаго правительства новою покорностью и новою присягою, какъ нѣкогда *калмыцкій ханъ Аюка*, стараясь въ то же время загнать *Неплюева* предложеніемъ *хивинцевъ*, которые просили помощи *Абуль-Хаира* противъ туркменъ и предлагали ханское достоинство его сыну *Нурали*. Наконецъ *Абуль-Хаиръ* обратился съ жалобой на

Неплюева въ Петербургъ, прося выдать ему Хаджи-Махмета и замѣнить его другимъ сыномъ. Просьба Абуль-Ханра была уважена: въ 1748 году онъ явился въ Орскую крѣпость и получилъ отъ Тевкелева, сотрудника Неплюева по управленію краемъ, желаннаго сына Хаджи-Махмета, замѣнивъ его Айчувакомъ и дѣтьми нѣкоторыхъ старшинъ, при чемъ Абуль-Ханръ не упустилъ случая снова повторить присягу, что отселѣ онъ будетъ жить въ мирѣ съ русскими. Но, по возвращеніи въ орду, онъ тотчасъ же завелъ сношенія съ зюнгорскимъ ханомъ, предложивъ ему, вопреки интересамъ Россіи, въ замужество свою дочь, и получилъ за нее въ калымъ городъ Туркестанъ. ✓ Долго-бы еще пришлось бороться Неплюеву съ Абуль-Ханромъ, еслибы въ 1749 г. не убилъ его, во время междоусобной вражды, султанъ Баракъ, положившій предѣлъ дальнѣйшимъ замысламъ Абуль-Ханра.

Отношенія Неплюева къ Малой киргизской ордѣ, послѣ смерти хана Абуль-Ханра, должны были существенно измѣниться. Старшій сынъ Абуль-Ханра, Нурали, какъ мы уже знаемъ, получилъ предложеніе отъ хивинцевъ занять мѣсто хана въ Хивѣ; но жена Нурали, находившаяся въ Хивѣ, увѣдомила своего мужа, что персіане хотятъ убить его, какъ только онъ явится въ Хиву. Неплюевъ, опасаясь союза киргизовъ съ хивинцами, весьма былъ радъ этому обстоятельству и тотчасъ же, по смерти Абуль-Ханра, отправилъ въ Малую киргизскую орду чиновника, который, при содѣйствіи жены покойнаго хана Папай⁽¹⁾, пользовавшейся большимъ вліяніемъ на киргизовъ, долженъ былъ напра-

(1) Папай имѣла даже свою печать и особенно любила русскихъ, за что и получала отъ правительства подарки и благодарственные письма.

вить выборъ въ ханы въ пользу Нурали, что ему и удалось: Нурали былъ избранъ ханомъ Малой киргизской орды. Въ 1749 г. онъ прибылъ въ Оренбургъ и принялъ присягу на вѣрноподданство Русской Государынѣ. Обласканный и богато одаренный отъ Неплюева, Нурали уже помышлялъ о мести за убійство своего отца, а въ ордѣ его ждали послы 20-лѣтняго зюнгорскаго владѣльца А д ж а н а (¹), которые прибыли за сестрой Нурали, просватанной за Аджана еще при жизни ея отца, получившаго за нею въ калымъ городъ Туркестанъ. Нурали былъ въ большомъ затрудненіи: отказать посламъ въ выдачѣ своей сестры, какъ невѣсты Аджана, было опасно, а согласиться на ея отпущекъ значило идти противъ желанія Неплюева и Русскаго правительства. Очутившись между молотомъ и наковальней, Нурали пустился на хитрость: онъ началъ обманывать и Неплюева, встревожившагося предложениемъ Аджана, и самого жениха; но смерть невѣсты, послѣдовавшая въ 1750 году, успокоила и Неплюева и вывела изъ затрудненія Нурали, который съ этого времени *вступаетъ въ самую тѣсную дружбу съ Неплюевымъ*. Освободивъ изъ киргизскаго плѣна 1364 чел. плѣнниковъ, Неплюевъ, рассчитывая на дружбу Нурали, началъ думать о снаряженіи русскаго торговаго каравана въ Среднюю Азію, тѣмъ болѣе, что русскіе купцы теперь и сами выражали желаніе посѣщать средне-азіатскія страны съ торговыми цѣлями, не смотря на несчастный исходъ первыхъ каравановъ. Въ 1750 г. изъ Оренбурга былъ отправленъ съ хивинскимъ посломъ Ш и р б е к о мъ небольшой караванъ татарина

(¹) Онъ же Цевенъ-Даржа-Памжи, или Цебенъ-Доржа.

Абдуллы Х а я л и н а, который благополучно прибылъ въ Хиву и съ большой выгодой распродалъ свои товары. Вскорѣ послѣ этого Х а я л и н ъ снарядилъ второй караванъ, подъ охраною самого Нурали; прикащику Хаялина, сопровождавшему караванъ, было приказано идти до Бухары, Бальха, Бадакшана и, если будетъ можно, до самаго Кабула, находившагося отъ Оренбурга на разстояніи трехмѣсячнаго караваннаго пути. Но караванная торговля съ средне-азиатскими странами встрѣтила большія препятствія со стороны киргизовъ и особенно хивинцевъ, не говоря уже о трудностяхъ самого пути чрезъ киргизскія степи. Воровство и разбой издавна считались у киргизовъ доблестями, которыми они хвалятся другъ передъ другомъ; „когда я былъ молодъ“,—говорилъ съ гордостью киргизскій полковникъ Тезекъ, — „то подобнаго мнѣ вора и мошенника нельзя было во всей ордѣ отыскать“. Не смотря на оставляемыхъ въ Оренбургѣ заложниковъ и на плату, которую киргизы получали за провожаніе каравановъ по степи, они перѣдко сами же грабили караваны; но еще болѣе представляла опасностей для торговыхъ каравановъ Хива и ея обитатели; хивинцы, всегда склонные къ грабежу, даже нарочно засыпали ближайшіе къ караванному пути колодцы. Между тѣмъ Нурали, надѣясь на расположеніе Неплюева, позволилъ своимъ братьямъ отправиться для грабежа на аральцевъ и каракалпаковъ. Это обстоятельство еще больше озлобило хивинцевъ противъ русскихъ и киргизовъ. Хивинскій ханъ К а и п ъ запретилъ ходить своимъ караванамъ чрезъ аулы Нурали, который, влѣдствіе того, долженъ былъ лишиться пошлинныхъ доходовъ, собираемыхъ имъ рапьше съ провозимыхъ това-

ровъ. Озлобленный Н у р а л и разграбилъ одинъ изъ хивинскихъ каравановъ, а К а и п ъ задержалъ въ Хивѣ русскихъ купцовъ. Неплюевъ, опасаясь за подрывъ виѣшной торговли съ Средней Азіей, потребовалъ, чтобы Н у р а л и возвратилъ отнятые имъ у хивинцевъ товары; но ханъ возвратилъ только часть разграбленнаго имъ каравана. Вскорѣ въ Малой киргизской ордѣ явился другой ханъ въ лицѣ С у л т а н а-Б а т ы р я, избраннаго народомъ, вопреки желанію Неплюева. Новый ханъ былъ отцемъ хивинскаго хана Каипа; онъ сталъ заискивать расположеніе Неплюева и чрезъ него у Россіи, но Неплюевъ отклонилъ его домогательство, какъ соперника Нурали. избраннаго въ ханы по его желанію. Русское правительство, стараясь поддержать поставленнаго Неплюевымъ хана, дозволило, въ случаѣ грабежей и набѣговъ киргизовъ, задерживать на линіи тѣхъ изъ нихъ, которые, по указанію Нурали, будутъ одного рода съ грабителями, и не отпускать ихъ въ аулы до возвращенія похищеннаго ихъ однородцами. Нурали, воспользовавшись этимъ, нерѣдко изъ личной мести и ненависти указывалъ на своихъ враговъ, какъ на грабителей, тогда-какъ послѣдніе пріѣзжали изъ степи для мѣны товаровъ. Это еще больше озлобило киргизъ противъ Нурали и Неплюева, какъ его покровителя; хивинцы и бухарцы, пользуясь этою враждой, стали забирать торговлю въ свои руки. Братья Нурали хотѣли даже напасть на Хиву и просили у Русскаго правительства 10000 войска и артиллерію для покоренія Хивы; но правительство находило въ этомъ болѣе трудностей, чѣмъ пользы, и потому предоставило разрѣшеніе этой вражды на волю самихъ дѣтей Абуль-Хаира.

Между тѣмъ Неплюеву удалось склонить къ пріятію русскаго подданства хана Средней орды Абуль-Махмета, а весной 1743 г., благодаря заботамъ Неплюева, былъ освобожденъ изъ зюнгорскаго плѣна султанъ А б л а й, пользовавшійся большимъ вліяніемъ на киргизовъ Средней орды. Надѣясь на содѣйствіе этихъ лицъ, Неплюевъ и могъ рассчитывать на успѣшный ходъ торговли въ степи и пограничныхъ мѣстахъ съ русскими селеніями. Для развитія торговли въ Оренбургскомъ краѣ, Неплюевъ старался привлекать *русскихъ купцовъ и азіатцевъ*: „о первыхъ (говоритъ онъ въ своихъ „Запискахъ“) послалъ я во всѣ магистраты, увѣряя, что польза собственная ихъ изъ словъ моихъ будетъ свидѣтелемъ, а для *вторыхъ* писалъ я за границу грамоты, приглашая какъ кашгарцевъ, такъ хивинцевъ, ташкентцевъ и бухарцевъ къ торговлѣ, обнадѣживая и сихъ ихъ пользою. Въ сію посылку употреблялъ я магометанъ-татаръ слободы С е н т о в о й, и какъ сей народъ легко можетъ быть ослѣпленъ корыстію; то я сихъ татаръ и наградилъ изобильно и обнадѣжилъ, по исполненіи ихъ комиссіи, наградить еще болѣе, кои, получа первое и льстясь послѣднимъ, столь усердно по всѣмъ тѣмъ областямъ старались, что *съ 1745 г. знатный торгъ въ Оренбургъ возымѣлъ начало*, такъ-что я уже въ состояніи былъ, вмѣсто получаемыхъ отъ начала той Экспедиціи ежегодно 30000 р. изъ казны, содержать оную отъ доходовъ пошлинныхъ, а сверхъ того ввезено торгомъ въ Россію въ объявленіи слишкомъ 5000 р. сер., а болѣе того числа вошло, какое не было въ объявкѣ, и не мало золота, а пошлинный сборъ доходилъ до 50000 рублей въ годъ“.

X.

Заботы Неплюева о развитіи торговли Оренбургскаго края. — Мѣновая торговля въ Оренбургѣ и предметы мѣны русскихъ съ киргизами и башкирцами. — Начало мѣновой торговли въ Троицкой крѣпости. — Увеличеніе таможенныхъ сборовъ, выгоды казны и торговаго класса. — Заботы Неплюева о развитіи промышленности въ Оренбургскомъ краѣ. — Начало правильной разработки Илецкой соли и основаніе Илецкой Защиты. — Горнозаводская промышленность. — Ив. Борисовичъ Твердышевъ и отношеніе къ нему Неплюева. — Мѣдеплавильные и желѣзодѣлательные заводы въ Оренбургскомъ краѣ при Неплюевѣ. — Выгоды заводчиковъ и казны. — Минеральные богатства Оренбургскаго края, открытыя при Неплюевѣ.

Неплюевъ такъ умно велъ начатое имъ дѣло развитія торговли, что азіатскіе купцы: хивяны, бухарцы, сарты и другіе стали пріѣзжать въ Оренбургъ большими партіями, не смотря на всѣ трудности пути и опасности ихъ переезда чрезъ киргизскія степи. Самы киргизы охотно являлись въ Оренбургъ для мѣны русскихъ товаровъ на лошадей, верблюдовъ и др. скотъ, а въ 1743 г. между ними уже стали обращаться сукна, приготовляемыя на русскихъ фабрикахъ. До 1743 года мѣновой торгъ происходилъ въ Орской крѣпости, или первоначальномъ Оренбургѣ, а 26 августа того же года Сенатъ, вслѣдствіе особаго ходатайства Неплюева, дозволилъ перевести главную мѣновую торговлю въ настоящій Оренбургъ, въ Орской же крѣпости были оставлены только нераспроданные товары. Въ Оренбургѣ былъ устроенъ Гостиный дворъ со 150 лавками, а въ виду города, за Яикомъ, на степной сторонѣ — Мѣновой дворъ съ 148 амбарами и 344 лавками; Гостиный дворъ былъ назначенъ для зимней, а Мѣновой для лѣтней торговли съ киргизами и средне-азіатскими купцами. Вначалѣ лавки были деревянныя и небольшія, а по-

томъ въ 1748—1754 г., благодаря увеличенію торговыхъ оборотовъ, Пеплюевъ замѣнилъ ихъ новыми каменными, на постройку которыхъ было отпущено 63404 р. 80 коп. Въ новомъ видѣ Гостинный дворъ представлялъ форму четырехугольника въ 104 саж. и 2 четв. въ длину и 94 сажени въ ширину; онъ находился на Большой или Губернской (а нынѣ Николаевской) улицѣ, съ которой во внутренность двора вели ворота съ церковью, во имя Благовѣщенія Божіей Матери; на противоположной сторонѣ двора были другія ворота въѣздныя и надъ ними — куполообразная колокольня. Внутри двора помѣщалась *таможня*; всѣ лавки были сдѣланы со сводами и навѣсомъ, такъ-что никакая погода не могла препятствовать ходу торговли. Въ настоящее время Гостинный дворъ имѣетъ еще боковыя ворота, устроенныя послѣ большого пожара, бывшаго въ 1879 г. и уничтожившаго большую часть стараго Оренбурга; ворота же подъ церковью обращены въ кладовыя. Мѣновой дворъ также имѣлъ двое воротъ: одни были устроены со стороны Яика, а другія — въ степь; надъ первыми находилась квартира таможеннаго директора, а надъ вторыми помѣщалась пограничная таможня. Внутри Мѣноваго двора находился еще особый Азіатскій дворикъ, также съ двумя воротами, 98 лавками и 8 амбарами: по два амбара на каждомъ углу двора; надъ воротами, обращенными къ таможнѣ, была построена церковь, во имя Свв. Захарія и Елизаветы, существующая доселѣ. Мѣновой дворъ и теперь служить мѣстомъ главной торговли съ киргизами въ лѣтнее время. Самая дѣятельная мѣна товаровъ начиналась съ половины іюля и продолжалась до конца октября,

а иногда и до половины ноября, смотря по времени года и погодѣ. Въ это время сюда прѣзжало по нѣскольку сотъ и по тысячѣ человекъ въ день киргизовъ для мѣновой торговли.

Съ открытіемъ мѣновой торговли въ Оренбургѣ, башкирцы и киргизы научились цѣнить дѣйствительную стоимость мѣховъ и звѣриныхъ шкуръ, въ замѣнь которыхъ они могли получать разные предметы, необходимые въ ихъ быту или удовлетворяющіе вкусамъ восточной роскоши. Поэтому охота на звѣрей и птицъ, въ которыхъ тогда здѣсь не было недостатка, сдѣлалась любимымъ и наиболѣе распространеннымъ промысломъ между ними. Изъ Башкиріи шли въ Оренбургъ бобры, бѣлки, волки, зайцы, горностай, выдры, ласки, куницы, рысь, норки, лось, росомахи, медвѣжи мѣха и т. п., а изъ киргизскихъ степей — бабры⁽¹⁾, корсаки, дикія кошки, сурки, суслики и др. Яицкіе казаки доставляли сюда кабаньи туши и клыки, сайгаковъ, вязигу, клей, икру и рыбу, а съ Волги везли выхухоль. — Рычковъ свидѣтельствуетъ, что въ Оренбургъ ежегодно привозилось отъ 15 до 20 тысячъ однихъ волчьихъ шкуръ, отъ 40 до 50 тысячъ корсаковъ и отъ 30 до 40 тысячъ лисецъ. На основаніи этихъ цифръ можно отчасти судить, какъ велика была торговля звѣриными шкурами и мѣхами въ Оренбургѣ; не мало приносила выгодъ промышленникамъ и тор-

(1) Бабровъ не слѣдуетъ смѣшивать съ бобрами; нѣкоторые бабры, по свидѣтельству Рычкова, при небольшомъ ростѣ были длиною въ сажень и могли убить лошадь и даже верблюда. Бабръ составляетъ отродье тигровъ и видомъ походитъ на рысь или кошку; шерсть на немъ желтоватая съ полосками, глаза зоркіе, шея короткая, когти необыкновенно твердые, движенія быстры и сильны; бабровъ особенно много водилось въ камышахъ Аральскаго моря и по р. Сыръ-Дарьѣ.

говля лебяжьими шкурками, доставляемыми преимущественно изъ Гурьева городка, и нѣкоторыми породами птицъ, напр. ястребами, соколами и беркутами, которыхъ башкирцы и киргизы охотно вымѣнивали на свои товары, употребляя ихъ для охоты на волковъ, лисицъ, корсаковъ и др. звѣрей. Въ Оренбургѣ башкирцы также продавали оптомъ бортовой медъ и воскъ казанскимъ купцамъ, русскимъ и татарамъ; но главные предметы мѣновой торговли, безъ сомнѣнія, составляли скотъ и хлебъ, какъ существенныя потребности жизни. Въ періодъ времени съ 1745 по 1759 г., т. е., въ теченіе 14 лѣтъ, одни киргизы вывезли въ Оренбургъ 49697 лошадей и 253122 гол. рогатаго скота, что по тогдашнимъ тарифнымъ цѣнамъ стоило немного менѣе одного *милліона* рублей, или по настоящему курсу около 3 милліоновъ рублей; но и эти весьма значительныя цифры, вѣроятно, ниже дѣйствительныхъ, потому что количество вымѣниваемого скота въ таможенныхъ вѣдомостяхъ не всегда показывалось полнотью. Въ замѣнъ скота, киргизы получали разные чугуныя, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, а также—бархаты, парчи, сукна, шелковыя ткани, позументы, платки, ленты, выбойки, тесьму, зеркала, румяны, бѣлила, бисеръ, холстъ, юфть, табакъ и *особенно хлебъ*.

П. И. Рычковъ, какъ современникъ и очевидецъ, говоритъ, что вмѣстѣ съ бухарцами и хивинцами прїѣзжали въ Оренбургъ для торговли и другіе „*степныя народы*“, въ числѣ которыхъ бывали купцы и жители самыхъ отдаленныхъ городовъ Средней Азіи. Товары средне-азіатскихъ купцовъ состояли изъ простыхъ бумажныхъ и отчасти полушелковыхъ тканей, разнаго сорта парчей, полотенъ, черныхъ и сѣрыхъ бухарскихъ

овчинокъ. Кромѣ того, они привозили лапись-лазурь, широкія кисеи, бумажныя полотна и шелковыя матеріи индейскаго приготовленія. Изъ Ташкента вывозили: виноградъ, инспалу, винныя ягоды, яблоки, груши и другіе фрукты. Но первое мѣсто, по важности и цѣнности, между вывозимыми изъ Азіи предметами занимали серебро и золото. По смерти персидскаго шаха Надир а, его сокровища, разграбленныя Тохла съ-Кули-Ханомъ, разошлись почти по всей Средней Азіи и въ такомъ огромномъ количествѣ, что не только хивинскіе и бухарскіе купцы, но и простые киргизы пріѣзжали въ русскія пограничныя крѣпости и на Мѣповой дворъ въ Оренбургъ съ мѣшками, наполненными рупіями ⁽¹⁾ и другими восточными монетами или слитками изъ нихъ, такъ-что изъ Оренбурга доставлено было въ Государственное казначейство одними абасами до 6000 п. чистаго серебра ⁽²⁾; не мало было вывезено и такъ называемаго коньтчататаго серебра. Съ 1748—1755 г. вывезено изъ Азіи въ Оренбургъ и объявлено въ таможи, большею частію въ персидской, индѣйской и бухарской монетѣ: золота 55 пуд. и серебра 4600 пуд., что по тогдашней цѣнѣ на золото и серебро равнялось 4.112.000 рублей.

Изъ вышеприведенныхъ цифръ и фактовъ видно, что Неплюевъ прочно поставилъ торговлю съ средне-азіатскими народами въ Оренбургъ; но Оренбургъ не былъ единственнымъ мѣстомъ мѣновой торговли съ нашими восточными сосѣдями: съ 1750 г. былъ открытъ мѣновой торгъ и въ Троицкой крѣпости (нынѣ уѣздный городъ Оренбургской губерніи). Чтобы не подорвать главнаго торговаго въ Оренбургъ, Неплюевъ при-

(1) Рупія равнялась тогда 40 коп. на наши деньги.

(2) 6000 пуд. серебра, по тогдашней цѣнѣ, равнялись 4.838.400 руб.

казалъ всѣхъ средне-азіатскихъ купцовъ, которые будутъ пріѣзжать въ Троицкую крѣпость, отсылать для распродажи ихъ товаровъ въ Оренбургъ; въ Троицкой же крѣпости могла производиться мѣна товаровъ только съ купцами Средней киргизской орды. Вскорѣ Троицкая крѣпость получила значеніе большого торговаго рынка, благодаря тому, что киргизы Средней орды были богаче и менѣе склонны къ мятежамъ и грабежу. Для мѣновой торговли, здѣсь также былъ выстроенъ особый дворъ, имѣвшій до 600 лавокъ и амбаровъ, и при немъ учреждена таможня съ директоромъ и чиновниками.

Приглашеніе Неплюевымъ для торга въ Оренбургъ русскихъ купцовъ также не осталось безплоднымъ: на его зовъ прибыло нѣсколько купцовъ изъ Ростова, Тулы, Симбирска и Казани. Ростовскій купецъ Дюковъ открылъ въ Оренбургѣ рыбную торговлю, а симбирскій мѣщанинъ Н. В. Твердышевъ, сдѣлавшійся потомъ, какъ увидимъ, самымъ предприимчивымъ заводчикомъ, завелъ большую торговлю желѣзомъ. По слѣдамъ Дюкова и Твердышева пошли купцы: Иванъ Полуярославцевъ, Андрей Евреиновъ, Данилъ Земскій, Василій Макаровъ и другіе купцы изъ внутреннихъ городовъ Россіи. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ и трудамъ Неплюева, торговля Оренбургскаго края съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширялась, что, между прочимъ, ясно доказывается постепеннымъ ростомъ таможенныхъ пошлинъ. До Неплюева, какъ мы видѣли, пошлинный сборъ не превышалъ 3872 руб. 39 $\frac{1}{4}$ коп., тогда какъ при немъ онъ не былъ менѣе 44188 руб. 61 $\frac{3}{4}$ коп., а въ 1751 г. возросъ до 85123 руб. 84 $\frac{1}{2}$ коп. Начиная съ 1742 г., когда Неплюевъ прибылъ въ Оренбургъ

скій край, и до 1754 г. общая сумма пошлиннаго сбора равнялась почти 400000 руб. (а именно: 398911 руб. 93³/₄ коп.), такъ-что всего, кромѣ золота, серебра и дорогихъ каменьевъ, въ теченіе 12 лѣтъ было промѣняно товаровъ на 8 милліоновъ рублей, или въ среднемъ выводѣ почти на 700000 руб. ежегодно. Но, принося такіе доходы казнѣ, оренбургская торговля доставляла еще больше выгодъ русскимъ купцамъ: сначала они получали до ста процентовъ, или рубль на рубль; послѣ прибыль хотя и уменьшилась, вѣдствие увеличенія торговаго класса, но все-таки при Неплюевѣ не была менѣе 40 коп. на рубль. Такъ умѣлъ оживить и развить торговлю въ этомъ разоренномъ и запустѣломъ краѣ умный и трудолюбивый Неплюевъ!—Блестящіе успѣхи внѣшней торговли Оренбургскаго края съ средне-азіатскими народами подали Неплюеву надежду на возможность дальнѣйшаго ея развитія въ глубь Азій: онъ составилъ обширный проэктъ о торговлѣ Россіи съ Индіей; но этому смѣлому проэкту не дали дальнѣйшаго хода, что не мало огорчало Неплюева.

Не менѣе плодотворна была дѣятельность Неплюева и въ отношеніи развитія промышленности въ Оренбургскомъ краѣ. Самыми прибыльными и распространенными промыслами въ краѣ были с о л я н ы е п р ы б ы е, на которые Неплюевъ и обратилъ должное вниманіе; при немъ, между прочимъ, было положено начало правильной разработкѣ И л е ц к о й соли. Въ 1744 г. онъ командировалъ для осмотра залежей этой соли майора К у б л и ц к а г о, который произвелъ пробу соли въ 53 мѣстахъ на саженой глубинѣ. Въ слѣдующемъ году для той же цѣли былъ отправленъ англичанинъ И н н и с ъ, служившій полковникомъ

въ Ревельскомъ драгунскомъ полку, а съ 1754 г. И л е ц к а я соль поступила въ вѣдѣніе казны. За разработку И л е ц к о й соли взялся сотникъ Оренбургскаго казачьяго войска Алексѣй У г л и ц к і й, обязавшись доставлять её въ казну ежегодно въ количествѣ 50000 пудовъ по 6 коп. съ пуда. Кромѣ того, У г л и ц к і й долженъ былъ на мѣстѣ добыванія соли построить на свой счетъ, при содѣйствіи инженеровъ, небольшую крѣпость съ баттарейми для пушекъ, казармы для гарнизона, нѣсколько покоевъ и провіантскій магазинъ, доставлять осенью и зимой дрова и возить изъ Оренбурга провіантъ на своихъ подводахъ. Такимъ образомъ въ Киргизской степи возникло новое укрѣпленіе—И л е ц к а я З а щ и т а, куда была переведена рота А л е к с ѣ е в с к а г о пѣхотнаго полка въ полномъ комплектѣ; для религіозныхъ нуждъ солдатъ и рабочихъ, которыхъ бывало ста по два и болѣе, построена была церковь и къ ней опредѣленъ особый причтъ.—Казна, получавшая раньше отъ И л е ц к о й соли ничего, имѣла теперь отъ нея до 15 тысячъ годоваго дохода. Не мало сдѣлалъ полезнаго Неплюевъ и для улучшенія рыболовства по р. Янку, настоявъ, чтобы все нижнее теченіе ея было отдано въ безраздѣльное владѣніе Янцкаго войска, при чемъ войско получило право уничтожить Гурьевскіе учуги, мѣшавшіе раньше входу рыбы изъ моря въ Янкъ⁽¹⁾, и рыбачить въ сѣверной части Каспійскаго моря на протяженіи почти ста одиннадцати съ половиной верстъ, пачиная отъ П о р о х о в а г о бугра до р. С о к о л к а. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность Неплюева въ отношеніи раз-

(1) См. выше стр. 96.

витія горнозаводской промышленности въ Оренбургскомъ краѣ, *гдѣ до него не было ни одного завода.*

Въ инструкціи, данной Кириллову при его отправленіи въ Оренбургскую экспедицію, было сказано, чтобы онъ особенно старался „о сыскѣ рудъ и минераловъ и о заведеніи заводовъ“. По прибытіи въ Уфу, Кирилловъ узналъ о богатыхъ рудныхъ залежахъ въ окрестностяхъ Табынска, и положилъ устроить здѣсь мѣдеплавильный заводъ, поручивъ это дѣло балахонскому купцу Ивану Утятникову. Въ десяти верстахъ отъ Табынской крѣпости, на р. Воскресенскѣ, у подошвы Воскресенской горы, въ 1736 году былъ застроенъ Воскресенскій заводъ и дѣло уже близилось къ концу; но начавшійся среди башкиръ бунтъ помѣшалъ его окончанію: башкиры въ 1737 г. разрушили возведенныя зданія завода, а смерть Кириллова „сіе намѣреніе и вовсе уничтожила“. Ближайшіе преемники Кириллова должны были обратить все свое вниманіе на усмиреніе башкиръ и устройство края въ отношеніи его безопасности, такъ-что до Неплюева ничего не было сдѣлано по устройству заводовъ и развитію горнозаводской промышленности въ Оренбургскомъ краѣ. Между тѣмъ внѣшнее и внутреннее состояніе Россіи въ это время требовало того, чтобы, не истощая денежныхъ средствъ казны, содѣйствовать развитію производительныхъ и природныхъ силъ государства: поэтому было позволено разрабатывать руды частнымъ лицамъ. Не смотря на неблагопріятныя условія для горнозаводской промышленности въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ частныхъ капиталистовъ не было, Неплюевъ приступилъ къ дѣлу, избравъ себѣ помощникомъ Ивана Борисовича Твердышева, весьма дѣятельнаго, трудолюбиваго и честнаго человека.

И. Б. Т в е р д ы ш е в ъ былъ симбирскій купецъ. Онъ началъ свое промышленное дѣло въ мѣщанскомъ званіи съ торговли мясомъ. Въ то время, когда Неплюевъ познакомился съ Твердышевымъ, послѣдній жилъ въ Симбирскѣ, будучи уже купцомъ, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свою честность и нелицемѣрное желаніе быть полезнымъ обществу. Неплюевъ предложилъ ему поставку провіанта въ Оренбургъ, что Твердышевъ выполнилъ съ рѣдкою добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, сдѣлавъ притомъ уступку въ 20000 руб. противъ казанскихъ поставщиковъ. Узнавъ о намѣреніи Неплюева положить начало горнозаводской промышленности въ Оренбургскомъ краѣ, Твердышевъ изъявилъ желаніе и готовность заняться горнымъ дѣломъ, если только казна отдастъ ему и позволить возобновить разрушенный башкирцами мѣдеплавильный В о с к р е с е н с к і й заводъ. Благодаря ходатайству Неплюева, Твердышевъ получилъ право на возобновленіе Воскресенскаго завода, обязавшись уплатить казнѣ 565 руб. 79³/₄ коп. и устроить заводъ въ теченіе трехъ лѣтъ, подъ опасеніемъ за неустойку штрафа въ 500 рублей. Но Твердышевъ, благодаря опытности и умѣнью уживаться съ башкирцами, окончилъ постройку завода въ одинъ годъ, при содѣйствіи своихъ братьевъ (Якова и Петра) и симбирскаго купца Ивана М я с н и к о в а; впрочемъ Твердышевъ избралъ для устройства завода новое мѣсто, верстъ на 90 выше Табынска на р. Т о р ь, впадающей въ р. Н у г у ш ь, правый притокъ р. Бѣлой.

Представляя дѣло объ отдачѣ Твердышеву Воскресенскаго завода въ Сенатъ, Неплюевъ изложилъ планъ и дальнѣйшаго развитія горнаго дѣла въ Оренбург-

скомъ краѣ. Главнымъ благопріятствующимъ условіемъ для развитія горнаго дѣла, Неплюевъ считалъ право на занятіе горнозаводской промышленностью частныхъ лицъ, причемъ каждый заводчикъ долженъ былъ имѣть землю и лѣсъ для поселенія рабочихъ. Благодаря этому, Т в е р д ы ш е в ъ получилъ такое богатство лѣсовъ, что пространство, занимаемое ими, будучи раздѣлено по 50 годовыхъ лѣсосѣкъ, могло на полвѣка обезпечить существованіе пріобрѣтеннаго имъ Воскресенскаго завода. Для обработки рудъ, по расчету на каждую тысячу пудовъ мѣди, было приписано 50 дворовъ, полагая по четыре человѣка на каждый дворъ. Въ казну должна была поступать $\frac{1}{10}$ часть всѣхъ доходовъ. Для охраненія заводовъ отъ разбойническихъ набѣговъ и грабежей, заводовладѣльцы обязывались содержать военный отрядъ, командиръ котораго назначался начальникомъ Оренбургскаго края; кромѣ того, заводчикъ могъ имѣть для рабочихъ людей собственное оружіе и отъ 10 до 25 пудъ пороку. Чтобы частные заводчики не могли злоупотреблять довѣріемъ къ нимъ правительства, Неплюевъ приказалъ записывать въ особыя шпуровыя и скрѣпленныя за печатью книги количество выплавленной на заводѣ мѣди; въ случаѣ перадрѣнія объ интересахъ казны, заводчикъ лишался всего своего имуществва, которое отбиралось въ казну, а заводъ передавался въ другія болѣе надежныя руки. Количество мѣди, которое по условію должно было поступать въ казну, заводчики обязывались доставлять въ Оренбургъ на своихъ подводахъ.

Опытъ показалъ, что Неплюевъ не ошибся, ввѣривъ горнозаводское дѣло Т в е р д ы ш е в у предпочтительно передъ Д е м и д о в ы м ъ, О с о к и н ы м ъ и дру-

гими лицами, желавшими получить отъ казны *Воскресенскій* заводъ, на которомъ было устроено *Т в е р д ы ш е в ы м ъ* семь плавильныхъ печей съ гармахерскими горнами. Вслѣдъ за Воскресенскимъ заводомъ стали открываться и другіе; въ теченіе пяти лѣтъ (1748—1753 г.) *Т в е р д ы ш е в ъ*, въ компаніи съ своимъ землякомъ *Ив. Мясниковымъ*, устроилъ еще ч е т ы р е мѣдеплавильные завода: въ 1748 году — *Преображенскій* на р. Урманъ - Алаирѣ (притокъ Сакмары); въ 1751 г. — *Богоявленскій* на р. Барметѣ, впадающей въ Зиганъ (притокъ Бѣлой); въ 1752 году — *Архангелогородскій* на р. Акъ-Сымѣ (притокъ Бѣлой); и въ 1753 г. — *Верхоторскій* на р. Торѣ, впадающей въ Нугушъ, правый притокъ р. Бѣлой. Примѣръ Твердышева увлекъ и другихъ: тульскіе заводчики братья (*Иванъ* и *Максимъ*) *Мо с о л о в ы* построили въ 1751 г. на р. Капѣ (притокъ Бѣлой) *Капо-Никольскій* мѣдный заводъ; въ томъ же году симбирскій купецъ *Матвѣй Мясниковъ* на р. Укашлѣ, въ 38 в. отъ Уфы, основалъ *Благовѣщенскій* заводъ; въ 1752 г. тульскіе купцы братья *Красильниковы* (*Григорій*, *Иванъ* и *Петръ*) на р. Шаранѣ, впадающей въ Сюнь (притокъ Ика) построили *Архангельскій* мѣдный заводъ; симбирскій купецъ *Герасимъ Глазовъ* на р. Кичуѣ, впадающей въ р. Шешму (притокъ Камы), положилъ основаніе *Богословскому* заводу, а балахонскій купецъ *Ив. Осокинъ* на р. Кндашѣ (притокъ Большаго Ика, впадающаго въ Каму) устроилъ *Троицкій* мѣдеплавильный заводъ.

Въ то время, когда горнозаводская промышленность въ Оренбургскомъ краѣ, благодаря заботамъ *Неплюева* и трудолюбію *Твердышева*, стала быстро развиваться, правительство распорядилось командиро-

вать въ Башкирію человека, хорошо знающаго горное дѣло, для ознакомленія съ рудными и минеральными богатствами края, съ цѣлію заведенія казенныхъ заводовъ. Изъ Екатеринбурга былъ командированъ для этого бергъ-геншворенъ Петръ Степановъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ горныхъ служителей. Неплюевъ, узнавъ о томъ, представилъ въ Сенатъ особое мнѣніе, стараясь доказать, что развитіе горнаго дѣла на счетъ казны не выгодно для правительства и, кромѣ того, можетъ вызвать недовольство среди башкиръ. Сенатъ, не смотря на протестъ Бергъ-Коллегіи, согласился съ мнѣніемъ Неплюева и 13 октября 1753 г. постановилъ: *казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ въ Оренбургскомъ краѣ не заводить, а стараться о размноженіи частныхъ заводовъ, устройство которыхъ должно происходить по добровольному соглашенію заводчиковъ съ башкирцами. Въ слѣдующемъ году было подтверждено дозволеніе, въ силу котораго въ Оренбургской губерніи каждый могъ искать руды на казенныхъ и частныхъ земляхъ и строить заводы, по предварительномъ сношеніи съ горнымъ начальствомъ. Такимъ образомъ, благодаря заступничеству Неплюева, частные люди получили полную свободу въ развитіи горнаго дѣла. Воспользовавшись этимъ, графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ въ 1754 г. въ верховьяхъ Большаго Ика (притокъ Камы) и Малаго Ика (притокъ Сакмары) устроилъ Покровский мѣдный заводъ, а его братъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ въ то же время основалъ три завода на рѣчкахъ Курпутъ и Урѣскъ; генераль-прокуроръ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ получилъ дозволеніе построить заводъ на рѣчкахъ Тувлѣ, Шермянкѣ, Ер-*

кулѣ и Сыпѣ, а графъ Карлъ Евѣимьевичъ фонъ-Сиверсъ основанъ *Вознесенскій* мѣдеплавильный заводъ на р. Иргизлѣ, впадающей въ р. Бѣлую.

Все вышепоименованные заводы были мѣдеплавильные; изъ нихъ 15 находились въ дѣйствиіи еще при Неплюевѣ, а 3 были только проектированы. Между тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ Башкиріи, особенно на Сибирской дорогѣ, пайдены были богатые залежи желѣзныхъ рудъ, обработка которыхъ обѣщала бѣольшія выгоды, чѣмъ выплавка мѣди, почему заводчики и обратили преимущественное вниманіе на добываніе и выдѣлку желѣза. Въ 1746 году тульскій купецъ Коробковъ основалъ на истокѣ Кургулакѣ, или Каслинскомъ, въ Исетской провинціи, въ 150 верстахъ отъ Екатеринбурга и въ 90 вер. отъ Челябинска, *Каслинскій* желѣзный заводъ, проданный впослѣдствіи Никитѣ Демидову. Въ 1747 году въ Уфимской провинціи на р. Назѣ, впадающей въ р. Уфу, Петръ Сококинъ построилъ *Назе-Петровский* желѣзный заводъ, перешедшій потомъ къ тульскимъ купцамъ Мосоловымъ и проданный ими тому же Демидову, которому также принадлежалъ и *Гинтимскій* желѣзный заводъ на р. *Гинтимѣ* (прав. притокъ Уфы), въ 20 верстахъ отъ Каслинскаго завода. Въ 1751—1754 г. братья Иванъ и Василій Порфирьевичи Мосоловы устроили *Златоустовскій* чугунно-литейный и мѣдеплавильный заводъ, представляющій въ настоящее время образцовое заведеніе горнозаводской промышленности. Первоначально заводъ этотъ назывался „*Косотуръ*“, а потомъ по церкви трехъ свв. Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, сталъ называться Златоустовскимъ; сначала онъ былъ застроенъ на рѣчкахъ Саткѣ и Кувашѣ, но вслѣдствіе недостатка воды въ этихъ рѣчкахъ

былъ перенесенъ на р. Ай (притокъ Уфы) ⁽¹⁾. Выгоды отъ добыванія и обработки желѣза обратили на себя вниманіе и высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ: графъ А. С. Строгановъ строитъ два желѣзные завода: *Троицкій*, или *Саткинскій* на р. Саткѣ (притокъ Ая) и *Артинскій* на р. Артѣ (притокъ Уфы); графъ П. И. Шуваловъ, въ компаніи съ коллежскимъ ассесоромъ Козьмою Матвѣевымъ, основалъ въ 1754 г. желѣзные заводы: *Авзяно-Петровский*, *Нижне-Авзянскій*, а также на рѣчкахъ Кагѣ, Зиганѣ и Шипенягѣ. Въ 1757—1758 годахъ возникаютъ желѣзные заводы Твердышева и Мясникова: *Катавъ - Ивановскій* и *Юрюзенскій*; Твердышевъ также положилъ основаніе заводамъ: *Симскому*, *Бѣлорѣцкому*, *Тирляискому* и *Минскому*.

Такимъ образомъ въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ до Неплюева не было ни одного завода, въ теченіе шестнадцати лѣтъ его управленія краемъ, было заведено и открыто 28 заводовъ, кромѣ 3 проектированныхъ; изъ 28 заводовъ—*льдеплавильныхъ* было 15, а *железодѣлательныхъ* 13; при всѣхъ заводахъ числилось 2250 дворовъ, 11 храмовъ, 7 доменъ, 13 горновъ, болѣе 56 печей и свыше 70 молотовъ для расковки желѣза. Сначала Оренбургскіе заводы находились въ вѣдѣніи Оренбургской губернской канцеляріи, а потомъ въ 1754 г. въ Уфѣ было учреждено Оренбургское Горное Правленіе, въ вѣдомство котораго и перешли всѣ заводы края, кромѣ *Верхне - Сергинскаго*, *Нижне - Сергинскаго*, *Каслинскаго*, *Кинштымскаго* и *Пазе-Петровскаго*, подчиненныхъ Главному Горному Правленію въ Екатеринбургѣ. Устройство заводовъ, безъ сомнѣнія, требо-

(1) 26 ноября 1865 г. Златоустовскій заводъ переименованъ въ уездный городъ Уфимской губерніи и въ настоящее время находится въ вѣдѣніи Министерства Госуд. Имуществъ и Уральскаго Горнаго Правленія въ Екатеринбургѣ.

вало большаго количества рабочихъ рукъ, и потому способствовало заселенію края. Одни изъ крестьянъ внутренней Россіи, надѣясь на выгодный заработокъ, переселялись сюда добровольно, другіе же шли на заводы по желанію ихъ владѣльцевъ—заводчиковъ, но особенно заводы сдѣлались притономъ для бѣглыхъ, незаконнорожденныхъ и непомнящихъ родства. Заводы, устроенные частными лицами, доставляя выгоды казнѣ, были еще прибыльнѣе для ихъ содержателей: Мясниковы, имѣвшіе на себѣ при открытіи заводовъ въ 1756 г. до полмилліона рублей долгу, въ теченіе 28 лѣтъ приобрѣли 8000 душъ крестьянъ, построили нѣсколько заводовъ, уплатили весь долгъ и скопили еще *два съ половиной милліона рублей чистаго капитала*. Каждый заводчикъ съ 10 пудъ выплавленной имъ мѣди получалъ чистой прибыли 50 руб., или 5 руб. на пудъ мѣди. При такихъ барышѣхъ, когда 100 руб. давали прибыли еще 400 или 500 руб., можно было легко наживать и милліоны.

Кромѣ богатыхъ залежей мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ, вызванныхъ изъ пѣдръ земли Твердышевымъ и его послѣдователями, при живомъ содѣйствіи Неплюева, въ Оренбургскомъ краѣ оказалось не мало и простыхъ каменныхъ породъ, обработка которыхъ также началась при Неплюевѣ и доставляла значительныя выгоды мѣстному населенію. Недалеко отъ Оренбурга добывали плитной камень, употреблявшійся на строеніе крѣпостей и зданій въ самомъ городѣ; особенной доброкачественностью отличался камень, который брали въ 22 верстахъ отъ Оренбурга, при урочищѣ Гребеняхъ. Въ 5 верстахъ отъ Оренбурга, находилось много извести, а въ Гребеняхъ даже были устроены

известковые заводы, гдѣ на жженіе извести шель плитной камень. Около Татищевой крѣпости брали мѣлъ, близъ Озерной—алебастръ: въ вершинѣ р. Бабай въ Мякотинской волости добывали слюду, которая также встрѣчалась въ горѣ Гирьяль, между Ильинской и Верхне-озерною крѣпостями, и въ Чалджаутской волости, межъ озеръ Иреляша и Уялей. По берегамъ многихъ рѣкъ, въ горахъ и на равнинахъ Башкиріи находили разноцвѣтные камни: мраморъ, хрусталь, яшму, агаты, тумасы и др., большими и малыми штуками. Изъ Петербурга были присланы въ Башкирію особые каменотесцы, которые собирали различные камни и, обдѣлавъ ихъ по даннымъ моделямъ, присылали ихъ въ Оренбургскую канцелярію, откуда они были отправляемы зимой на Петергофскую точильную мельницу. Богатство глины въ Оренбургскомъ краѣ дало возможность устроить нѣсколько кирпичныхъ заводовъ, доставлявшихъ матеріалъ для постройки городскихъ зданій и кладки печей; особенно славилась кизильская, губернская, чебаркульская и увельская глины, отличавшіяся огнеупорностью. Неплюевъ приказалъ доставить ему разные сорта глины и отправилъ ихъ для пробы въ Петербургъ, гдѣ чебаркульская глина была признана за лучшую и годную для выдѣлки фарфора, а увельская глина оказалась лучше даже чебаркульской: изъ пуда этой глины можно было получить два кирпича самого чистаго фарфора вѣсомъ въ 5 фунтовъ. Въ 1752 г. изъ Петербурга былъ присланъ промывальщикъ порцелейной фабрики, который подъ руководствомъ бергъ-мейстера Виноградова и занялся промывкою глины.

Благодаря заботамъ Неплюева, извлечены были изъ земли и другія минеральныя богатства: на Сибир-

ской дорогѣ при р. Симѣ, въ Кудейской волости, и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ найдено достаточно селитры; а въ горахъ Айлинской волости переводчикъ Уразлинь открылъ квасцы; докторъ Риндербъ около села Кислянского въ Окуневскомъ уѣздѣ нашелъ купоросныя воды, по р. Соку (притокъ Волги), близъ Сергіевскаго городка, было много сѣры; неподалеку отсюда были указаны и нефтяныя ключи. Заботясь о широкомъ развитіи промышленности, Неплюевъ постарался найти охотниковъ и для обработки стекла,—при немъ въ Исетской провинціи было устроено два стекольные завода: одинъ на р. Духовкѣ въ 23 в. отъ Исетска, а другой въ 15 верст. отъ него же на р. Юзѣ; первый принадлежалъ челябинскому купцу Аонасыю Битюгову, а второй челябинскому же купцу Θεодору Токареву съ братьями. Въ семи верстахъ отъ Исетска, на р. Боровкѣ, Аонасій Битюговъ также устроилъ шляпную фабрику, а въ 78 верст. отъ Исетска, на р. Осиновкѣ, графъ П. И. Шуваловъ завелъ винокуренный заводъ. Кромѣ того, при Неплюевѣ жители Оренбургскаго края научились готовить спиртъ изъ молока и сыворотки для домашняго употребленія, а изъ крапивы пряли нитки и ткали холстъ. Столь извѣстныя издѣлія изъ козьяго пуха, какъ оренбургскіе пуховые платки, также получили свое начало при Неплюевѣ, благодаря содѣйствію П. И. Рычкова. Въ южныхъ мѣстахъ губерніи были сдѣланы опыты разведенія хлопчатой бумаги, при помощи хивинцевъ, бухарцевъ и ташкентцевъ, чѣмъ также занимались и татары Каргалинской или Сентовой слободы, основанной въ 18 верст. отъ Оренбурга, при впаденіи р. Каргалы въ Сакмару, въ 1755 году и заселенной ка-

запскими татарами, во главѣ съ Сентомъ Хаялиннымъ.

Цѣна бумажнаго хлопка въ Оренбургѣ при Неплюевѣ была отъ 10 до 15 коп. въ сыромъ видѣ и отъ 30 до 40 коп. въ пряжѣ. При Неплюевѣ были также найдены во многихъ мѣстахъ Оренбургской губерніи разнаго цвѣта краски: крестьяне Карачевского форпоста Скородумовы нашли синюю краску, похожую на брусковую, на р. Бердяшѣ и на правомъ берегу р. Синары; при Троицкомъ Раваиловѣ монастырѣ добывали краску умбру; около Сергіевска—охру; на берегу р. Эрезеня, въ Мурзаларской волости на Сибирской дорогѣ, переводчикъ Уразлинъ нашелъ красную краску, а между р. Сима и Эрезеня въ Кудейской волости имъ же открыта синяя краска; при деревнѣ Ильинной, въ 31 в. отъ Исетска, на р. Юрумѣ была найдена лазоревая краска, на подобіе кубовой.

Неплюевъ, такъ усердно трудившійся надъ благоустройствомъ Оренбургскаго края, былъ вызванъ въ Петербургъ и награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а Государыня Елизавета Петровна лично изволила благодарить Неплюева въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Знано пріятно есть слышать Намъ о мирѣ и устроеніи Нашего Оренбургскаго края и о твоёмъ, губернаторъ, многомъ радостіи, за что Мы тебя благодарствуемъ, ты же, губернаторъ, поздравь отъ Нашего имени всѣ генералыныя и нижніе чины губерніи и всѣхъ тамошнихъ жителей съ наступающимъ нововожденнымъ 1754 годомъ“. Неплюевъ, исполненный чувства благодарности къ Государынѣ за признаніе его заслугъ, отправилъ изъ Петербурга, гдѣ онъ находился въ то время, поручика Утяева, вручивъ

ему письмо ко всѣмъ жителямъ Оренбургской губерніи. Утяевъ, по прибытіи въ Оренбургъ, долженъ былъ передать письмо Неплюева въ Оренбургскую канцелярію, которой было предписано распорядиться, чтобы въ первый же воскресный или праздничный день письмо было прочитано въ Оренбургѣ, послѣ литургіи въ соборномъ храмѣ, а потомъ „объявить по городу съ барабаннымъ боемъ, при изрядномъ играніи на трубахъ, что учинить на Уфѣ и прочихъ городахъ и по крѣпостямъ“. Въ этомъ письмѣ Неплюевъ, поздравляя оренбургскихъ жителей съ новымъ годомъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: *„Видите и поучайтесь, koliko есть благо служить вѣрно Царю! кто служитъ вѣрно Царю, тотъ и Богу вѣрно служитъ; отъ Царя и отъ Бога двойную мзду пріемлетъ равномерно. Будемъ же и впредь служить вѣрно, яко долженствуетъ вѣрнымъ Ея Императорскаго Пресвѣтлаго Величества рабамъ служить, и за Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшую Государыню нашу Елизавету Петровну о Ея высокомъ здравіи Бога молить, и за то насъ и Богъ помилуетъ и Великая Государыня, матерински пекущаяся о насъ, насъ рабовъ своею Высокою милостію не оставитъ: ибо за нею усердная служба не пропадетъ никогда во вѣки“*.

Письмо было доставлено У т я е в ы м ъ по назначенію, и прочитано въ соборной церкви въ Оренбургѣ съ торжественной обстановкой. Всѣ были довольны и рады; никто и не подозрѣвалъ, что русскому населенію Оренбургскаго края угрожала страшная опасность со стороны башкиръ, возставшихъ, какъ увидимъ сейчасъ, подъ руководствомъ мещерякскаго муллы Б а т ы р ш и А л ѣ е в а. Перейдемъ теперь къ краткому изложенію башкирскаго бунта при Неплюевѣ.

XI.

Башкирскій бунтъ въ 1755 г. и его руководитель мулла Батырша Алѣевъ. — Намѣренія и воззваніе Батырши къ магометанамъ. — Содѣйствіе замысламъ Батырши татарскихъ муллъ. — Начало бунта и его распространеніе. — Затруднительное положеніе Русскаго правительства. — Мѣры, принятыя Неплюевымъ къ потушенію мятежа. — Бѣгство башкиръ въ киргизскія степи, ссора съ киргизами, междоусобная рѣзня и поимка Батырши — Представленіе Сулеймана Деваева Императрицѣ, его смерть, награжденіе сына Деваева и старшины Яныша Абдуллина. — Основаніе Зелаирской крѣпости и составъ Зауральскаго дистрикта. — Попытка Батырши къ побѣгу и смерть его. — Общій взглядъ на заслуги Неплюева для Оренбургскаго края и назначеніе на его мѣсто Давыдова.

Въ то время, когда Оренбургскій край казался устроеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ и когда его обитатели, занимаясь промыслами и торговлей, стали уже забывать о междоусобной рѣзнѣ русскихъ и башкиръ, — словомъ, когда, повидимому, все обстояло благополучно, — среди башкирцевъ начался мятежъ, во главѣ котораго находился мецеракскій мулла Абдулла Мязгильдинъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ Батырши Алѣева. По свидѣтельству Неплюева, Батырша былъ человѣкъ хитрый, отличавшійся умомъ и непримиримою ненавистью къ русскимъ; ему было въ это время около 46 л. отъ роду; по наружному виду Батырша былъ средняго роста, смуглолицъ, сухощавъ и безбородый отъ природы. Получивъ первоначальное образованіе въ Каннской волости отъ одного муллы и продолжая потомъ усердно заниматься изученіемъ магометанской религіи, Батырша считался однимъ изъ ученѣйшихъ муллъ въ Башкиріи, почему собственно и получилъ прозваніе Мязгильдина. Проживая въ разныхъ деревняхъ, онъ занимался обученіемъ дѣтей, въ духѣ магометанской вѣры, совершалъ богослуженіе и училъ народъ

читать Магомета и его послѣдователей. Проповѣди Батырши доставили ему славу ученаго, съ которымъ многіе татарскіе муллы не осмѣливались даже вступать въ споръ. Задумавъ мятежъ башкиръ противъ русскихъ, Батырша такъ ловко повелъ свое дѣло, что планъ его заговора былъ открытъ только въ то время, когда онъ уже приступилъ къ его выполненію. Б а т ы р ш а задумалъ страшное дѣло: онъ *вознамерился поднять весь магометанскій міръ противъ русскихъ*. Одноплеменность башкиръ и татаръ, сходство ихъ обычаевъ и языка съ киргизами и другими инородцами Оренбургскаго края ручались за успѣхъ дѣла. Самый бунтъ облакался знаменемъ борьбы за вѣру Магомета, будто бы поруганную русскими. Батырша началъ готовить все инородческое населеніе края къ бунту съ 1754 г., разъѣзжая по всей Башкирской степи своимъ проповѣдямъ; въ то же время онъ киріи и подпослалъ воззваніе къ казанскимъ татарамъ и киргизамъ, приглашая ихъ дѣйствовать за одно, сообщая, — и тѣ, и другіе изъявили готовность помогать башкирцамъ. *Предположено было произвести общую резню русскихъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Оренбургской, Самарской и Казанской*. Когда все было готово для начатія мятежа, Б а т ы р ш а отъ своего имени написалъ воззваніе къ магометанамъ, въ которомъ яркими и привлекательными красками обрисовалъ то положеніе, когда магометане еще не были подъ властію русскихъ, и въ противоположность этому изобразилъ мрачную картину ихъ состоянія въ зависимости отъ русской власти.

Онъ писалъ, между прочимъ, въ своемъ воззваніи, что многіе магометане принимаютъ христіанскую вѣру противъ желанія, вслѣдствіе притѣсненій со стороны русскихъ; что русскіе нарочно стараются поселять

между башкирцами ссоры и вражду; что поэтому нужно отстать отъ союза съ ними, защищать правовѣрныхъ и убивать русскихъ: что настало время, когда нужно готовить сабли, копья, луки, стрѣлы и ружья, чтобы выгнать всѣхъ русскихъ изъ Башкиріи. Батырша также старался убѣдить башкирцевъ, что достигнуть этого легко, потому что за нихъ—Богъ, что русскіе—трусы и что въ Астрахань изъ Турціи пришли сильныя войска, для умерщвленія русскихъ. Батыршѣ дѣятельно помогали татарскіе муллы, которые, разсѣявшись повсюду, проповѣдывали, что каждый правовѣрный магометанинъ долженъ въ защиту своей вѣры взять оружіе; что, даже въ случаѣ пораженія, они не должны унывать, потому что всѣмъ павшимъ въ бою за вѣру Магометъ обѣщаль отпущеніе грѣховъ. Такимъ образомъ опасная и грозная туча собиралась надъ головами русскихъ поселенцевъ Оренбургскаго края; необходимъ былъ надежный громоотводъ, чтобы отвести и разсѣять эту тучу.

Незадолго до открытія бунта Неплюевъ былъ намѣренъ отправить въ Башкирію своего сына Николая Ивановича, служившаго въ это время при отцѣ, развѣдать о состояніи дѣлъ въ краѣ: нѣтъ-ли башкирцамъ отъ кого обидѣ, спокойно-ли все и т. п. Но въ ночь, наканунѣ отъѣзда сына, съ Неплюевымъ сдѣлалась жестокая горячка; больной попросилъ пустить ему кровь, отчего еще больше ослабѣлъ, почему и былъ принужденъ отложить поѣздку сына до другаго времени. На третій день послѣ этого, Неплюевъ, не встававшій еще съ постели, получилъ донесеніе, что въ Б у р з я н с к о й волости на Н а г а й с к о й дорогѣ башкирцы убили присланнаго изъ Петербурга камеротесца Б р а-

гина, а на Исетскомъ тракту была разорена почтовая станція и убито нѣсколько человѣкъ. Шайка бунтовщиковъ—башкиръ, состоявшая изъ ста человѣкъ, забрала женъ, дѣтей, скотъ, разные пожитки и скрылась въ киргизскія степи. Почти одновременно съ этимъ вспыхнуло возстаніе и въ другихъ мѣстахъ, такъ-какъ въ воззваніи Батырши былъ назначенъ день (10 іюля 1755 г.) и даже часъ для одновременнаго начатія бунта во всей Башкиріи. Вскорѣ въ Бурзянской же волости былъ убитъ старшина изъ мещеряковъ Абдулла Вагапъ, вмѣстѣ съ писаремъ и еще двумя мещеряками. Въ августѣ 1755 г. волненіе охватило волости: Тюнгаурскую, Усергетскую, Тамьянскую, Сугунъ-Кипчатскую и Чакминъ-Кипчатскую; жители этихъ волостей частію и сами присоединились къ бунтовщикамъ и устремились въ киргизскія степи, совершая по дорогѣ разныя злодѣйства. Шайка башкиръ, предводительствуемая Салтыкомъ и Тляумбетемъ, разорила и сожгла мѣдеплавильный заводъ графа Ал. Иван. Шувалова, находившійся въ верховьяхъ р. Яика, а драгунская рота, командированная Бахметевымъ, подъ начальствомъ капитана Шкапскаго, для защиты завода графа Петра Иван. Шувалова, была вся перерѣзана въ одной горной тѣснинѣ, кромѣ двоихъ калмыкъ и 3 башкиръ. Озлобленные бунтовщики иногда не довольствовались однимъ убійствомъ, а разбрасывали по дорогамъ мясо убитыхъ, изрѣзанное въ куски, на съѣденіе звѣрямъ и хищнымъ птицамъ.

Правительство, узнавъ о бунтѣ башкиръ, было въ большомъ затрудненіи, тѣмъ болѣе, что Россія готовилась въ это время къ Семилѣтней войнѣ съ Прус-

сіей; не безопасна была для нея и своенравная воля персидскаго шаха *Надира*, мечтавшаго сдѣлаться мужемъ Русской Императрицы Елизаветы Петровны, Предъ многочисленными и отважными войсками *Надира* погибли въ развалинахъ *Хива*, *Дербентъ* и *Шемаха*, волновалось все Закавказье; имя *Надира* гремѣло по всему Кавказу и Средней Азіи до границъ нынѣшнихъ англійскихъ владѣній въ *Остъ-Индіи*. Не смотря на всю трудность предстоявшей борьбы съ башкирцами и на свою болѣзнь, *Неплюевъ* однакожъ не потерялся, а началъ дѣйствовать и вывести правительство изъ затрудненія, не прибѣгая даже къ кровопролитной войнѣ, которой можно было ожидать. Благодаря исключительно своему необыкновенному уму и опытности, *Неплюевъ* спасъ жизнь, имущество и спокойствіе русскихъ обитателей Оренбургскаго края мѣрыми средствами.

Получивъ извѣстіе о бунтѣ, *Неплюевъ* немедленно распорядился, чтобы во всѣхъ крѣпостяхъ и редутахъ были приняты надлежащія мѣры предосторожности къ защитѣ отъ бунтовщиковъ, а въ случаѣ надобности—дѣлались и поиски за ними; Яицкому войску велѣно немедленно командировать 100 казаковъ; тремъ драгунскимъ полкамъ: *Московскому*, *Троицкому* и *Ревельскому* приказано выступить въ глубь Башкиріи и слѣдить за бунтовщиками; четыре армейскіе полка: *Азовскій*, *Астраханскій*, *Владимірскій* и *Нижегородскій*, находившіеся въ Казанской губерніи, должны были поспѣшить въ Оренбургъ, при чемъ *Неплюевъ* самъ указалъ и мѣста, гдѣ они должны были собраться, и далъ подробныя наставленія, что дѣлать для подавленія мятежа; въ каждый полкъ были назначены особые проводники изъ офицеровъ, которые хорошо знали Башкирію и рас-

положеніе банкирскихъ жилищъ. Въ то же время Неплюевъ затребовалъ 1000 Донскихъ казаковъ и отъ калмыцкаго хана 1000 чел. калмыковъ. Тогда же 1000 чел. Оренбургскихъ казаковъ и 500 Ставропольскихъ калмыковъ были немедленно командированы въ тѣ мѣста по линіи, гдѣ наиболѣе можно было опасаться киргизскихъ набѣговъ; для той же цѣли было употреблено 1000 яицкихъ казаковъ подъ командою капитана Тимашева, отличавшагося храбростью и опытностью въ военномъ дѣлѣ. Главное начальство надъ всѣми войсками, численность которыхъ простиралась до 20000 чел., было ввѣрено генераль-маіору Пв. Алексѣвичу Салтыкову.

Одновременно съ этими военно-оборонительными мѣрами, Неплюевъ, желая отстранить киргизъ отъ участія въ мятежѣ, написалъ киргизскому хану Нуралн, чтобы онъ удерживалъ свой народъ отъ вспоможенія возставшимъ башкирцамъ. Сомнѣваясь въ вліяніи хана на орду, Неплюевъ продиктовалъ своему сыну Николаю Ивановичу посланіе къ киргизскимъ старшинамъ, обѣщая имъ за содѣйствіе въ усмиреніи башкиръ Высочайшую милость, и приказалъ послать подарки; въ противномъ же случаѣ, т. е., еслибы киргизы приняли сторону башкиръ, Неплюевъ угрожалъ имъ жестокимъ наказаніемъ. Съ подарками и воззваніемъ къ киргизамъ былъ отправленъ толмачъ изъ магометанъ, которому также были даны особые листы на татарскомъ языкѣ, сочиненные самимъ Неплюевымъ, отъ имени оренбургскаго ахуна; въ нихъ было написано, что хотя онъ ахунъ и радуется подвигу своихъ едино-вѣрцевъ-башкиръ, но сомнѣвается въ успѣхѣ ихъ дѣла, а въ случаѣ удачи опасается, чтобы башкирцы, какъ

народъ непостоянный и вѣроломный. не избрали-бы ихъ же киргизовъ своей жертвой. Толмачъ, по распоряженію Неплюева, долженъ былъ, подъ видомъ особаго довѣрія и дружбы, тихонько, какъ-бы по секрету, раздать эти листы вліятельнымъ киргизамъ или же, какъ-бы случайно, „обращивать“ ихъ въ удобныхъ для того мѣстахъ. По всей Башкиріи были разосланы указы, въ коихъ объявлялось прощеніе всѣмъ бунтовщикамъ, кромѣ зачинщиковъ, если только они принесутъ повинную: тому же, кто поймаетъ и представитъ въ Оренбургъ руководителя бунта Б а т ы р ш у, была обѣщана награда въ 1000 рубл., а если кто поймаетъ и привезетъ 10 чел. его именитыхъ учениковъ, тому — 500 рублей. Кромѣ того, Неплюевъ постарался также распространить и среди башкиръ нарочно сочиненные имъ листы, отъ имени того же ахуна, въ коихъ было сказано, что Б а т ы р ш а прелестникъ и нарушитель закона; что его заступничество за поруганный будто бы русскими законъ Магомета, безъ подтвержденія всего магометанскаго духовенства, противно Корану, а потому его предпріятіе должно кончиться гибелью башкирцевъ; что онъ ахунъ, по своей должности, обязанъ признать башкирцевъ противниками закона и прощаетъ ихъ только изъ состраданія къ нимъ и по ихъ невѣжеству. Чтобы вывѣдать мнѣніе самого ахуна и скрыть себя, какъ сочинителя листовъ отъ его имени, Неплюевъ постарался сблизиться съ ахуномъ, оказывая ему особенное расположеніе, а иногда нарочно, въ присутствіи магометанъ, спокойно заводилъ съ нимъ разговоръ о начавшемся мятежѣ среди башкирцевъ. Этотъ ахунъ, по отзыву самого Неплюева, былъ человѣкъ умный и очень мало расходился во мнѣніи съ тѣмъ,

что было изложено Неплюевымъ въ листахъ отъ его имени, о существованіи которыхъ ахунъ ничего не зналъ.

Намъ уже извѣстно, что инородческое населеніе Оренбургскаго края состояло изъ двухъ неполноправныхъ группъ: *башкиръ*, составлявшихъ господствующій классъ населенія, и *тептярей* и *бобылей* и др. инородческихъ племенъ, которыя постепенно приводились силою обстоятельствъ какъ-бы въ крѣпостное отношеніе къ башкирцамъ; вслѣдствіе такой неравноправности, послѣдніе нерѣдко относились враждебно къ первымъ. Воспользовавшись этой враждой, Неплюевъ разослалъ къ жившимъ въ Башкиріи тептярямъ и мещерякамъ указы, поощряя ихъ дѣйствовать противъ бунтовщиковъ-башкиръ и разъяря имъ, что они обязаны противиться бунту и содѣйствовать его потушенію не только какъ вѣрноподданные рабы Государыни, но и для своей безопасности и выгодъ; что ненависть противъ нихъ башкирцевъ имъ хорошо извѣстна и что главнѣйшая причина возстанія башкиръ скрывается въ стремленіи ихъ обратить всѣхъ мещеряковъ и тептярей въ рабство. При этомъ Неплюевъ выражаетъ надежду, что они скорѣе другихъ могутъ оказать ему помощь и въ поимкѣ *Батырши* и его учениковъ, и что ему особенно было-бы пріятно, еслибы обѣщанное за то вознагражденіе досталось кому-нибудь изъ нихъ. Расчетъ Неплюева былъ вѣренъ: „тептяри и мещеряки (замѣчаетъ онъ въ своихъ „Запискахъ“) съ такою ревностью противъ башкирцевъ выступили, какой только желать возможно было, а знатнѣйшіе ихъ старшины отправили отъ себя для сысканія тѣхъ возмутителей такихъ людей, которые ихъ въ лицо знали.

Въ сей же поискъ поѣхалъ одинъ престарѣлый и мною всегда любимый старшина мещерякскій, коему было болѣе 80 л. отъ роду".— Между тѣмъ указы и листы, разосланные Неплюевымъ по Башкиріи, имѣли тотъ успѣхъ, что многіе, отдѣлившись отъ бунтовщиковъ, приходили съ повинной къ Неплюеву и получали отъ него, вмѣстѣ съ прощеньемъ, и охранные указы.—

Для продовольствія войскъ, которыя должны были прибыть въ Оренбургскій край изъ Казани, съ Дона и др. мѣстъ, были устроены особые провіантскіе магазины, подъ руководствомъ и присмотромъ оберъ-провіантъ-мейстера Желтухина. Когда явились въ Башкирію затребованныя Неплюевымъ регулярныя войска и казаки, Донскія и Яицкіе, башкирцы, видя невозможность сопротивляться имъ одними своими силами, бросились за Яикъ, чтобы потомъ возвратиться оттуда вмѣстѣ съ киргизами и обратить возстаніе въ свою пользу. Не смотря на принятыя по линіи предосторожности и мѣры къ прегражденію переправы башкирцевъ чрезъ Яикъ, болѣе 50000 ихъ успѣли уйти и скрыться въ киргизскія степи. Однакожъ надежды башкирцевъ на киргизъ не осуществились: Неплюевъ, при содѣйствіи сентовскихъ татаръ, такъ перессорилъ башкирцевъ съ киргизами, что между ними произошла междоусобная рѣзня, кончившаяся тѣмъ, что киргизы откочевали въ глубь степей, а остатки башкиръ возвратились назадъ и принесли раскаяніе въ своихъ поступкахъ, сдѣлавшись навсегда врагами киргизовъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Неплюевъ назначилъ 1000 руб. за поимку Батырши, послѣдній получилъ письмо, въ которомъ его просили поберечь свою голо-

ву: для поимки его посланы были команды и мецкерскій старшина Янышъ Абдуллинъ, въ сопровожденіи 200 чел. на лыжахъ. Батырша съ нѣсколькими сообщниками бѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ и скрывался отъ сыщиковъ. Проскитавшись въ лѣсу нѣсколько мѣсяцевъ, онъ рѣшился отправиться въ Петербургъ, чтобы доложить лично самой Императрицѣ о притѣсненіи и нуждахъ башкирцевъ. Пробравшись въ Казанскій уѣздъ, Батырша цѣлую зиму жилъ подаяніемъ и скрывался въ одной ямѣ, въ лѣсу. Съ наступленіемъ лѣта въ деревнѣ Юзлинѣ, Батырша былъ пойманъ мецкерскимъ старшиной Сулейманомъ Деваевымъ, который проводилъ его къ Неплюеву; затѣмъ, вслѣдствіе распоряженія Сената, Батырша былъ отправленъ, подъ конвоемъ и со всѣми предосторожностями, въ Тайную Канцелярію. Дорогой Батырша заболѣлъ и потому нѣсколько времени жилъ въ Москвѣ. При допросѣ онъ заявилъ, что, кромѣ самой Государыни, никому ничего не скажетъ. Когда Батыршѣ сказали, что Государыня принять его не можетъ, а пусть онъ напишетъ ей о своихъ „секретахъ“; то онъ хотя и согласился на это, но просилъ оберъ-секретаря Хрущова дать клятву въ томъ, что его пакетъ будетъ переданъ Государынѣ нераспечатаннымъ. По составленіи своего показанія, Батырша былъ отправленъ изъ Москвы въ Петербургъ. Здѣсь онъ заявилъ о своемъ желаніи видѣть православнаго священника, чтобы побесѣдовать съ нимъ о христіанской вѣрѣ, присовокупивъ, что если онъ (Батырша) убѣдится въ превосходствѣ христіанскаго закона предъ магометаскимъ, то приметъ христіанскую вѣру и умретъ христіаниномъ. Съ этою цѣлію къ Батыршѣ былъ на-

значенъ ключарь Петропавловскаго собора Стефанъ Левицкій, котрый и бывалъ у него неоднократно; но Батырша, вѣроятно, желалъ только какъ-нибудь избавиться отъ наказанія или затынуть слѣдствіе. Въ половинѣ 1757 г. Батырша былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Мещерякскій старшина Сулейманъ Деваевъ былъ отправленъ въ Петербургъ и 24 декабря 1756 г. представленъ Государынѣ, которая приняла его весьма ласково и общалась исполнить просьбу его о томъ, чтобы старшиною на его мѣсто былъ назначенъ его „большой“ сынъ. Находясь въ Петербургѣ, Деваевъ заболѣлъ и 14 февраля 1757 г. скончался. Сынъ Деваева, согласно желанію отца, былъ опредѣленъ старшиною на его мѣсто и получилъ подарки, предназначенныя его отцу, а именно: *1000 рубл. деньгами; кафтанъ* изъ малиноваго травчатого бархата, подшитый голубымъ градитуромъ и обложенный кругомъ золотымъ газомъ съ городками; *полукафтанье* изъ золотой парчи, подложенное бѣлой саржей и отороченное золотымъ газомъ съ хрустальными пуговицами въ серебрянной оправѣ; *соболью шапку* съ верхомъ изъ такого же бархата, какъ на кафтанѣ; *серебрянный вызолоченный ковшъ* въ 4 фунта 46 зол. вѣсомъ, съ вензелемъ, двумя орликами и надписью: „*Къ Ея Императорскому Величеству за оказанную вѣрную и ревностную службу пожалованъ мещеряцкому старшинѣ Сулейману Деваеву въ 1757 г.*“⁽¹⁾; Деваевъ также получилъ: *саблю* съ такою же надписью золотыми буквами, съ серебря-

(1) Замѣчательно, что этотъ ковшъ сохранился доселѣ и находится въ музеѣ Пенлюевскаго кадетскаго корпуса въ Оренбургѣ; онъ имѣетъ продолговатую форму на небольшихъ лапчатыхъ ножнахъ и сдѣланъ изъ серебра 83 пробы; позолота хотя и сохранилась, но въ слабой степени.

нымъ эфесомъ, съ ножнами изъ малиноваго бархата и съ серебряно-вызолоченнымъ наметомъ; какъ эфесъ, такъ и ножны были украшены по мѣстамъ голубою финифтью, бирюзой, яшмою и небольшими краснаго цвѣта яхонтами; поясъ къ саблѣ былъ штучно-серебряный, вызолоченный, и во всякую штучку были вставлены голубыя финифтянки, — всѣхъ штукъ съ пряжками и пакопечниками было 70; сверхъ того Деваеву былъ подаренъ *тканый серебряный кушакъ*. Мещерякскій старшина Янышъ Абдуллинъ, содѣйствовавшій Деваеву въ поимкѣ Батырши, получилъ въ награду отъ Императрицы 100 червонцевъ и дорогую саблю, а лично отъ Неплюева — кармазиннаго сукна на кафтанъ и штофу на полукафтанье. Зная хорошо корыстолюбіе башкиръ и киргизовъ, Неплюевъ тотчасъ же далъ знать по всей Башкиріи и въ киргизскіе аулы, какъ щедро награждаетъ Русская Государыня вѣрныхъ слугъ отечества и не только ихъ самихъ, но и дѣтей ихъ.

По осени 1757 г. всѣ войска, вызванныя для усмиренія башкирцевъ, были отпущены въ свои мѣста, кромѣ Яицкихъ казаковъ, которымъ было приказано зимовать близъ башкирской линіи по Ногайской дорогѣ. Чтобы имѣть ближайшій укрѣпленный пунктъ для наблюденія за башкирцами и сдерживать ихъ попытки къ мятежамъ, Неплюевъ распорядился устроить на р. Зелаирѣ, внутри Башкиріи, особую крѣпость, которая получила названіе (отъ рѣки) Зелаирской; въ ней былъ поселенъ отдѣльный гарнизонъ, снабженный всѣмъ необходимымъ для обороны, въ случаѣ возмущенія башкирцевъ. Волости: Бурзянская, Карачай-Кипчатская, Тамьянская, Усергинская, Тангаурская и Сугунъ-Кипчатская соста-

вили особый Зауральскій дистриктъ. Коммендантъ Зелаирской крѣпости обязанъ былъ особенно наблюдать за тишиной и спокойствіемъ внутри Башкиріи.

По окончаніи бунта, Неплюевъ отправилъ въ Петербургъ съ подробнымъ изложеніемъ всего хода событій своего сына Николая Ивановича, который, не смотря на горестную утрату въ это самое время сына и жены (¹), много помогалъ больному отцу, и потому вполне достойно былъ награжденъ чиномъ майора, а въ слѣдующемъ году чиномъ подполковника, безъ всякаго представленія со стороны своего отца, какъ главнаго начальника и свидѣтеля его трудовъ: Неплюевъ слишкомъ былъ скромень, чтобы выставять предъ Государыней заслуги своего сына. Между тѣмъ Батырша, находившійся въ Шлессельбургской крѣпости, задумалъ бѣжать изъ тюрьмы. Воспользовавшись тѣмъ, что приставленный къ нему часовой заснулъ, Батырша схватилъ попавшійся подъ руку топоръ и нанесъ имъ смертельныя раны капралу Никитину, солдату Хомутову и часовымъ Лазареву и Епифанову. Спустя пять лѣтъ послѣ своего заключенія въ Шлессельбургской крѣпости, Батырша скончался и, по распоряженію Сената, былъ зарытъ въ яму за крѣпостной стѣной.

Такимъ образомъ башкиры и киргизы и сообща не могли одолѣть ума и находчивости Неплюева, который усмирилъ бунтъ безъ пролитія русской крови, не смотря на свою старость и болѣзнь. Батырша и его сообщники сами попали въ ту яму, которую они приготовили для русскихъ, и увлекли за собой къ гибели

(¹) 13 мая 1755 г. у него умеръ сынъ Николай, и 20 іюля того же года скончалась и его жена Татьяна Теодоровна.

многихъ киргизъ и башкиръ; *крестъ восторжествовалъ надъ луной* и мятежъ, угрожавшій большою опасностью всему русскому населенію Оренбургскаго края, погасъ самъ собою. Мы уже знаемъ, что бунтъ Батырши начался въ то время, когда Неплюевъ лежалъ больнои въ горячкѣ, а между тѣмъ приходилось много думать, беспокоиться и усиленно работать; жаль было ему и своего сына, лишь только схоронившаго молодую жену. Необыкновенные труды, умственное напряженіе силъ и бессонныя ночи, которыя Неплюевъ проводилъ за спѣшными бумагами, душевныя тревоги и волненія, — все это сильно разстроило здоровье Неплюева; онъ до того ослабѣлъ и утомился физически и умственно, что болѣе не могъ оставаться на трудномъ и отвѣтственномъ посту оренбургскаго губернатора, поэтому онъ и отправилъ въ Петербургъ сына съ прошеніемъ о своемъ увольненіи отъ занимаемой имъ должности. Въ 1758 года Неплюевъ получилъ указъ объ отставкѣ, а на его мѣсто былъ назначенъ тайный совѣтникъ Аѳанасій Романовичъ Д а в ы д о в ъ.

Въ 16 лѣтъ своего управленія Оренбургскимъ краемъ, Неплюевъ такъ много сдѣлалъ для него полезнаго, что вполне достоинъ названія „устроителя“ этого края и благодарной памяти о немъ всѣхъ его жителей. Мы видѣли, какая кипучая и оживленная дѣятельность происходитъ при Неплюевѣ въ Оренбургскомъ краѣ. *Неплюевъ основалъ, застроилъ и укрѣпилъ настоящій Оренбургъ*; благодаря его же заботамъ, по Сакмарѣ, Уралу, Ую и въ др. мѣстахъ возникло свыше с е м и д е с я т и новыхъ крѣпостей, форпостовъ и редутовъ; по его плану были вновь укрѣплены городки: Яицкій, Илецкій и Гурьевъ. Заботясь о внѣш-

ней безопасности жителей, Неплюевъ въ то же время, какъ мы видѣли, вводитъ правый судъ среди башкиръ и русскихъ поселенцевъ края; устрояетъ внутренний порядокъ въ Яицкомъ войскѣ, оберегая его экономическіе интересы; заботится объ улучшеніи быта и жизни крещеныхъ калмыковъ и другихъ инородцевъ ввѣреннаго ему края. Сознавая пользу христіанскаго просвѣщенія инородцевъ и грамотности, онъ хлопочетъ объ открытіи школъ для образованія русскихъ, а также—башкиръ, калмыковъ и др. инородцевъ. При Неплюевѣ въ Оренбургской губерніи значительно увеличивается населеніе; заводятся и заселяются новыя слободы; идетъ распашка цѣлѣй черноземной земли; прокладываются дороги, гдѣ ихъ раньше не было; наводятся прочно устроенные мосты чрезъ рѣки, овраги и гати; устраивается почтовый трактъ отъ Троицкой крѣпости до Оренбурга и отъ Оренбурга до Москвы; на обширномъ пространствѣ степей, гдѣ раньше шла братоубійственная борьба враждующихъ сторонъ, гдѣ гибли люди, взрослые и дѣти, да пылали села и деревни,—тамъ при Неплюевѣ строятся православные храмы и воздухъ оглашается церковнымъ благовѣстомъ, призывающимъ людей на общественную молитву и несущимъ въ душу человѣка успокоительное примиреніе съ житейскими невзгодами; среди крещеныхъ инородцевъ распространяется ученіе Господа Нашего Іисуса Христа,—ученіе братской, всепрощающей любви. Неплюевъ изыскиваетъ способы и мѣры къ безопасности торговаго караваннаго пути въ Среднюю Азію чрезъ киргизскія степи, всячески содѣйствуя развитію торговли и промышленности въ краѣ; при его участіи и руководствѣ, отыскиваются руды и различныя минеральныя

богатства края, строятся желѣзодѣлательные и мѣдеплавильные заводы; онъ же спасаетъ имущество и жизнь поселенцевъ Оренбургской губерніи отъ всеобщей рѣзни, которою угрожалъ христіанамъ мещерякскій мулла Батырша, задумавшій поднять все магометанское населеніе края противъ русскихъ, — вообще говоря, Неплюевъ любилъ Оренбургскій край, какъ свое дѣтище, заботился о немъ и лелѣялъ его, какъ попечительный отецъ. Выростивъ, укрѣпивъ и надѣливъ всѣмъ необходимымъ это дѣтище, Неплюевъ распростился съ нимъ навсегда и весной 1758 г. отправился въ С.-Петербургъ.

XII.

Прибытіе Неплюева въ С.-Петербургъ и его служба при Петрѣ III и Екатеринѣ II. — Потеря Неплюевымъ зрѣнія и выходъ въ чистую отставку. — Частная жизнь Неплюева въ С.-Петербургѣ, Янполь и Поддубьѣ. — Заботы о воспитаніи внука. — Предсмертное письмо къ сыну, приготовленіе къ смерти, кончина и погребеніе Неплюева. — Отзывъ о Неплюевѣ Голикова. — Общій взглядъ на внутреннее состояніе Оренбургскаго края послѣ Неплюева. — Отношеніе къ Неплюеву его преемниковъ по управленію Оренбургскимъ краемъ. — Желаніе князя Волконскаго увѣковѣчить память о Неплюевѣ и его заботы отъ открытіи въ Оренбургѣ Неплюевскаго училища. — Неплюевскій Кадетскій Корпусъ въ Оренбургѣ, — Празднованіе столѣтней годовщины со дня кончины Неплюева и приближающійся 200-лѣтній юбилей со дня его рожденія.

По прибытіи въ Петербургъ, Неплюевъ болѣе года оставался безъ должности, нуждаясь въ спокойствіи и отдыхѣ послѣ усиленныхъ и постоянныхъ трудовъ по устройству Оренбургскаго края. Не смотря на свои громадныя заслуги для Россіи, онъ какъ-будто былъ забытъ на нѣкоторое время съ его старостью,

истощенными силами и даже нуждой. Въ Сенатскомъ архивѣ въ С.-Петербургѣ доселѣ сохранилось прошеніе Неплюева на имя Императрицы Елизаветы Петровны, изъ котораго видно, что Иванъ Ивановичъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, не получалъ даже положеннаго ему по чину жалованья въ теченіе почти полугода, начиная съ 1 мая 1758 г., что и заставило его обратиться съ прошеніемъ на Высочайшее имя. Въ своемъ прошеніи Неплюевъ, между прочимъ, писалъ Государынѣ: *„Не получая жалованья, яко небогатый человекъ, къ содержанію по чину моему крайній недостатокъ имю“*. — Государыня приказала немедленно удовлетворить просьбу Неплюева. Приверженцы легкой и скорой наживы, злостные банкроты, безсердечные кулаки, хищники башкирскихъ земель, взяточники, лихоимцы и вообще поклонники золотого тѣльца назвали-бы Неплюева, по меньшей мѣрѣ, чудакомъ, который не умѣлъ воспользоваться обстоятельствами и своимъ положеніемъ для обезпеченія себя не только „къ приличному содержанію по чину“, а и къ удовлетворенію всѣхъ прихотей чрезмѣрной роскоши. Но Неплюевъ, считавшій службу Отечеству службой Богу, трудился „не изъ мзды, а изъ утѣшенія совѣсти и нравственнаго служенія долгу“. — Заботясь объ увеличеніи доходовъ казны и торгово-промышленнаго класса, онъ лично довольствовался лишь самымъ необходимымъ въ его положеніи, — черта въ высшей степени благородная и симпатичная въ Неплюевѣ!

Отдохнувъ отъ трудовъ и оправившись нѣсколько здоровьемъ, Неплюевъ въ 1760 г., не смотря на свои преклонныя лѣта, снова поступилъ на службу въ званіи сенатора и конференцъ-министра. Предполагая, можетъ

быть, поселиться навсегда въ Петербургѣ, онъ купилъ себѣ на Сѣнной, близъ церкви Христа Спасителя, домъ и сдѣлалъ къ нему значительный пристрой, но этотъ домъ скоро сгорѣлъ; въ октябрѣ 1761 года Неплюевъ купилъ другой домъ на Милліонной улицѣ и дачу у княгини Натальи Ѳедосѣевны Долгоруковой, находившуюся въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, повыше р. Тосны, близъ пороговъ на р. Певѣ. Въ кратковременное царствованіе Петра III дѣятельность Неплюева ни чѣмъ особеннымъ не проявилась: *„бывалъ я (говорить онъ въ „Запискахъ“) у моей должности ежедневно, но нѣмь: ибо никто уже и мнѣня моего не требовалъ“*. Екатерина Великая, сдѣлавшись Императрицей, сразу оцѣнила Неплюева и приблизила его къ себѣ. Полагаясь на его опытность и необыкновенный умъ, она поручала Неплюеву, во время своихъ отсутствій изъ Петербурга, всѣ столичныя войска въ полное его распоряженіе, вела съ нимъ частную переписку и даже ввѣряла его заботамъ и попеченію своего сына, Цесаревича Павла Петровича. Сознавая труды и заслуги Неплюева, Екатерина II наградила его орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, назначила предсѣдателемъ Сенатской Конторы и положила, сверхъ жалованья, по 500 руб. въ мѣсяцъ на столъ. Но не долго пришлось служить Неплюеву при Екатеринѣ Великой: силы его истощались, ослабѣло и зрѣніе, а потомъ онъ и совершенно ослѣпъ. Чувствуя, что онъ болѣе не можетъ служить, Неплюевъ рѣшился просить у Государыни чистую отставку. Однажды въ воскресенье онъ лично явился къ Императрицѣ съ просьбой объ увольненіи его отъ службы. Когда слѣпаго Неплюева подвели къ Государынѣ, она усадила его подлѣ себя и, предугадывая

его намѣреніе, сказала: „Я разумью тебя, Иванъ Ивановичъ! ты, конечно, хочешь проситься въ отставку, но-воля твоя—я прежде тебя не отставляю, пока ты не отресокомендуешь мнѣ на свое мѣсто человѣка съ такими же достоинствами, съ какими ты“.—Неплюевъ, растроганный до слезъ, взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ: „Нынѣ, Государыня, мы—ученики Петра Великого; проведенны имъ сквозь огонь и воду; иначе воспитывались, иначе думали и иначе вели себя, а нынѣ иначе воспитываются, иначе мыслятъ и иначе ведутъ себя. Итакъ я не могу ни за кого, ни же за сына моего, ручаться!“ — Передавая объ этомъ въ своихъ „Запискахъ“, Неплюевъ замѣчаетъ: „тутъ все были, но мнѣ что за нужда!—Я сказалъ, что чувствовалъ“.

Императрица, не смотря на свое желаніе удержать Неплюева на службѣ, приняла отъ него прошеніе, и онъ вскорѣ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей, гражданскихъ и военныхъ, получивъ въ награду за вѣрную, честную, многополезную и продолжительную службу отечеству нѣсколько деревень въ Малороссіи, какъ-бы въ замѣнъ отнятыхъ у него раньше ⁽¹⁾, и 20000 руб. деньгами. Послѣ этого Неплюевъ нѣсколько времени спокойно прожилъ въ Петербургѣ. Каждый день утромъ онъ бывалъ за обѣдней въ своей домово́й церкви; затѣмъ принималъ друзей и знакомыхъ; особенно часто навѣщали его графы Чернышевы и Панины, князь А. А. Вяземскій, Нарышкины, Мещерскіе и др.; не забывала старика и сама Государыня Екатерина Великая, которая иногда обѣдала у него, какъ говорится, з а - п р о с т о, посемей-

(1) См. выше стр. 28.

ному. Въ 1765 г. Неплюевъ пожелалъ побывать въ своемъ родномъ Поддубьѣ, чтобы поклониться праху родителей и помолиться объ ихъ упокоеніи. Отправившись въ Поддубье вмѣстѣ съ сыномъ, Неплюевъ прожилъ тамъ 11 дней и чрезъ Москву выѣхалъ въ Малороссію, а его сынъ Николай Ивановичъ возвратился въ Петербургъ къ своимъ занятіямъ по службѣ. Въ началѣ февраля 1765 г. Неплюевъ прибылъ въ Я н ц о л ь, но вскорѣ заболѣлъ и написалъ сыну, чтобы онъ навѣстилъ его. Николай Ивановичъ немедленно поспѣшилъ къ больному отцу и по пріѣздѣ нашелъ его въ непрерывномъ и сильномъ жару. Чувство радости при свиданіи съ любимымъ сыномъ подѣйствовало весьма благотворно на больного отца: чрезъ недѣлю, по пріѣздѣ сына, Неплюевъ могъ уже вставать и ходить по комнатѣ. Въ сентябрѣ того же года, Николай Ивановичъ, по совѣту и желанію отца, отправился въ другія помѣстья въ Малороссіи, какъ брѣдущій ихъ владѣлецъ и хозяинъ, чтобы на мѣстѣ и непосредственно познаться съ бытомъ и состояніемъ крестьянъ. Въ отсутствіи сына, Неплюевъ снова заболѣлъ и до возвращенія его пользовался заботами и попеченіемъ глуховскаго командира П. А. Р у м я н ц е в а и его жены Екатерины Михайловны. Возвращеніе сына снова благотѣтельно отозвалось на здоровьѣ Неплюева. Видя слабость отца, Николай Ивановичъ уговорилъ его переехать въ Петербургъ и жить вмѣстѣ съ нимъ; въ январѣ 1766 г. Неплюевъ, вмѣстѣ съ сыномъ, отправился въ Петербургъ и поселился здѣсь на дачѣ. Но трудолюбивому человѣку сидѣть безъ дѣла хуже, чѣмъ лѣнивому работать: Неплюеву очень скоро надоѣла бездѣятельная дачная жизнь, и неугомонный до старости

труженикъ отправился въ свое родное село Поддубье, гдѣ заложилъ храмъ, въ которомъ потомъ, какъ увидимъ, и похоронили его.

Поселившись въ Поддубьѣ, Неплюевъ при помощи другихъ, занимался хлѣбопашествомъ, а въ свободное время слушалъ чтеніе книгъ, для чего содержалъ при себѣ особыхъ двухъ чтецовъ. Впрочемъ новости и газеты уже не интересовали его,—онъ самъ говоритъ: *„о нихъ я уже не желалъ слышать, потому что считаю себя уже отшедшаго отъ міра“*. Но Неплюевъ и въ это время не жилъ особнякомъ или затворникомъ: домъ его всегда былъ самымъ хлѣбосольнымъ пріютомъ для постороннихъ лицъ. Сосѣднее дворянство особенно любило посѣщать старика Неплюева, спрашивало его опытныхъ совѣтовъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни и находило большое удовольствіе слушать его рассказы о быломъ, а извѣстно, что старики гораздо лучше вспоминаютъ то, что случилось давнымъ-давно, чѣмъ то, что было недавно: Иванъ Ивановичъ рассказывалъ о былыхъ временахъ съ такимъ оживленіемъ и съ такими подробностями, какъ будто все это было вчера. И было же чего послушать отъ этого почтеннаго и многовидаваго челоуѣка!—Заведеть-ли онъ бывало рѣчь о Петрѣ Великомъ, какъ онъ на корабляхъ плавалъ и самъ топоромъ и пилой плотничалъ, какъ въ нныя государства ѣздилъ подъ именемъ простаго дворянина Петра Михайлова, какъ со шведами воевалъ, у Св. Митрофана Воронежскаго въ дому бывалъ, къ себѣ его принималъ, вмѣстѣ съ нимъ по городу въ одной каретѣ (¹) ѣздилъ и какъ хоронилъ его; начнетъ-ли бывало Неплюевъ раз-

(¹) Подъ колокольной Митрофановскаго монастыря въ Воронежѣ доселѣ хранится карета, въ которой Петръ Великій (по преданію) ѣздилъ по городу съ Святителемъ Митрофаномъ. Карета небольшая, но замѣчательно прочной работы, особенно колеса.

сказывать о заморскихъ странахъ, гдѣ онъ жилъ и учился; вспомнить-ли про турокъ и султана турецкаго, про то ли, какъ онъ Оренбургъ строилъ, Яицкихъ казаковъ мирилъ и мятежныхъ башкиръ укрощалъ; какъ съ калмыцкими князьками хлѣбъ-соль водилъ, какъ крестилъ и женилъ ихъ; какъ съ *хитрымъ киргизскимъ ханомъ* Абуль-Хаиромъ *самъ хитрилъ*; какъ заводы устроилъ, дороги пролагалъ, крѣпости строилъ, купцовъ оберегалъ и т. п.,—рѣчь его невольно приковывала къ себѣ вниманіе слушателей. — II все это Неплюевъ черпалъ не изъ книжекъ, а изъ жизни и службы отечеству при четырехъ государяхъ и четырехъ государыняхъ,—всякій и въ наше время съ величайшимъ удовольствіемъ послушалъ бы такого рѣдкаго и бывалаго человѣка!

Вскорѣ послѣ поселенія Неплюева въ Поддубьѣ, его навѣстили ассесоръ Баролевскій и сынъ Николай Ивановичъ; здѣсь на общемъ совѣтѣ было рѣшено отправить внука Неплюева, Ивана Николаевича, для образованія за границу. Въ началѣ 1767 г. Иванъ Николаевичъ былъ отправленъ въ Швецію на два года. Когда онъ возвратился, по истеченіи двухъ лѣтъ, въ Россію, Неплюевъ обратился къ Государыцѣ съ просьбой о производствѣ своего внука въ гвардейскіе офицеры и о новомъ разрѣшеніи отправиться ему за границу. Императрица Екатерина II, помня заслуги Неплюева, наградила его внука чиномъ капитана и охотно отпустила въ чужія земли для продолженія образованія. Въ исходѣ ноября 1769 г. молодой капитанъ навѣститъ больного дѣдушку, въ сопровожденіи назначеннаго къ нему майора Рейценштейна, а въ январѣ 1770 г. отправился въ заграничное путешествіе, изъ котораго вернулся чрезъ два года съ большимъ запасомъ различныхъ свѣдѣній и хорошимъ знаніемъ итальянскаго

языка. Въ томъ же году 24 іюня былъ освященъ построенный Неплюевымъ въ Поддубьѣ каменный храмъ, въ который, по желанію его сына, было перевезено тѣло покойной жены Николая Ивановича, Татьяны Ѳеодоровны Мещерской, скончавшейся въ Оренбургѣ въ 1755 г. Въ слѣдующемъ (1773) году сынъ Неплюева получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената, а внукъ — произведенъ въ секундъ-маіоры. Неплюевъ, узнавъ о томъ и получивъ извѣстіе о бракосочетаніи Наслѣдника престола Павла Петровича, отправился, поддерживаемый подъ руки другими, въ новопостроенный храмъ, въ сопровожденіи случившихся у него гостей, и здѣсь попросилъ священника отслужить съ колѣнопреклоненіемъ благодарственный Господу Богу молебенъ о ниспосланіи благословенія Божія на новобрачныхъ, чтобы Господь, милуя Россію, *„утвердилъ корень ихъ во вѣкъ вѣковъ“*. *„Сколь ни усилились мои болѣзненные припадки, и сколько я уже былъ ни безнадеженъ о моей жизни“*, — замѣчаетъ по этому случаю Неплюевъ, — *„однако таковыя извѣстія наполнили меня радостію, что судилъ мнѣ Господь Богъ дожидаться сего въ старости моей“*.

Въ октябрѣ 1773 г. Неплюевъ, чувствуя необыкновенный упадокъ силъ, сталъ приготовляться къ смерти: *„Се уже приближается вѣкъ мой“*, — писалъ онъ сыну: *„слабость тѣла и памяти предвѣщаетъ разрушеніе всего тѣла, въ чемъ я предаюсь судьбамъ Вышняго; ожидаю смерти съ должнымъ повиновеніемъ и, на сколько возможно человеку, спокойнымъ духомъ“*. — Недѣли за двѣ до своей кончины, Неплюевъ въ послѣдній разъ послалъ слѣдующее письмо своему сыну:

„Николай Ивановичъ! — Сохраняй Св. вѣру, разумляй о той дѣтей своихъ; исполняй, по возможности,

заповѣди Господни. Онъ Всевышній есть Источникъ
всѣхъ благъ, небесныхъ и земныхъ, и вѣруй въ Него
никогда не постыдится. Сохраняй въ совершенствѣ
вѣрность твою къ Ея Величеству и къ учреждаемымъ
отъ Ней и чрезъ Нее наслѣдникамъ; соблюдай правду
во всѣхъ твоихъ дѣлахъ и поступкахъ, хотя бы иног-
да и несправедливое что тебѣ за то понести случилось;
вѣдай, что Богъ и Ея Величество правды твоея будутъ
покровители,—если не въ это время, то послѣ тебѣ
чрезъ нихъ откроется. Люби свое отечество и, въ за-
щитѣ того пользы, не щади не только благосостоя-
нія, но и жизни. Подчиненнымъ твоимъ и наче крестъ-
янамъ будь больше отецъ, нежели господинъ, имѣя
присно въ памяти слово Божіе: „милости хочу, а
не жертвы“, и что они такіе же люди, какъ и ты,
кромя чиновъ и власти, данной тебѣ гражданскими
законами. Наконецъ скажу: умѣрай свою вспыльчи-
вость; она не только здоровью твоему вредна, но и по-
знанію каждаго дѣла въ точномъ его видѣ препят-
ствуетъ“. Въ концѣ своего письма Неплюевъ, обра-
щаясь съ молитвою къ Господу Богу, говоритъ:
„Къ Тебѣ, Отецъ щедротъ и милосердія, обращаю мо-
литву мою: сохрани его, дѣтей его и весь родъ мой и
вразуми ихъ совершить теченіе сая жизни Тебѣ угод-
ное въ вѣрности къ Нашей Государынѣ и въ пользу
Отечества“. — Письмо заканчивается словами: „Еще
прости, мой любезный сынъ Николай Ивановичъ; мы-
сленно тебя обнимаю, цѣлую,—да будетъ благодать
Господня надъ тобою!“

Больной и ослабѣвшій старецъ цѣлые три дня дикто-
валъ это письмо, а писали его жившіе съ нимъ племян-
ники князь Андрей Ивановичъ Мышечкинъ и Василій

Васильевичъ Т а т и щ е в ъ. Когда письмо было написано, Ив. Ивановичъ пожелалъ приложить только свою руку, но и того не могъ сдѣлать безъ посторонней помощи: его рукою водилъ князь А. Ив. Мыш е ц к і й. Письмо было послано въ Петербургъ съ нарочнымъ 29 октября, а въ ночь на 30 октября сдѣлался съ Неплюевымъ жаръ, и только на разсвѣтъ онъ немного какъ-бы забылся; когда же очулся, прежде всего спросилъ: „*уѣхалъ-ли человекъ съ письмомъ въ Петербургъ?*“—Спустя дня три послѣ этого, Ив. Ивановичъ, чувствуя нѣкоторое облегченіе, громко спросилъ: „*Кто тамъ стучитъ? — Не пріѣхалъ-ли Николай Ивановичъ? — Но зачѣмъ ему ко мнѣ ѣхать?!*“ продолжалъ онъ разсуждать какъ-бы самъ съ собою: „*я съ нимъ уже простился и все, что имѣлъ, сказалъ и что бы теперь сказать ему могъ?!*—*Уже ничего не осталось*“.—Помолчавъ немного, Ив. Ивановичъ снова заговорилъ, глубоко вздохнувши: „*еслибы онъ и пріѣхалъ, то, кромѣ огорченія себя, ничего не найдетъ,—я знаю его тяжкое чувство: онъ, увидя меня въ такой уже слабости, можетъ повредить своему здоровью, а меня своимъ присутствіемъ—отвлечь отъ моего долга*“.—Говоря эти слова, Неплюевъ обливался горькими слезами и съ глубокой надеждой на Бога воскликнулъ: „*Ты, Боже, ниспосли ему Свою милость!*“—Такъ озабоченъ былъ Иванъ Ивановичъ и на одрѣ смерти судьбою своего любимого сына!—Въ тотъ же день Неплюевъ, какъ истинный и глубоковерующій христіанинъ, попросилъ священника отслужить обѣдню и, раскаявшись чистосердечно въ своихъ человѣческихъ слабостяхъ предъ духовнымъ отцемъ, съ вѣрою и надеждою на милосердіе Божіе, приобщился тѣла и крови Господа Нашего Іисуса Хри-

ста. Послѣ этого, въ теченіе цѣлой недѣли, Неплюевъ не поднималъ уже своей головы,—и только утромъ 11 ноября спросилъ: „будетъ-ли сегодня обѣдня?“ Когда ему сказали, что обѣдня будетъ отслужена, онъ съ глубокимъ смиреніемъ и тихою грустью проговорилъ: „*помолитесь обо мнѣ грѣшномъ!*“ и—затѣмъ тихо и спокойно скончался.—Не смотря на то, что Неплюевъ умеръ на 81 году своей жизни, лицо его даже въ гробу сохранило слѣды нѣкогда дивной красоты, какъ свидѣтельствуется о томъ одинъ изъ пріеутствовавшихъ при его погребеніи. Ив. Ивановича положили въ гробъ въ великолѣпной одеждѣ, именно въ мантии и цѣпи кавалеровъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Неплюевъ еще при жизни сдѣлалъ подробныя наставленія, относительно церемоніи погребенія, указалъ мѣсто для своей могилы и даже самъ продиктовалъ надгробную надпись.—Погребеніе было совершено *въ девятый день послѣ его кончины*; гробъ былъ поставленъ въ указанномъ имъ еще при жизни мѣстѣ, внутри построеннаго имъ Поддубскаго храма. Въ глубинѣ Поддубской церкви противъ алтаря, на лѣвой сторонѣ, доселѣ возвышается гробъ изъ лиловатаго камня, покрытый черпою чугуною плитою, съ выпуклыми изображеніями человѣческихъ костей и череповъ и съ слѣдующую надписью: „*Зрите! вся та тщетная слава, могущество и богатство исчезаютъ, и все то покрываетъ камень, тѣло же истлѣваетъ и въ прахъ обращается.*—Здѣсь лежитъ тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалера *Ивана Неплюева*. Умеръ въ селѣ Поддубьѣ, 80 лѣтъ и 6 дней, ноября 11 дня 1773 года“.

Одинъ изъ приближенныхъ лицъ къ Неплюеву

(Голиковъ), состоявшій при немъ домашнимъ чтецомъ, такъ отзывается о покойномъ: „Сей достопочтенный мужъ имѣлъ разумъ твердый и тонкій, дѣятельность неусыпную, правосудіе строгое и никакими пристрастіями и интересами некополебимое. Сіе, между прочимъ, и то одно доказать можемъ, что онъ никогда ни отъ кого ни за какое дѣло ничего не взялъ, и никто не смѣлъ къ нему показаться ни съ какими подавками. Доступъ до него былъ открытъ всякому: выслушивалъ онъ каждого съ внимательнымъ терпѣніемъ; интересы отечества предпочиталъ онъ своей жизни и благосостоянію своему, правило его было служить оному до послѣдняго изнеможенія силъ, а потому и не сносны ему были всѣ, а паче въ молодыхъ лѣтахъ, оставляющіе службу и выходящіе въ отставку; защищалъ всегда самодержавное, какъ наилучшее изъ всѣхъ, правленіе и исполнялъ съ благоговѣніемъ волю верховной власти. Къ памяти Петра Великаго имѣлъ безпредѣльное почитаніе и имя его не иначе произносилъ, какъ священное и почти всегда со слезами. Вѣру и благочестіе соблюдалъ до конца ненарушимо и не выѣзжалъ никогда со двора, не отслушавъ св. литургіи, которая въ домово́й церкви его *ежедневно* отправлялась; былъ врагъ вольнодумства, суевѣрія, ласкательства и потаковщиковъ; всякія несчастія и прискорбности сносилъ съ благодареніемъ Богу, вѣруя несомнѣнно Провидѣнію Его, управляющему жребіемъ смертныхъ; искренность сердца его всегда изливалась и на языкъ его въ дѣлахъ, тайности неподлежащихъ“.

Сама жизнь Неплюева и его труды убѣждаютъ насъ въ справедливости этихъ словъ Голикова, близко и хорошо знавшаго Неплюева въ теченіи 20 лѣтъ.

Труды и заслуги Неплюева на пользу обширнаго Оренбургскаго края получаютъ еще большее значеніе, когда мы хотя бѣгло взглянемъ на внутреннее состояніе его послѣ Неплюева. Выше было замѣчено, что покуда Неплюевъ былъ русскимъ резидентомъ въ Константинополѣ, наши отношенія къ Турціи были наилучшими; но лишь только онъ оставилъ постъ резидента, какъ открылась война Россіи съ Турціей, стоившая намъ очень дорого (¹). Нѣчто подобное случилось и послѣ оставленія Неплюевымъ мѣста оренбургскаго губернатора: покуда онъ былъ здѣсь, Оренбургскій край быстро заселялся и развивался во всѣхъ отношеніяхъ: экономическомъ, военномъ, духовномъ, гражданскомъ, торговопромышленномъ и т. п.; всякія попытки въ возмущенію Неплюевъ предупреждалъ мастерски и въ-время, — не то мы видимъ здѣсь послѣ Неплюева. Среди Яицкаго войска, интересы котораго такъ ревностно оберегалъ Неплюевъ, снова начались беспорядки, скоро перешедшіе въ ожесточенную и непримиримую вражду двухъ партій, *старшинской и народной*, какъ это было и до Неплюева. Военная Коллегія назначила, для разбирательства взаимныхъ споровъ и жалобъ казаковъ, особую Слѣдственную Коммиссію; но Коммиссія только еще болѣе осложнила и обострила враждебныя отношенія казачьихъ партій. Недовольство народной партіи быстро увеличивалось; казаки упорствовали и жаловались на несправедливость слѣдователей. Военная Коллегія мѣняла составъ Слѣдственной Коммиссіи; но перемѣна лицъ не могла предотвратить угрожавшихъ событій. Воспользовавшись

(¹) См. выше стр. 25.

безпорядками въ Яицкомъ войскѣ, калмыки въ 1771 г. безпрепятственно перешли чрезъ Яикъ и бѣжали въ Китай. Киргизы, нападаая на калмыковъ, отнимали у нихъ скоть, увозили въ плѣнъ и убивали ихъ, такъ-что до Китая дошло не болѣе половины всего числа бѣжавшихъ калмыковъ. Между тѣмъ взаимныя ссоры и внутренніе безпорядки въ Яицкомъ войскѣ усилились до того, что въ январѣ 1772 г. въ Яицкомъ городкѣ вспыхнула кровавая междоусобная борьба: опьяненные злобой казаки убили своего атамана Тамбовцева; изрубили саблями генераль-маіора Траубенберга; самымъ безчеловѣчнымъ образомъ лишили жизни дьяка Суетина и писаря Югунова, бросивъ потомъ ихъ трупы въ р. Чаганъ ⁽¹⁾; изуродовали капитана гвардіи Дурновѣ; переранили и умертвили многихъ старшинъ и простыхъ казаковъ, сторонниковъ старшинской партіи; имущество и дома убитыхъ были разграблены; дѣла Слѣдственной Коммиссіи уничтожены. Забывъ страхъ Божій, бунтовщики, остервенившись какъ дикіе звѣри, надругались даже надъ жертвами своей жестокости: убитые были раздѣты и разуты; генералу Траубенбергу насыпали въ ротъ и глаза нюхательнаго табаку; у атамана Тамбовцева вырвали сердце. Разсвирѣпѣвшіе казаки даже не хотѣли дать мѣста на общемъ кладбищѣ для погребенія убитыхъ ихъ же руками: они требовали, чтобы убитые были лишены церковнаго отпѣванія и вывезены въ степь на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ.—Вотъ до какого звѣрства можетъ дойти человѣкъ, подъ вліяніемъ злобы и при отсутствіи въ сердцѣ страха Божія!—

(1) Правый притокъ Урала, протекающій съ западной стороны Уральска и впадающій въ Уралъ подлѣ Ханской рощи.

Нужны были скорыя и строгія мѣры для усмиренія бунтовщиковъ. Изъ Оренбурга былъ отправленъ въ Яицкій городокъ генераль-маіоръ Ф р е й м а н ъ, во главѣ 3000 войска; попытка казаковъ воспрепятствовать вступленію Фреймана въ городъ не удалась. Начались розыски, пытки и наказанія виновныхъ; многіе разбѣжались по хуторамъ и на р. Узени; мѣстныя тюрьмы были переполнены. Казаки присмирѣли, но то было затишье передъ грозой: въ сентябрѣ 1773 г. въ войсковыхъ предѣлахъ появился донской казакъ Емелька Пугачевъ, назвавшій себя Петромъ III, и Яицкіе казаки—народники присоединились къ нему. Болѣе года продолжалась борьба правительства съ Пугачевымъ и его сообщниками; наконецъ сами же Яицкіе казаки выдали Пугачева въ руки законной власти, а 10 января 1775 г. самозванецъ былъ казненъ въ Москвѣ, при громадномъ стеченіи народа.

Мы увѣрены, что еслибы въ это время управлялъ Оренбургскимъ краемъ Неплюевъ, онъ не допустилъ-бы Яицкихъ казаковъ ни до братоубійственной январской рѣзни, ни до участія ихъ въ Пугачевщинѣ: онъ скоро-бы изловилъ кровожаднаго ворона и обрѣзалъ ему крылышки.—Для совершеннаго забвенія кровавыхъ происшествій въ Яицкомъ войскѣ Императрица Екатерина II, по совѣту Г. А. Потемкина, 15 января 1775 г. подписала въ Царскомъ Селѣ указъ о переименованіи р. Яика въ У р а л ь, Яицкаго городка — въ У р а л ь с к ѣ и Яицкихъ казаковъ—въ У р а л ь с к и х ѣ. Такимъ образомъ самоуправленіе, своевольство и самое имя Я и ц к и х ѣ казаковъ сдѣлались лишь достояніемъ исторіи Русскаго народа, служащаго несокрушимымъ оплотомъ порядка и самодержавной власти своихъ законныхъ государей.

Пронеслась, какъ ураганъ, и Пугачевщина, и снова началась работа надъ устройствомъ опустошеннаго и разореннаго края. Пресмнники Неплюева стали изучать его дѣятельность: читали его распоряженія, проэкты, мнѣнія и др. бумаги, которыя пощадило время, и старались подражать Неплюеву въ своихъ дѣйствіяхъ. Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ 2-й ⁽¹⁾, читая переписку и проэкты Неплюева, замѣтилъ: „*Мною еще не выполнено того, о чемъ когда-то помышлялъ Неплюевъ.—Занимая мѣсто Неплюева и читая его мнѣнія, не могу не поддаться обаянію Неплюева и желаю-бы исполнить его волю*“. Князь Григорій Семеновичъ Волконскій, вступившій въ управленіе Оренбургскимъ краемъ въ 1803 г., особенно благоговѣлъ предъ трудами, умомъ и заслугами Неплюева. Желая увѣковѣчить память о немъ въ Оренбургскомъ краѣ, Волконскій задумалъ открыть въ Оренбургѣ особое учебное заведеніе и назвать его Неплюевскимъ. Съ этою цѣлію Волконскій обратился къ общественной благотворительности и, къ величайшему своему удовольствію, отовсюду встрѣтилъ самое живое сочувствіе и готовность помочь доброму дѣлу. Скоро явились и пожертвованія деньгами: внукъ Ив. Ив. Неплюева, тайный совѣтникъ Иванъ Николаевичъ Неплюевъ ⁽²⁾ пожертвовалъ на устройство училища 10000 рублей, жена статскаго совѣтника Ирина Иваповна Бекетова

⁽¹⁾ Сухтеленъ 2-й управлялъ Оренбургскимъ краемъ съ 1830—1833 г. и умеръ отъ холеры; скромная могила его находится въ оградѣ Петропавловской церкви въ Оренбургѣ.

⁽²⁾ Сынъ Николая Ивановича Неплюева отъ его первой жены Татьяны Феодоровны Мещерской, генераль-губернаторъ Минской области и членъ Государственнаго Совѣта, умеръ 6 іюля 1823 г. См. дальше въ «Родословной» стр. 229.

5000 руб., надворный совѣтникъ Н о в о с и л ь ц е в ъ 1000 р., жена статскаго совѣтника Екатерина Ивановна К о з и ц к а я 1500 руб., ростовскій купецъ Николай Алексѣевичъ К е к и н ъ 500 руб., отъ четырехъ мещерякскихъ кантоновъ и отъ пятаго башкирскаго 1806 р. 35 коп. Собравъ такимъ образомъ въ первый же годъ свыше 20000 руб. на устройство училища, въ память Неплюева, В о л к о п с к і й въ маѣ 1806 г. всеподданнѣйше допесъ Государю Императору Александру Павловичу: „Трехгодичное пребываніе мое въ Оренбургской губерніи и наблюденіе надъ народами, обитающими во Всевысочайше ввѣренномъ управленію моему краѣ, подали мнѣ довольно способовъ къ узнанію ихъ душевныхъ способностей и правовъ. Казаки Оренбургскаго войска, башкиры, тептяри и мещеряки и всѣ азіатцы имѣютъ природныя дарованія душевныя, не устрашимы, но правы грубые. При каждомъ удобномъ случаѣ обнаруживается въ сихъ людяхъ склонность къ перемчивости; но и доселѣ способности ихъ покрываются, такъ сказать, мракомъ заблужденія и лучъ наукъ еще не проникалъ въ жилища сихъ необразованныхъ народовъ, между тѣмъ какъ во всей Россіи свѣтъ просвѣщенія разливается съ полною быстротою. Сострадая о таковомъ положеніи сихъ народовъ, погруженныхъ отъ начала своего исхожденія въ невѣжество, я осмѣливаюсь, Всемилоствѣйшій Государь, предположить средства къ образованію сихъ умовъ заведеніемъ въ г. Оренбургѣ училища подъ названіемъ Н е п л ю е в с к а г о, и въ семъ намѣреніи сообщилъ предпріятіе мое нѣкоторымъ особамъ, которые уже и пожертвовали на сіе заведеніе слишкомъ за 20 тысячъ рублей. Имѣя счастье Всеподданнѣйше представить на

Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благо-разсмотрѣніе планъ сему училищу, *осмѣливаюсь испра-шивать Высочайшаго дозволенія назвать оное именемъ Неплюева, какъ основателя Оренбургскаго края, когото дѣла и теперь еще напоминаютъ о пользахъ сей области и память его жива въ сердцахъ грубыхъ, но благодар-ныхъ народовъ.* Во всеглубочайшемъ благоговѣніи под-ношу у сего списокъ особъ, благотворившихъ на сіе заведеніе, и осмѣливаюсь повергнуть ихъ Всемилости-вѣйшему Вашего Императорскаго Величества воззрѣ-нію. Ежели планъ сей удостоится Высочайшаго утвержденія, то благоволите, Всемилостивѣйшій Госу-дарь, повелѣть взять для занятія учительскихъ должно-стей изъ воспитанниковъ Казанскаго военно-сирот-скаго отдѣленія способнѣйшихъ, а въ надзиратели изъ Оренбургскаго гарнизоннаго полка“ (').

В о л к о н с к і й проектировалъ открыть училище съ шестилѣтнимъ курсомъ, при трехъ отдѣленіяхъ, для казенныхъ и своекоштныхъ учениковъ; число первыхъ было опредѣлено въ 40 чел., число же послѣднихъ не было ограничено. Кромѣ наукъ, предположено было обучать воспитанниковъ верховой ѣздѣ, метанію стрѣлъ и коній. Лучшіе изъ учениковъ должны были получать на экзаменѣ похвальные листы, а кончившіе съ успѣ-хомъ полный курсъ, по плану Волконскаго, могли быть выпускаемы изъ заведенія съ чиномъ хорунжаго, если они были русскіе, и въ чинѣ сотника, если они были башкирцы и другіе инородцы. На содержаніе 40 чел.

(') Копія съ настоящаго рапорта, равно какъ и другіе матеріалы объ устройствѣ Неплюевскаго кадетскаго корпуса сообщены мнѣ сотникомъ Оренбургскаго казачьяго войска С. П. Севастьяновымъ, которому и приношу мою искреннюю благодарность.

казенныхъ учениковъ было ассигновано 1500 руб., въ годъ, полагая по 37 р. 50 коп. на каждаго ученика; на жалованье учителямъ, надзирателю, повару и прачкѣ — 900 руб.; отопленіе и освѣщеніе были отнесены на счетъ экономіи отъ содержанія учениковъ, именно на остатки отъ ихъ обмундировки. Для помѣщенія училища предполагалось отвести одно изъ свободныхъ казенныхъ зданій; училище должно было находиться въ вѣдѣніи Пограничной Коммиссіи, подъ главнымъ надзоромъ начальника края. Между тѣмъ пожертвованія на училище не прекращались и послѣ, такъ въ 1807 г. Волконскій получилъ еще 4500 р., а именно: отъ статскаго совѣтника Николая Алексѣевича Дурасова 1000 р., отъ жены коллежскаго ассесора Дарьи Ивановны Пашковой 1000 р., отъ московскаго гражданина Кнауфъ 1000 рублей, отъ петербургскаго купца Василья Алексѣевича Злобина 1000 р., отъ московскаго купца Михаила Павловича Губина 500 рублей.

Въ 1808 году у вдовы коллежскаго ассесора Екатерины Иглиной былъ купленъ за 1200 руб. домъ для начальника будущаго училища, а въ 1809 году оренбургскій помѣщикъ надворскій совѣтникъ Тоузаковъ далъ на постройку зданія подъ училище 5000 руб. Вслѣдъ за тѣмъ купецъ В. А. Злобинъ пожертвовалъ подъ училище деревянный двухъ-этажный домъ, находившійся противъ Троицкой церкви на Неплюевской улицѣ, въ Оренбургѣ, гдѣ впослѣдствіи помѣщался первый эскадронъ Неплюевского кадетскаго корпуса, а нынѣ находится зданіе Оренбургской женской гимназіи. Домъ Злобина былъ оцѣненъ въ 3500 руб. и въ 1811 году принять отъ него По-

г р а н и ч н о й К о м м и с с і е й, которая назначила для его охраны особый караулъ изъ трехъ фортштадтскихъ казаковъ и предписала городничему П о т ы н и н у не занимать его подъ казармы. В о л к о н с к і й нашель этотъ домъ довольно ветхимъ и потому призналъ за лучшее продать его за 3000 руб. женѣ коллежскаго ассесора Маріи Осиповнѣ С е к р е т а р е в о й, имѣя въ виду построить подъ училище новое зданіе.

Не довольствуясь частными пожертвованіями и желая воздвигнуть достойный памятникъ Ив. Ив. Неплюеву, князь Г. С. Волконскій просилъ еще на устройство училища 40000 руб. изъ казны; но нашествіе Наполеона на Русь съ 600-тысячной арміей и страшная Отечественная война 1812 года помѣшали этому: въ виду опаснаго положенія Россіи, заботы объ ея образованіи и внутреннемъ преуспѣяніи были отложены до болѣе благопріятнаго времени. Оставляя Оренбургскій край въ 1817 г., князь Г. С. Волконскій сообщилъ Пограничной Коммиссіи, что капиталъ на устройство Неплюевскаго училища возросъ до 38986 рублей, считая въ томъ числѣ и 6678 руб. 17 1/2 коп. процентовъ, вырученныхъ по ссудамъ частнымъ лицамъ изъ этого капитала. Такимъ образомъ первоначальная мысль объ устройствѣ въ Оренбургѣ Неплюевскаго училища, какъ достойнаго памятника Неплюеву, принадлежитъ всецѣло князю Григорію Семёновичу В о л к о н с к о м у, одному изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Волконскій не только первый задумалъ это полезное дѣло, но и сдѣлалъ для него все, чтобы училище въ недалекомъ будущемъ было открыто,—и, къ счастію жителей Оренбургской губерніи, труды его увѣнчались успѣхомъ:

2 января 1825 года въ Оренбургѣ было открыто военное училище съ наименованіемъ его Неплюевскимъ, въ честь и память основателя Оренбурга и устроителя Оренбургскаго края, Ив. Ив. Неплюева.— Такъ помогаетъ Господь добрымъ намѣреніямъ.

Въ теченіе своего многолѣтняго существованія, Неплюевское училище подвергалось различнымъ преобразованіямъ и носило разныя названія: сначала оно называлось *Неплюевскимъ Военнымъ Училищемъ* (1825—1844 г.), потомъ — *Неплюевскимъ Кадетскимъ Корпусомъ* (1844—1868 г.), *IV Пѣхотнымъ Военнымъ Училищемъ* (1868—1869 г.), *Неплюевской Военной Гимназіей* (1870—1882 г.) и наконецъ съ 1882 г.— снова — *Неплюевскимъ Кадетскимъ Корпусомъ*, оставаясь съ этимъ наименованіемъ и доселѣ. Сначала Неплюевское училище было открыто въ скромномъ деревянномъ домѣ, потомъ помѣщалось въ томъ корпусѣ, гдѣ нынѣ—женская гимназія, а въ 1872 г. оно было переведено въ громадное каменное зданіе, отстроенное для него на Караванъ-Сарайской площади. Въ новомъ зданіи Неплюевскаго корпуса имѣется домовая церковь, во имя Обновленія храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, освященная въ 1872 году 17 сентября преосвященнымъ Митрофаномъ, епископомъ оренбургскимъ и уральскимъ, а впоследствии архіепископомъ новочеркасскимъ. Помѣщеніе домовой церкви Неплюевскаго корпуса свѣтлое, просторное и чистое; при церкви имѣется особая библіотечка, заключающая въ себѣ до 700 экз. книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Въ алтарѣ храма хранится замѣчательный памятникъ церковной древности: иконостасъ походной церкви Воскресенія Христова, пожа-

лованный Петромъ Великимъ его крестнику калмыцкому тайдшѣ Баксадай-Дорджи, а по крещеніи Петру Петровичу Тайшину ¹⁾, а также—антиминсъ, потиръ, звѣздица, крестъ и др. церковныя принадлежности этого походнаго храма.

Первымъ директоромъ Неплюевского училища былъ Григорій Θεодоровичъ Генсъ ²⁾ (1825—1832 г.), служившій потомъ предсѣдателемъ Пограничной Комиссіи, въ вѣдѣніи которой и находилось Неплюевское училище до 1862 г., за нимъ слѣдовали: полковникъ Ахтюровъ (1832—1833 г.), Иларіонъ Михайловичъ Марковъ ³⁾ (1833—1848 г.), Михаилъ Сергѣевичъ Шиловъ ⁴⁾ (1848—1862 г.), Петръ Логинovichъ Энгельке ⁵⁾ (1862—1865 г.), Павелъ Васильевичъ Домерщиковъ (1865—1876 г.), а въ настоящее время директоромъ Неплюевского кадетскаго корпуса состоитъ генераль-маіоръ Теофілъ Матвѣевичъ Самонцовъ, занимающій эту должность съ 1876 года. Не мало вышло изъ Неплюевского корпуса полезныхъ дѣятелей, которые потрудились и трудятся на родной нивѣ; имена нѣкоторыхъ изъ нихъ также занесутся современемъ на страницы отечественной исторіи. Воспитываемые въ духѣ Св. Православной Церкви, въ чувствѣ

¹⁾ См. выше стр. 124.

²⁾ Г. Θ. Генсъ, по отзыву знавшихъ его лицъ, былъ очень образованный человекъ и любитель мѣстной исторіи. Въ Оренбургской городской Общественной библіотекѣ доселѣ хранится часть его рукописей (8 тетрадей), заключающихъ въ себѣ данныя по исторіи Оренбургскаго края.

³⁾ И. М. Марковъ скончался отъ холеры, свирѣпствовавшей въ Оренбургѣ въ 1848 году.

⁴⁾ М. С. Шиловъ умеръ въ С.-Петербургѣ въ 1889 году.

⁵⁾ П. Л. Энгельке только временно исправлялъ должность директора до назначенія П. В. Домерщикова; въ сентябрѣ 1889 года П. Л. Энгельке скончался въ Оренбургѣ.

безпредѣльной преданности Царю и Отечеству и въ правилахъ вѣжливости и благородства, ученики Неплюевского корпуса уносятъ съ собою въ жизнь самыя отрадныя и благодарныя воспоминанія о своихъ воспитателяхъ и о времени пребыванія ихъ въ заведеніи. Искреннія товарищескія отношенія, зараждающіяся еще въ корпусѣ, не оставляютъ кадетовъ и послѣ: начиная съ 1886 года неплюевцы ежегодно собираются 15 января на общій товарищескій обѣдъ, гдѣ все бываетъ запросто, по-кадетски; самый обѣдъ начинается общимъ пѣніемъ молитвы: „*Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ*“, какъ это заведено въ корпусѣ. На этихъ товарищескихъ обѣдахъ воспоминаются былыя времена, дорогія для кадетовъ лица, минувшіе порядки, порывы и увлеченія молодыхъ лѣтъ и благородныя стремленія юности во время нахождения въ Неплюевскомъ корпусѣ; здѣсь же безъ всякой принужденности, по-товарищески, по-братски, происходитъ обмѣнъ мыслей и взглядовъ между стариками, среднихъ лѣтъ и молодыми неплюевцами, — словомъ, все дорогое и милое сердцу, что только сроднило учениковъ съ ихъ заведеніемъ, какъ-бы переживается на этихъ собраніяхъ вновь.

Начиная съ 1823 г. имя Ив. Ив. Неплюева сдѣлалось извѣстнымъ и всей образованной Россіи: въ „Отечествен. Запискахъ“ ⁽¹⁾ появились „Записки“ Неплюева, которыя въ 1871 г. въ болѣе полномъ видѣ снова были напечатаны Л. Н. Майковымъ (братомъ поэта А. Н. Майкова) въ „Русскомъ Архивѣ“ ⁽²⁾. — Въ мартѣ 1873 году въ Уральскомъ Войсковомъ Со-

(1) За 1823, 1824 и 1825 годы.

(2) См. стр. 577—696.

браніи было прочитано п л я т ь публичныхъ лекцій о Неплюевѣ преподавателемъ исторіи и географіи въ Уральской войсковой гимназій В. Н. В и т е в с к и м ъ, которыя потомъ были напечатаны, по желанію наказнаго атамана Уральского казачьяго войска, покойнаго Н. А. В е р е в к и н а, въ „*Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ*“ ⁽¹⁾ и частію перепечатаны въ „*Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*“ ⁽²⁾, согласно предложенію оренбургскаго генералъ-губернатора, покойнаго Николая Андреевича К р ы ж а н о в с к а г о. Въ день столѣтней годовщины, со дня смерти И. И. Неплюева, 11 ноября 1873 года, весь Оренбургскій край молился объ упокоеніи его души: въ этотъ день въ Оренбургѣ, Уфѣ, Троицкѣ, Уральскѣ, Гурьевѣ и другихъ мѣстахъ была отслужена заупокойная литургія съ панихидой по И. И. Неплюевѣ. Въ оренбургскомъ кафедральномъ соборѣ литургію и панихиду совершалъ преосвященный М и т р о ф а н ъ, въ сослуженіи городского духовенства, а протоіерей о. Семеновъ произнесъ приличное случаю слово на текстъ: „*Болящагося Господа не срящетъ зло: аще и въ напасть впадетъ, ники ѡзметъ его. Мужъ премудръ не вознеспавидитъ закона. Жертва мужа праведнаго пріятна, и память его незабвенна будетъ*“ ⁽³⁾. Мистическій законоучитель Неплюевской военной гимназій о. протоіерей С а х а р о в ъ, послѣ литургіи въ домово́й церкви корпуса, также сказалъ глубоко-прочувствованное слово на изрѣченіе Іисуса сына Сирахова: „*Тѣлеса ихъ въ мирѣ погребена быша, а имена*

(1) За 1873—1875 годы.

(2) За 1875 годъ.

(3) Кн. Іисуса, сына Сирахова, гл. XXXIII, ст. 1 и 2, XXXV, ст. 6.

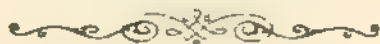
ихъ живутъ въ роды. Премудрость ихъ повѣдаютъ людѣ, и похваля ихъ исповѣсть церковь“ ('). Въ уральскомъ Александро-Невскомъ соборѣ, куда собрались на литургію и панихиду всѣ гражданскіе и военные чины, литургія и панихида были совершены старѣйшимъ протоіереемъ собора Алексѣемъ Парменовичемъ Д о б р о в и д о в ы м ъ, въ сослуженіи съ прочимъ духовенствомъ городскихъ церквей, причемъ священникъ о. Е в л а д о в ъ познакомилъ предстоящихъ съ жизнью и заслугами Неплюева по устройству Яицкаго казачьяго войска. Послѣ божественной литургіи, былъ произведенъ парадный смотръ и разводъ войскамъ. Въ тотъ же день оренбургскій генералъ-губернаторъ покойный Николай Андреевичъ К р ы ж а н о в с к і й, особенно чтившій память Неплюева, подавъ мысль объ устройствѣ въ Оренбургѣ новаго собора, который теперь и воздвигается на Караванъ-Сарайской площади, обѣщая быть однимъ изъ лучшихъ украшеній города.

Въ 1893 г. исполнится 150 лѣтъ со дня основанія настоящаго Оренбурга, а 5 ноября того же года—200 лѣтъ со дня рожденія И. И. Неплюева,—и мы увѣрены, что жители Оренбургскаго края, во всемъ его прежнемъ составѣ, снова вспомнятъ своего благодѣтеля, защитника и устроителя, ознаменовавъ этотъ день какимъ-либо добрымъ дѣломъ, достойнымъ почтенной памяти Неплюева.

Выражая искреннее желаніе, чтобы Россія не оскудѣвала такими умными, сердечными и религіозными труженниками, какимъ былъ вѣчнопамятный Иванъ

(') Гл. XLIV, ст. 13—14. Обѣ «Рѣчи» были напечатаны въ «Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». См. № 12 за 1873 г. и № 1 за 1874 годъ.

Ивановичъ Неплюевъ, мы не сомнѣваемся и въ томъ, что память о немъ навсегда останется въ сердцахъ его согражданъ, и что жители Оренбургскаго края никогда не забудутъ его въ своихъ молитвахъ. — Миръ праху твоему, честный, умный и преданный слуга Русскихъ Царей и Отечества, и Царство Небесное многотрудившейся душѣ твоей, глубоковѣрующій христіанинъ и вѣрный членъ Св. Православной Церкви!

КРАТКІЯ РОДОСЛОВНЫЯ СВѢДѢНІЯ

О ПОТОМКАХЪ ИВ. ИВ. НЕПЛЮЕВА ПО ПРЯМОЙ ЛИНІИ.

1) Дѣти Ив. Ив. Неплюева.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ былъ женатъ два раза: первой его женой была, какъ мы знаемъ, Ѳедосья Ѳеодоровна Татпщева ⁽¹⁾, а второй—Анна Ивановна Панипа ⁽²⁾. Ѳедосья Ѳеодоровна вышла замужъ за Ивана Ивановича 9 сентября 1711 года, а скончалась 4 декабря 1740 года ⁽³⁾; слѣдовательно, была въ замужествѣ болѣе 29 лѣтъ. Анна Ивановна Панипа жила съ мужемъ не болѣе пяти лѣтъ. Отъ первой жены Неплюевъ имѣлъ *шесть* человѣкъ дѣтей: три сына и три дочери, отъ второй жены дѣтей не было.

Старшій сынъ Неплюева Адріанъ Ивановичъ, родившійся въ Поддубьѣ 19 августа 1712 г., скончался 8 ноября 1750 г. въ Константинополѣ, гдѣ онъ служилъ русскимъ посломъ, и погребенъ въ Буюкъ-Дере. Адріанъ Ивановичъ Неплюевъ былъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невского.

Старшая дочь И. И. Неплюева, Марья Ивановна родилась 14 іюля 1714 г. въ Поддубьѣ, скончалась 31 іюля 1769 г. въ С.-Петербургѣ. Она была въ замужествѣ за вице-адмираломъ Воиномъ Яковлевичемъ Римскимъ-Кор-

⁽¹⁾ См. выше стр. 4.

⁽²⁾ См. стр. 27 и 33.

⁽³⁾ По другимъ показаніямъ 1737 г.

саковымъ, кавалеромъ ордена Св. Александра Невского, родившимся 4 іюля 1702 г. и умершимъ 30 іюля 1757 г. Оба (мужъ и жена) похоронены на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. У нихъ были дѣти: Александръ, умершій 15 янв. 1767 г., Яковъ, Петръ и Марія Воиновна, которая была въ замужествѣ за статскимъ совѣтникомъ Зубовымъ; Марія Воиновна извѣстна какъ писательница.

Далѣе у И. И. Неплюева слѣдовали дѣти: Иванъ и Марѳа Ивановны, родившіеся въ Поддубьѣ и тамъ же умершіе: первый скончался 7 лѣтъ, а вторая вскорѣ послѣ рожденія. Последними дѣтьми И. И. Неплюева были дочь Анна и сынъ Николай. Анна Ивандовна родилась въ Константинополѣ въ 1730 г., а скончалась въ 1790 г., будучи уже вдовою дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михаила Кипріановича Лупина, президента Камеръ-Коллегіи и кавалера ордена Св. Александра Невского. Ихъ сынъ Михаилъ Михайловичъ Лупинъ былъ извѣстенъ, какъ замѣчательный филантропъ.

Николай Ивановичъ, послѣдній сынъ И. И. Неплюева, родился также въ Константинополѣ въ 1731 г., скончался 24 мая 1784 г. въ С.-Петербургѣ въ домѣ, гдѣ нынѣ помѣщается Училище Правовѣдѣнія. Сенаторъ и кавалеръ ордена Св. Александра Невского, онъ былъ женатъ, какъ и его отецъ, два раза: *первою его женой* была княжна Татьяна Ѳеодоровна Мещерская, дочь С.-Петербургскаго оберъ-коммента, князя Ѳеодора Васильевича Мещерскаго, правнучка боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева. Татьяна Ѳеодоровна родилась въ 1730 году, вышла замужъ 30 мая 1751 г., умерла 20 іюля 1755 г. въ Оренбургѣ; тѣло ея перевезено въ Поддубье и погребено въ фамиліномъ склепѣ Поддубской церкви. *Вторая жена* И. Ив. Неплюева Агриппина Александровна Нарышкина родилась 12 мая 1731 г., вышла замужъ 28 января 1760 г., умерла въ С.-Петербургѣ. А. Ал. Нарышкина была дочь двою-

родного брата Императора Петра Великаго, оберъ-гофмаршала и кавалера ордена Св. Андрея Первозваннаго Александра Львовича Нарышкина отъ брака его съ племянницею Царицы Марѣи Матвѣевны, графинею Еленою Александровною Апраксиной. Вторая жена Н. Ив. Неплюева имѣла орденъ Св. Екатерины и была Статсъ-Дамой Высочайшаго Двора.

II) Дѣти Николая Ивановича Неплюева и внуки основателя Оренбурга.

Николай Ивановичъ Неплюевъ имѣлъ отъ первой жены Т. Ѳ. Мещерской трохъ дѣтей: Ивана, Николая и Самсона Николаевичей, а отъ второй А. А. Нарышкиной — три дочери: Елену, Θεодосію и Александру и сына Дмитрія; изъ нихъ Николай умеръ 4 л., а Самсопъ и поименованныя три дочки — въ младенчествѣ. Старшій сынъ Н. Ив. Неплюева, Иванъ Николаевичъ Неплюевъ воспитывался подъ руководствомъ историка Голицова и четыре года жилъ съ цѣлію образованія за границей. Впослѣдствіи онъ былъ генераль-адъютантомъ при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, минскимъ генераль-губернаторомъ, сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Иванъ Николаевичъ Неплюевъ имѣлъ ордена Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра Большаго Креста и Св. Георгія Побѣдоносца; скончался въ С.-Петербургѣ 6 іюля 1823 г., а похороненъ въ фамильномъ склепѣ Поддубской церкви. Онъ былъ женатъ на Статсъ-Дамѣ Натальѣ Васильевнѣ Самариной, дочери сенатора Василія Николаевича Самарина отъ брака съ княжною Маріей Васильевною Мещерскою. Наталья Васильевна род. 17 сентября 1777 года, имѣла орденъ Св. Екатерина Меньшаго Креста, приходится родной теткой Юрію Θεодоровичу Самарину, скончалась 10 февраля 1838 г. и погребена въ одномъ мѣстѣ съ своимъ мужемъ, т. е. въ фамильномъ склепѣ Поддубской церкви.

Дмитрій Николаевичъ Неплюевъ, сынъ Николая Ивановича отъ второй его жены А. А. Нарышкиной, родился 16 декабря 1763 года, а скончался 18 октября 1806 г., погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александроневской Лавры. Онъ былъ генералъ-адъютантомъ, сенаторомъ, статсъ-секретаремъ, оберъ-прокуроромъ Св. Синода и кавалеромъ ордена Св. Александра Невского.

III) Дѣти Ивана Николаевича Неплюева и правнуки основателя Оренбурга.

Иванъ Николаевичъ Неплюевъ, внукъ основателя Оренбурга, имѣлъ отъ Н. В. Самариной троихъ дѣтей: Ивана, Адриана и Марію. Старшій сынъ Иванъ Ивановичъ род. 24 апрѣля 1800 года, а скончался 26 октября 1858 года въ Петербургѣ; похороненъ въ Поддубской церкви. Онъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ; 28 декабря 1823 года изъ камеръ-пажей поступилъ въ лейбъ-гусарскій полкъ корнетомъ и дослужился до чина полковника. Въ 1834 г. онъ продалъ родовой домъ въ С.-Петербургѣ подъ Училище Правовѣдѣнія принцу Ольденбургскому, а 29 іюня 1839 г. учредилъ Поддубскій маіоратъ. Иванъ Ивановичъ былъ женатъ на баронессѣ Бертѣ Васильевнѣ Дибичъ, родной племянницѣ генералъ-фельдмаршала, графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканскаго. Берта Васильевна родилась 10 декабря 1794 г., скончалась 25 марта 1869 г., 75 лѣтъ отъ роду, въ Мюнхенѣ и погребена на берегу озера Штарпбергъ. Съ 1840 г. она поселилась за границей, жила нѣкоторое время въ Парижѣ, купила имѣніе въ Пикардіи, близъ замка. Піеррфондъ, а въ 1864 году переехала въ Баварію, проживая лѣтомъ — въ Фельдаффингѣ, а зимой въ Мюнхенѣ, гдѣ и скончалась.

Второй правнукъ Ив. Ив. Неплюева, Адрианъ Ивановичъ род. 28 января 1804 г.; 28 декабря 1823 г. произведенъ изъ камеръ-пажей въ корнеты лейбъ-гусарскаго полка,

а 12 апрѣля 1829 г., простудившись на парадномъ разводѣ, скончался и похороненъ въ Поддубскомъ фамильномъ склепѣ. Его сестра Марія Ивановна род. въ 1805 г., умерла 17 марта 1871 года и погребена въ церкви Св. Духа въ Александро-Невской Лаврѣ.—Марья Ивановна была въ замужествѣ за княземъ Эльпидифоромъ Парфентьевичемъ Энгальчевымъ, другомъ знаменитой Татариновой, умер. 20 января 1853 г.

IV) Дѣти Ив. Ив. Неплюева, правнука основателя Оренбурга.

Полковникъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ имѣлъ отъ Берты Васильевны шесть челов. дѣтей: Николая, Анастасію, Александру, Ивана, Василия и Дмитрія. Старшій сынъ Николай Ивановичъ Неплюевъ род. 30 октября 1825 г. въ С.-Петербургѣ, крещенъ въ церкви Мраморнаго Дворца; воспріемниками его были его родной дядя Адріанъ Ивановичъ Неплюевъ и Софья Юрьевна Самарина, урожденная Нелединская-Мелецкая. Николай Ивановичъ воспитывался въ Швейцаріи и затѣмъ въ Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ; 31 декабря 1844 г. произведенъ въ офицеры и служилъ въ лейбъ-гвардіи драгунскомъ и конно-гренадерскомъ полкахъ. Въ 1863 году былъ избранъ Глуховскимъ уѣзднымъ предводителемъ Дворянства, а съ 1872—1890 г. состоялъ Черниговскимъ Губерпскимъ предводителемъ Дворянства. По смерти своего отца, онъ получилъ въ наслѣдство Поддубскій маіоратъ и мѣстечко Липоль въ Черниговской губерніи, а по смерти матери—имѣніе въ Пикардіи. Николай Ивановичъ скончался въ Черниговѣ 17 января 1890 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и кавалеромъ ордена Св. Владимира 2 ст.; похороненъ въ Липолѣ. Жена Николая Ивановича, баронесса Александра Николаевна Шлиппенбахъ род. 17 іюля 1827 г.; въ замужествѣ—съ 23 апрѣля 1849 г.; воспитывалась въ С.-Петербургскомъ Екатерининскомъ Институтѣ. Оставшись сиротой, она жила въ домѣ своей

бабушки баронессы Маріи Сергѣевны Шлиппенбахъ, урожденной графини Минихъ, правнуки генераль-фельдмаршала графа Бурхарда-Христофора Миниха. Александра Николавна учредила въ Черниговѣ общежитіе при женской гимназіи, а въ Глуховѣ — отдѣленіе Краснаго Креста; въ настоящее время она состоитъ попечительницей женской гимназіи въ Черниговѣ и женской прогимназіи въ Глуховѣ.

Наталья Ивановна Неплюева род. въ 1826 г., скончалась 5 августа 1856 г. Она воспитывалась въ Германіи; получила во владѣніе село Никольское въ Черниговской губерніи и село Головатино въ Кіевской губерніи. Мужъ ея графъ Карлъ фонъ-деръ-Шуленбургъ скончался 7 февраля 1874 г. Оба (мужъ и жена) похоронены въ селѣ Никольскомъ.

Александра Ивановна Неплюева родилась въ 1828 году; получила мѣстечко Охромѣичи Сосницкаго уѣзда Черниговской губерніи; въ замужествѣ была за княземъ Валеромъ Семеновичемъ Урусовымъ (его первая жена); скончалась въ 1855 г. и погребена въ мѣстечкѣ Охромѣичахъ.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ род. 3 марта 1830 г., воспитывался въ Артиллерійскомъ училищѣ, камеръ-юнкеръ Высочайшаго Двора. Въ послѣдство отъ отца онъ получилъ Михайловское — Періи въ Новгородской губерніи и домъ въ С.-Петербургѣ; служилъ нѣкоторое время Устюжскимъ Уѣзднымъ предводителемъ Дворянства. Жена его Софья Васильевна Абрамова живетъ во Франціи.

Василій Ивановичъ Неплюевъ родился въ 1833 г., воспитывался въ Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ; получилъ въ послѣдство мѣстечко Чернобай въ Полтавской губерніи; состоялъ нѣсколько времени Золотопошскимъ Уѣзднымъ предводителемъ Дворянства; впослѣдствіи купилъ виллу Селиньи на берегу Жіневскаго озера и замокъ Корбьеръ въ Фрибургскомъ кантонѣ, въ Швейцаріи. Жена его Наталья Петровна Бемъ живетъ въ Венеціи.

Дмитрій Ивановичъ Неплюевъ родился въ 1838 году; воспитывался въ Училищѣ Правовѣдѣнія; владѣлецъ села Тургинова въ Тверской губерніи; скончался въ 1865 г. въ Венеціи; тѣло перевезено было въ Россію и погребено въ селѣ Тургиновѣ. Жена его Александра Ивановна Шмидтъ — дочь Ив. Ивановича Шмидтъ, отъ брака его съ княжною Софією Владиміровою Шаховскою; до 1882 года жила въ Италіи.

V) Потомки основателя Оренбурга въ V колѣнѣ, или его пра-пра-правнуки.

Николай Ивановичъ Неплюевъ, Черниговскій предводитель Дворянства, имѣлъ отъ брака съ Александрой Николаевной Шлиппенбахъ тронхъ дѣтей: сына Николая Николаевича и двухъ дочерей: Марію Николаевну и Ольгу Николаевну.

Николай Николаевичъ Неплюевъ родился 11 сентября 1851 года въ мѣстечкѣ Янполь. По окончаніи курса въ 1875 году въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, онъ состоялъ съ 1876 — 1878 годъ при Русскомъ Посольствѣ въ Мюнхенѣ; съ 1878—1880 г., оставивъ службу въ Посольствѣ, былъ вольнымъ слушателемъ Петровской Земледѣльческой Академіи. Въ 1885 году учредилъ *Воздвиженскую* сельско-хозяйственную школу. Въ 1886 г., послѣ тяжелой болѣзни, совершилъ путешествіе въ Египетъ и Палестину. Въ настоящее время онъ состоитъ Почетнымъ Мировымъ Судьею и Попечителемъ *Воздвиженской* сельско-хозяйственной школы, при которой намѣренъ устроить домовую церковь и при ней учредить Братство. Николай Николаевичъ напечаталъ нѣсколько сочиненій ⁽¹⁾ и музыкальных піесъ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Ему, между прочимъ, принадлежатъ: 1) Историческое призваніе русскаго помѣщика, Москва 1880 г.; 2) Совѣтъ, Москва 1881 г.; 3) Мысли и совѣты искренняго друга, Сиб. 1882 г.; 4) Хлѣбъ насущный, Москва 1883 г. и др.

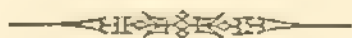
⁽²⁾ Онъ положилъ на ноты нѣкоторыя изъ стихотвореній А. С. Хомя-

Его сестра Марія Николаевна род. 24 мая 1853 г. въ Тихвинскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи; 16 октября 1874 г. она вышла замужъ за дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Михайловича Уманецъ, бывшаго Ново-выбковскимъ предводителемъ Дворянства и скончавшагося 24 ноября 1888 года; Мих. Мих. Уманецъ похороненъ въ Янполь.

Ольга Николаевна Неплюева родилась 14 октября 1859 года въ селѣ Кодиновѣ Московской губерніи.

У Васи́лія Ивановича Неплюева—трое дѣтей: Марія, Иванъ и Петръ. Марія Васильевна род. въ 1862 г. въ мѣстечкѣ Чернобай Полтавской губерніи; въ супружествѣ за княземъ Николаемъ Валеровичемъ Урусовымъ. Иванъ и Петръ Васильевичи живутъ въ Италіи.

Сынъ Дмитрія Ивановича Неплюева, Николай Дмитриевичъ воспитывался въ Венеціи и Римѣ и женился на итальянкѣ; его сестра Александра Дмитриевна замужемъ за Андреемъ Ивановичемъ Раутсманъ; а другая сестра Наталья Дмитриевна за дѣйств. статскимъ совѣтникомъ Львомъ Сергѣевичемъ Биркинымъ.

кова, напримѣръ: «Вдохновеніе», «Труженикъ», «Какъ часто во мнѣ пробуждалась душа отъ лѣниваго сна» и др.; онъ положилъ на ноты для хороваго пѣнія и три молитвы: 1) Молитву Св. Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего»; 2) Братскую молитву: «Кресту Твоему поклоняемся, Христосъ, и Св. имя Твое призываемъ»; и 3) Дѣтскую молитву (для трехъ дѣтскихъ голосовъ): «Господи, любви исполни сердце мое».

Оглавленіе.

(ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ И ОБЪЕМЪ ГЛАВЪ).

I.

Стр..

Предки и родители Пеплюева, его дѣтство, отрочество, юность и женитьба. — Образованіе Пеплюева въ Россіи и за границей, возвращеніе въ отечество, экзаменъ предъ Петромъ Великимъ и поступленіе на службу. 1—17.

II.

Служба Пеплюева въ Турціи при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ. — Болѣзни и возвращеніе Пеплюева въ Россію. — Смерть его первой жены и вторичный бракъ Пеплюева. — Определеніе Пеплюева на должность главнаго командира Молороссіи, его арестъ, лишеніе имѣній, признаніе его невинности и назначеніе начальникомъ Оренбургскаго края. — Внутреннее состояніе Оренбургскаго края предъ прїѣздомъ въ него Пеплюева. 17—31.

III.

Прибытіе Пеплюева въ Самару. — Поѣздка въ Уфу и Орскъ. — Основаніе, построеніе и укрѣпленіе настоящаго Оренбурга. — Военныя линіи укрѣпленій въ Оренбургскомъ краѣ при Пеплюевѣ и заселеніе ихъ ландмилицкими полками. — Начало, происхожденіе и устройство Оренбургскаго казачьяго войска. — Соединеніе оренбургскихъ крѣпостей съ Западной Сибирью. 31—47.

IV.

Начало, происхожденіе и составъ Яицкаго войска. — Первоначальное мѣсто поселенія, время основанія настоящаго Уральска и главные источники продовольствія Яицкихъ казаковъ. — Присоединеніе къ Московскому государству и переходъ Яицкаго войска изъ одного вѣдомства въ другое. — Внутреннее управленіе и выборное начало въ Яицкомъ войскѣ. — Войсковой Кругъ и его значеніе для казаковъ. — Отношеніе къ Яицкому войску Петра Великаго и переписъ казаковъ полковникомъ Захаровымъ. — Недовольство казаковъ дѣйствіями атамана Григорія Меркурьева, жалоба на него, слѣдствіе и его исходъ. 48—59.

Начало укрѣпленія Нижнеяицкой линіи. — Проектъ Татищева о поселеніи по нижнему Яику драгунъ и дворянъ. — Просьба Яицкихъ казаковъ и ходатайство за нихъ Пеплюева. — Укрѣпленіе Нижнеяицкой линіи при Пеплюевѣ и устройство на ней крѣпостей и форпостовъ. — Мѣры предосторожности со стороны Пеплюева противъ нападенія Киргизовъ. — Время основанія Илецкаго городка и личный осмотръ его Пеплюевымъ. — Заботы Пеплюева о безопасности Илецкихъ казаковъ и отношеніе ихъ къ Яицкому войску. — Сакмарскій городокъ и населявшіе его казаки. — Стремленія Пеплюева къ внутреннему устройству Оренбургской губерніи. . . 59—79.

VI.

Прибытіе Пеплюева въ Яицкій городокъ и желанія Военной Коллегіи. — И. И. Рычковъ, достойный сослуживецъ Пеплюева. — Мѣстоположеніе и укрѣпленіе Яицкаго городка. — Заботы Пеплюева о внутреннемъ устройствѣ Яицкаго войска. — Существенныя стороны его проекта. — Уничтоженіе Гурьевскихъ улуговъ и отдача въ аренду Яицкому войску солянаго сбора. — Отношеніе Пеплюева къ старообрядцамъ и служба Яицкаго войска въ прежнее время. — Отношеніе Военной Коллегіи и Сената къ проекту Пеплюева. . . 79—104.

VII.

Составъ и внутреннее состояніе Уфимской провинціи до Пеплюева и при немъ. — Число жителей въ Уфимской провинціи. — Характеръ отношеній Пеплюева къ башкирцамъ. — Ясакъ и другія повинности инородцевъ. — Обложеніе темярей и бобылей 80 коп. податью и попытка къ возмущенію. — Наказаніе виновныхъ. — Исетская провинція, ея границы, природа, климатъ и составъ. — Инородческое населеніе Исетской провинціи по сравненію съ Уфимской провинціей. — Заселеніе Исетской провинціи русскими и возникновеніе русскихъ слободъ, селъ и деревень. — Главное мѣсто управленія Исетской провинціи и проведеніе почтоваго тракта между Оренбургомъ и Троицкой крѣпостью. — Заботы Пеплюева объ улучшеніи экономического быта крестьянъ Исетской провинціи и о заселеніи края русскими. 104—120.

VIII.

Калмыки и переселеніе ихъ въ Россію. — Начало распространенія христіанства среди калмыковъ и крещеніе Баксадай-Дорджи, внука хана Аюки. — Отдѣленіе крещеныхъ калмыковъ отъ некрещеныхъ и построеніе Ставрополя на Волгѣ. — Подчиненіе крещеныхъ калмыковъ Пеплюеву и его заботы объ устройствѣ ихъ быта и управленія. — Крещеніе калмыцкаго владѣльца Чидана Дербетева и

другихъ знатныхъ калмыковъ. — Пикодимъ Ленкѣвичъ и протоіерей Чубовскій. — Общественная запашка, торговля и промыслы калмыковъ. — Калмыцкій судъ, его составъ и обязанности. — Посѣщеніе Пенлюевымъ Ставрополя и результаты его мѣропріятій. — Переселеніе нѣкоторыхъ калмыковъ въ Оренбургъ и обращеніе ихъ въ казаки. — Бѣгство калмыковъ въ Китай. 121—148.

IX.

Стремленія Петра Великаго въ Среднюю Азію. — Состояніе Оренбургской торговли до вступленія въ управленіе краемъ Пенлюева. — Присоединеніе къ Россіи каракалпаковъ и отношеніе къ тому киргизскаго хана Абуль-Хаира. — Причины и начало вражды между Пенлюевымъ и Абуль-Хаиромъ, смерть послѣдняго и выборъ въ ханы его сына Нурали. — Торговше караваны татарина Хаялина и препятствія для успѣшнаго развитія караванной торговли съ Средней Азіей. — Столкновеніе Нурали съ хивинскимъ ханомъ Каиномъ. — Присоединеніе къ Россіи Средней киргизской орды. 148—161.

X.

Заботы Пенлюева о развитіи торговли Оренбургскаго края. — Мѣновая Торговля въ Оренбургѣ и предметы мѣны русскихъ съ киргизами и башкирцами. — Начало мѣновой торговли въ Троицкой крѣпости. — Увеличеніе таможенныхъ сборовъ, выгоды казны и торговаго класса. — Заботы Пенлюева о развитіи промышленности въ Оренбургскомъ краѣ. — Начало правильной разработки Илецкой соли и основаніе Илецкой Защиты. — Горнозаводская промышленность. — Ив. Борисовичъ Твердышевъ и отношеніе къ нему Пенлюева. — Мѣдеплавильные и желѣзодѣлательные заводы въ Оренбургскомъ краѣ при Пенлюевѣ. — Выгоды заводчиковъ и казны. — Минеральные богатства Оренбургскаго края, открытыя при Пенлюевѣ. 162—181.

XI.

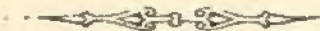
Башкирскій бунтъ въ 1755 г. и его руководитель мулла Батырша Алѣевъ. — Намѣренія и воззваніе Батырши къ магометанамъ. — Содѣйствіе замысламъ Батырши татарскихъ муллъ. — Начало бунта и его распространеніе. — Затруднительное положеніе Русскаго правительства. — Мѣры, принятыя Пенлюевымъ къ потушенію мятежа. — Бѣгство башкиръ въ киргизскія степи, ссора съ киргизами, междоусобная рѣзня и поимка Батырши. — Представленіе Сулеймана Деваева Императрицѣ, его смерть, награжденіе сына Девасева и старшины Яныша Абдуллина. — Основаніе Зелаирской крѣпости и составъ Зауральскаго дистрикта. — Попытка Батырши къ побѣгу и

смерть его. — Общій взглядъ на заслуги Неплюева для Оренбургскаго края и назначеніе на его мѣсто Давыдова 182—197.

XII.

Прибытіе Неплюева въ С.-Петербургъ и его служба при Петрѣ III и Екатеринѣ II. — Потеря Неплюевымъ зрѣнія и выходъ въ чистую отставку. — Частная жизнь Неплюева въ С.-Петербургѣ, Ямполь и Поддубьѣ. — Заботы о воспитаніи внука. — Предсмертное письмо къ сыну, приготовленіе къ смерти, кончина и погребеніе Неплюева. — Отзывъ о Неплюевѣ Голикова. — Общій взглядъ на внутреннее состояніе Оренбургскаго края послѣ Неплюева. — Отношеніе къ Неплюеву его преемниковъ по управленію Оренбургскимъ краемъ. — Желаніе князя Волконскаго увѣковѣчить память о Неплюевѣ и его заботы объ открытіи въ Оренбургѣ Неплюевского училища. — Неплюевскій кадетскій корпусъ въ Оренбургѣ. — Празднованіе столѣтней годовщины со дня кончины Неплюева и приближающійся 200-лѣтній юбилей со дня его рожденія 197—222.

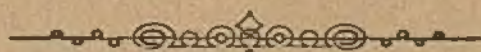
Краткія родословныя свѣдѣнія о потомкахъ Ив. Ив. Неплюева по прямой линіи 223—230.

СОЧИНЕНІЯ

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

1. В. А. Жуковский въ своихъ письмахъ, какъ человѣкъ и наставникъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II. Цѣна 50 коп. Одобрено Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ), равно какъ и городскихъ училищъ.
2. Расколъ въ Уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему духовной и военно-гражданской власти въ концѣ XVIII и въ XIX в. Цѣна 1 руб. 75 коп.
3. Изв. Изв. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія.
Вып. I. Съ приложеніемъ герба дворянъ Неплюевыхъ и портрета И. И. Неплюева съ его факсимиле. Стр. I—XII + 176. Цѣна 1 руб. 60 коп.
Вып. II. Съ приложеніемъ двухъ литографированныхъ видовъ древнѣйшихъ Оренбургскихъ храмовъ. Стр. 1—XVIII + 177—368. Цѣна 2 р.
Вып. III. Съ приложеніемъ литографированнаго вида съ иконостаса походной церкви Воскресенія Христова, сдѣланнаго по рисунку Петра Великаго и подареннаго имъ своему крестнику, калмыцкому тайдшѣ Баксадай-Дорджи, а по крещеніи Петру Петровичу Тайшину. Стр. I—XXIV + 369—616. Цѣна 2 руб. 50 коп.

ЦѢНА 1 руб. 25 коп.

Книги высылаются не иначе какъ заказной бандеролью, а при значительномъ количествѣ экземпляровъ—цѣнной посылкой съ наложеннымъ платежемъ. Главный складъ изданій у автора (Покровская ул., домъ Викторова) и въ книжныхъ магазинахъ **А. А. Дубровина** (Гостинный рядъ, № 1-й) и **Н. Я. Вашманова** (Воскресенская, домъ профессора М. Ф. Болдырева).

2007080003